

Всеволод Сысоев

Золотая Ризма

Всеволод Сысоев

Золотая Ризма

Повести
и рассказы

Художник Г. Д. ПАВЛИШИН

Москва
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1983

*Екатерине Максимовне —
жене и другу*

ОТ АВТОРА

Знаете ли вы край, где виноград обвивает ель, а тигр охотится за северным оленем? Этот край — наше Приамурье!

Выросший в одном из чудеснейших мест Южного берега Крыма, я как-то быстро свыкся с Дальним Востоком, полюбил его всем сердцем, привязался к нему на всю жизнь. Этот край есть за что полюбить. Здесь еще «веет волей дикой». Необозримые дальневосточные просторы расстилаются перед тобой, пленяя своей неизведанностью. И нигде земля не кажется столь первозданной, влекущей к себе человека, как у нас в Приамурье.

Нужно сказать правду: край наш красив, но суров и под стать натурам сильным, крутым, вольнолюбивым. Зато как сказочно он богат!

Кто бы ни посещал наши края, все останавливаются в изумлении перед величественной, неповторимой дальневосточной природой. Каждого поражает прежде всего удивительное смешение и сосуществование на одной территории севера и юга. Теплолюбивые растения растут рядом с типичными северянами: пробковое дерево — бархат и лиственница, лиана шизандра и береза, рододендрон и аралия. Такое же смешение и в животном мире: антилопа-горал и кабарга, леопард и россомаха, непальская куница-харза и колонок. Сколько таких контрастов и парадоксов в природе! Скалистые горы чередуются со степями, дремучие непроходимые леса сменяются холодными, каменистыми пустынями-тундрами, сумрачные ельники и пихтачи перемежаются ажурными лиственничниками. Дальневосточные болота-мари простираются не только в долинах, а и по склонам сопок и на водоразделах. Бредешь по однообразной багульниковой топи, кругом царство мхов и осоки, и вдруг на темной поверхности пойменного озера, крупные розовые цветы священного лотоса!

Когда-то Великое Сибирское оледенение, сметая на пути свою флору и фауну, остановилось в нашем крае. Долины Уссури и Среднего Амура не покрывались ледяным панцирем, вот и сохранились здесь растения и животные далекого неогенового периода: тис и кедр корейский, диморфант и микробиота, чешуйчатый крохаль и гигантский дровосек!

Мы во власти муссонов. Лето у нас, как в Северной Индии, — влажное и знойное, а зима сибирская, морозная, длинная, но зато какая солнечная! Лучшая пора в Приамурье — осень. Стихли летние муссоны, и надолго устанавливается сухая, теплая, солнечная погода. Зеленый наряд сопок оживляется бронзовыми пятнами берез и бархата, затем желтое пламя охватывает обширные увалы, поросшие ясенем и осинкой. Вспыхивают багрянцем клены, рябина. Еще неделя, и склоны гор покрываются цветистым иранским ковром, а над ними синее прозрачное, чистое небо!

В южном Приамурье и Уссурийском крае растут смешанные кедрово-широколиственные леса. Густые кроны сорокаметровых кедров, лип, ясеней и ребристых берез смыкаются над головой. Путь преграждают высокие папоротники-страусоперы, заросли лиан и колючих кустарников. Здесь сумрачно, сыро, душно. Ноги утопают во влажной почве,

на которой местами отпечатались круглые лапы тигра. Как все это напоминает джунгли!

Много мне пришлось бродить по лесным тропам Сихотэ-Алиня: то с целью изучения запасов диких животных и их образа жизни, то с задачей расселения новых ценных зверей. Особенно памятли мне встречи с тигрологами, людьми мужественной и романтической профессии, которая встречается только на Дальнем Востоке. Довелось и мне принимать участие в ловле тигров — великолепных царственных зверей.

В литературу тигр вошел как лютый, кровожадный зверь-людоед. Согласиться с такой оценкой животного я не могу. Наш дальневосточный, реликтовый, длинношерстный тигр — редкое, драгоценное животное. Он не агрессивен и даже полезен в борьбе с волчьей опасностью. Являясь живым памятником былого великолетия древних кедрово-широколиственных лесов, он заслуживает охраны и дальнейшего изучения. Леса Дальнего Востока потускнели бы, исчезли в них тигр!

Никакое впечатление, полученное на охоте, не может сравниться с тем, что я испытывал, когда связывал лапы молодой тигрицы, пойманной на Сихотэ-Алине. Большими золотистыми глазами смотрела она на меня. Не было злобы и трусости — недоумение и гордое сознание своей силы светилось в них.

Я всегда был страстным охотником и любил ходить на медведя. В Приамурье много бурых медведей, и достигают они полутонны в весе. Эти «хозяева» наших лесов обижают не только кабанов и оленей, но даже отваживаются вступать в единоборство с тиграми и выходить при этом победителями. Кроме бурых, обитают у нас белогрудые, или гималайские, медведи, ведущие полудревесный образ жизни. Они не только кормятся на дубах и черемухах, но и берлоги устраивают в дуплах больших деревьев, и на свет появляются в этих же берлогах. Еще недавно охота на гималайских медведей была очень популярна, в настоящее время животное это охраняется законом.

Когда я приехал в Приамурье, местные промысловые охотники вели кочевой образ жизни. Потом они перешли к оседлости, и стали постепенно зарастать их кочевые «дороги». Теперь в крае применяются новые формы освоения таежной целины — созданы государственные и кооперативные промысловые хозяйства, и в глухие лесные дебри уходят не узкие оленьи тропы, а широкие следы вездеходов, и охотников в их отдаленные уголки завозят на вертолетах. Основным видом пушного промысла в крае является соболь. Самые дорогие в нашей стране черные соболи добываются на севере Приамурья. Описать красоту соболя так же

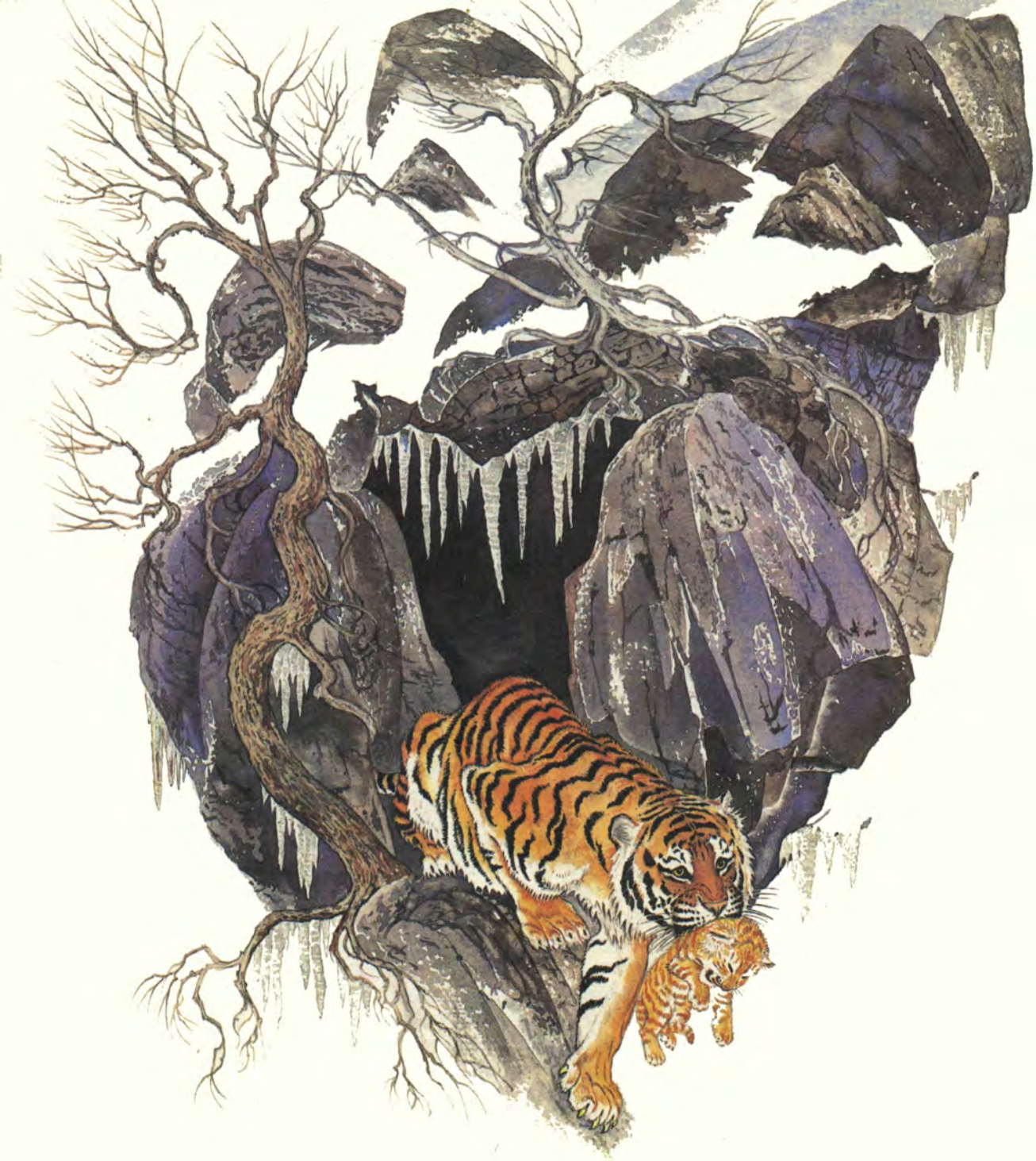
трудно, как красоту жемчуга. Приятная темно-коричневая окраска, переходящая в черно-смолистый оттенок с морозной искрой редких белых волосков, нежная пушистость, под стать лебяжьему пуху, густота и шелковистость волосяного покрова, легкость и прочность соболиного меха укрепили за ним мировую славу «черной жемчужины» тайги. Я испытываю большое уважение к труду охотника-промысловика. Он первым приходит в необжитые дебри. За ним потом придут лесорубы и рыбаки, земледельцы и животноводы. Сколько географических открытий сделали охотники!

Добывая «мягкое золото» в бескрайних лесных просторах, охотник стоит один на один с природой, терпя лишения и борясь с грозными ее проявлениями. Охотник не уничтожает, а сберегает и преумножает запасы диких животных. До самозабвения он любит свое дело, недаром его профессию именуют страстью.

Охотника окружает множество разнообразных животных, повадки которых он порой знает лучше другого ученого. Я тоже учился у охотников-промысловиков постигать тайны поведения зверей и птиц, более полувека охотился, и захотелось мне поделиться с тобой, дорогой читатель, своими скромными наблюдениями. Я буду рад, если полюбишь ты наш край, вобравший в себя причудливость лесов Индии и красоту сибирской тайги.

Книга эта иллюстрирована акварелями хабаровского художника Геннадия Дмитриевича Павлишина. Еще никогда природа северных джунглей не изображалась столь правдиво, типично и ярко!

Всеволод Сысоев

П О В Е С Т И

ЗОЛОТАЯ РИГМА

ЗОЛОТАЯ ТИГРИЦА

Девственный лес Сихотэ-Алиня стынет в объятиях жгучего мороза. Гнутся до самой земли ветви молодых пихт и елей под тяжестью снежной кухты. Наступил первый месяц весны, а свирепая пурга намечает глубокие сугробы, тщательно укрывает сопки ослепительно белым снегом.

Лишь в одном месте, среди мрачных гранитных расселин, черным пятном зияет вход в пещеру. Едва приметный след вьется между дряхлыми кедрами. В пещере вечный полумрак. Днем здесь холоднее, чем снаружи. На сухой черной земле, усталой истлеваю-

щими листьями, дремлют два маленьких тигренка. Суровый лес безмолвно встретил появление на свет тигрят, но заботливая мать проявила к ним столько внимания и ласки, что все опасности, таившиеся в лесных дебрях, отступили от полосатых малышей. Под надежной защитой тигрицы им не были страшны ни холод, ни многочисленные кровожадные враги. Безмятежно спали брат и сестра, пригревшись у теплого материнского бока. Сестренка имела удивительную окраску: ее светлую пушистую шкурку покрывали широкие желтые полосы. Этот золотистый цвет немало поразил бы и привел в восторг натуралистов, мать же не обращала внимания на редкую для тигриного рода окраску своей дочери. Люди впоследствии назовут ее Ригмой. Много приключений произойдет с ней, прежде чем станет она могучим и мудрым зверем, владычицей северных джунглей, а пока маленькая Ригма теснее прижимается к широкой лапе матери.

Стихла метель. В ярких лучах мартовского солнца заискрились крупные снежинки. В густой синеве неба проплыл ворон. Над широким лесным распадом пронесся его ликующий крик и долетел до чуткого уха старой тигрицы. Она несколько дней ничего не ела, утоляя жажду снегом, лежавшим толстым слоем у входа в пещеру. Голод заставлял идти на охоту.

Торопливо спустилась она в ключ, где обычно паслись табунчики кабанов, и стала разыскивать добычу. С уходом тигрицы холодно и страшно стало маленькой Ригме. Съежившись в пушистый комочек, озираясь по сторонам, она теснее прижалась к дрожавшему от холода братишке. Скорее бы возвращалась мать. Пройдет несколько лет — и тигрята станут наводить страх на всех обитателей леса, а пока они так беспомощны и беззащитны. Стоит войти в пещеру медведюшатуну или волку, забежать росомaxe или кунице-харзе, даже залететь филину — и не станет этих двух крохотных существ. Вернется мать-тигрица, в тоске обнюхает пустое холодное логово...

Ригма не знала отца. Он бродил где-то на далеком Матае, занятый заботой о себе. Мать, выйдя на охоту, ни на минуту не забывала об оставленных малышах. Поймав кабана и едва утолив голод, она примчалась в пещеру, чтобы накормить и обогреть заждавшихся детей, а через несколько дней снова исчезла в тайге.

Однажды, возвращаясь к логову, тигрица учуяла едва различимый запах дыма, доносившийся из глубокого распадка, и остановилась. Человек здесь не появлялся давно. Инстинктивно тигрица понимала, что зимой дым связан только с ним. После долгого колебания она медленно зашагала навстречу опасности. Лес поредел. Каменистые россыпи низвергались к самому берегу ключа. Отсюда его долина хорошо просматривалась. Острое зрение тигрицы уловило движение человеческих фигурок, казавшихся на фоне снега угольно-черными. Один поправлял костер, двое ставили палатку, другие

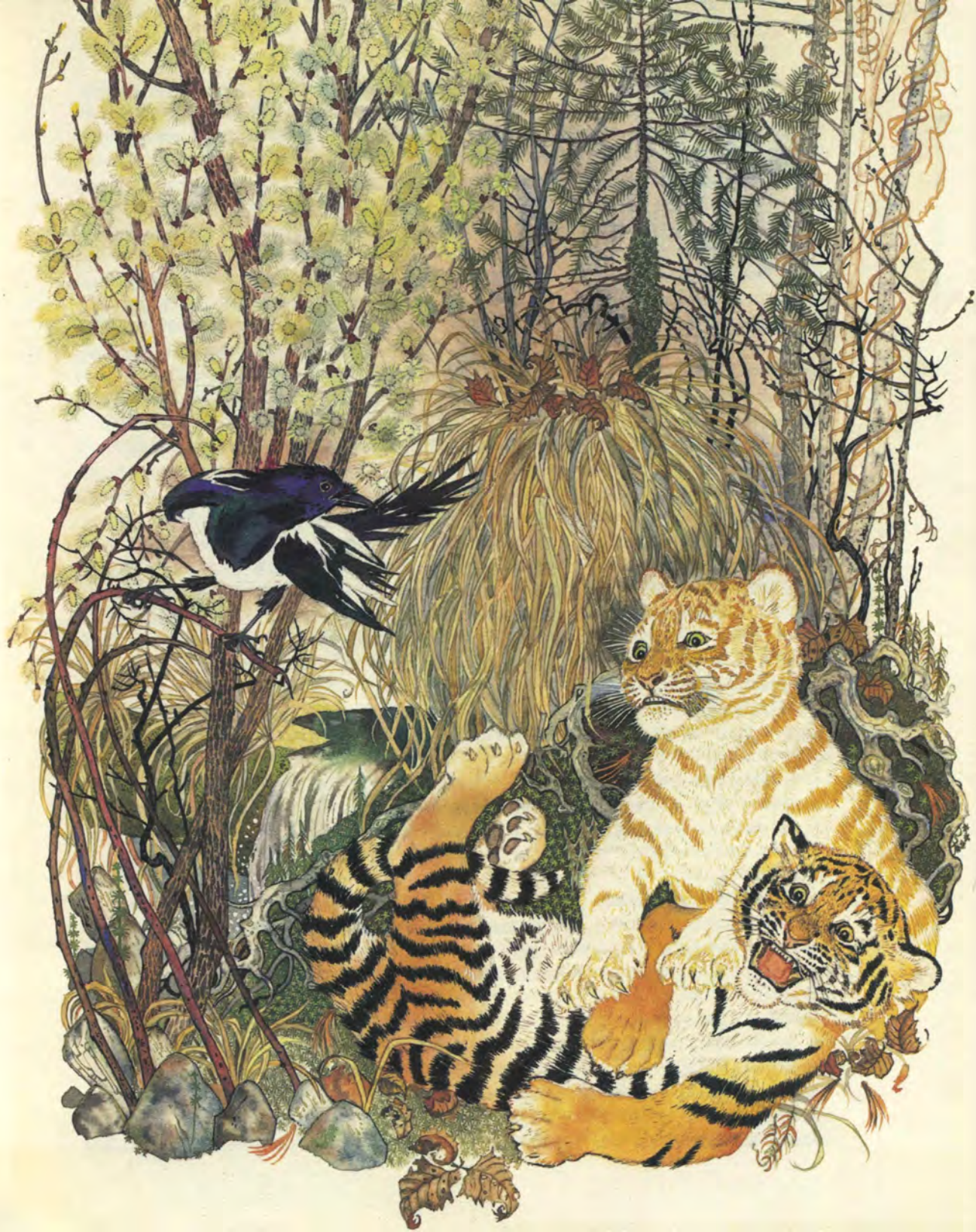
подтаскивали валежник к костру. Тигрица замерла. Лишь едва уловимое движение ноздрей да расширившиеся зрачки золотистых глаз выдавали ее волнение.

Не подозревая близости страшного зверя, лыжники готовили бивак, стучали топорами, разговаривали, громко смеялись. Эти звуки долетали до чуткого уха тигрицы, а она все еще стояла в оцепенении на черном камне. Никогда не встречаясь до этого с туристами, тигрица приняла их за охотников. Раздался слабый звук выстрела, словно треснуло от мороза дерево. Это один из лыжников захотел добыть для чучела подлетевшую к биваку сову. Даже после выстрела тигрица не шелохнулась. Заботливая мать думала лишь о том, как отвести возможную беду от своих тигрят. Зоркие глаза прощупывали каждый куст, каждый предмет: нет ли где собак, этих неизменных спутников охотников?

Велика подозрительность у старого хищника. Тигрица обошла табор с подветренной стороны. Выйдя на следы людей, она долго принюхивалась. Кроме незнакомого запаха лыжни, она не уловила ничего. Собак с охотниками не было. Если бы она обнаружила их следы, то не ушла бы от бивака, прежде чем не расправилась с ненавистными псами. Тигрица не очень боялась человека, но инстинкт материнства властно требовал защитить своих детей, укрыть их от беды.

Волнение матери передалось тигрятам, когда она появилась в логове. Выбежав ей навстречу, малыши притихли и насторожились. Тигрица не стала их кормить. Она придавила лапой к земле Ригму, затем вобрала ее плечи в свою огромную пасть и понесла прочь. Несколько часов несла тигрица маленькую Ригму к логову, где четыре года тому назад у нее появились первые дети. Оставив Ригму одну, мать вернулась за ее братом и, как только принесла его, накормила молоком проголодавшихся тигрят. Затем она снова вернулась к опасному распадку. Обойдя широким полукругом покинутый бивак, тигрица убедилась, что люди ушли в противоположную сторону. Несколько раз появлялась она в районе неприятной встречи. Лыжные следы утратили какие-либо запахи, новых не было. Тигрица окончательно успокоилась.

...Весна медленно входила в лес. Днем потемневший снег таял, оседал, напивавшись водой, становился зернистым. Ночные морозцы высушивали проталины, схватывали мокрый снег, превращая его поверхность в ледяную корку — наст. По нему легко бегали колонки и гималайские куницы, волки и рыси, но олени, лоси, кабаны и косули проваливались; острые ледяные края наста, словно ножи, резали ноги, следы окрашивались кровью. То, что благоприятствовало хищникам, было губительно для копытных. Недолго длилась эта

страшная для них пора: быстро тающие сугробы не успевали замерзать ночью. Загремели горные ключи, запахло прелыми листьями и смолистыми почками тополей и берез. Лес ожил, наполнился шорохами. Покинули берлоги медведи, вылезли из своих нор барсуки и енотовидные собаки; дневные голоса птиц сменялись ночным хором лягушек. В эту пору человек покидает леса, только у сплавщиков начиналась горячая пора: вскрывались реки.

Тигрята радовались весне. Исчез снег, и логово потеряло свои границы. Теперь Ригма и ее брат могли целыми днями гоняться друг за другом на большой поляне, взбираться на камни, спускаться к ключу. Иногда в пылу игр они так далеко убегали от логова, что возвратившаяся мать подолгу разыскивала их и, не найдя, подзывала к себе голосом, от которого с трепетом замирали олени, в ужасе убегали кабаны.

Однажды тигрица, возвратясь с охоты, принесла молодого кабана и положила его перед попятившимися тигрятами. И хотя добыча была неживой, шерсть на тигрятах встала дыбом. Переминаясь с лапы на лапу, стали они кружить вокруг неизвестного зверя, принюхиваясь к нему, не понимая, что надо с ним делать. Видя нерешительность своих детей, тигрица снова взяла в зубы кабана, перенесла его на несколько шагов в сторону и, положив на землю, стала облизывать добычу, как бы подбадривая их. Ригме показалось, что кабан при этом зашевелился. Она быстро схватила его за ухо, а брат — за заднюю ногу. Тигрята осмелели. Лежавшая рядом мать шевелила лапой кабана, и это служило сигналом к очередному нападению. Тигрята имели маленькие клыки, неокрепшие зубы и, хотя поросенок издавал аппетитный запах, ничего поделать с ним не могли.

Вдоволь позабавившись добычей, тигрица разорвала поросенка на две части и отдала их детенышам. Ригма впервые познала вкус мяса дикого кабана, самой желанной пищи всех тигров.

Весеннее солнце по-летнему прогревало южные склоны сопок. Тигрята подолгу дремали, растянувшись на прошлогодних дубовых листьях. Окраска их так хорошо сливалась с цветом окружающей среды, что малышей трудно было рассмотреть даже вблизи.

Чуткую дремоту Ригмы как-то прервал сильный шорох, словно по лесу брел крупный зверь. Вскочив в испуге, она притаилась за деревом. Прямо на нее бежал дымчато-серый зверек с большим черным пушистым хвостом. Это белка искала прошлогодние желуди. Не добежав до Ригмы, она почуяла слабый запах кедрового ореха и начала быстро разгребать цепкими лапами прелую листву. Пытаясь

схватить белку, Ригма прыгнула. Другой зверек вряд ли избежал бы тигриных когтей, но чернохвостка птицей взметнулась по гладкому стволу и, усевшись на суку, сердито зацокала.

В лесу жило много бурундуков. Производя своей возней сильный шум, они беспокоили Ригму, но очень редко попадали под ее широкую лапу.

Весенний лес был полон дневных и ночных шорохов. После долгого зимнего оцепенения все звери и птицы пришли в движение. Одни наслаждались брачной жизнью и любовными играми, другие были озабочены устройством гнезд и обновлением убежищ. Возбужденные обитатели леса то и дело натывались на Ригму, пугали ее, но и сами испытывали перед ней еще больший страх.

Незаметно прошла весна. По-прежнему стояла сухая ветреная погода, и лишь горячее солнце да распутившаяся листва деревьев и кустарников свидетельствовали о начале лета.

В различных местах вспыхивали низовые пожары. Они наполняли лес удушливым дымом, который, словно густой туман, застилал долины, закрывал горы. Солнце, едва пробиваясь сквозь плотную пелену дыма, висело в небе зловещим кроваво-красным шаром.

Поначалу огонь медленно расползлся по склонам сопки, пожирая прошлогоднюю сухую траву и валежник. Иногда он угасал, но легкий ветерок разносил искры тлеющих пней, и они, западая в иссохшие лишайники, разгорались маленькими огоньками. Спускаясь в долины ключей, огонь пробирался в густые заросли вейника. Пламя катилось по вейниковым лугам, как по спелой ниве, уничтожая мелких зверей и птичьи гнезда; изюбры и косули не боялись пала: они, словно играючи, легко перепрыгивали без всякого вреда для себя метровое пламя. Многие километры прошел низовой пожар, оставляя после себя черные выжженные луга и поляны, закопченные стволы деревьев. Пал уходил, но подолгу дымились обсохшие болота: горели глубокие пласты торфа.

Пока огонь пробирался дубовым или березовым редколесьем, он не нес большой опасности зверям и птицам. Но вот медленно ползущая змейка огня углубилась в густой ельник. Послышался сильный треск. Пламя, взметнувшись вверх, мгновенно поглотило несколько темно-зеленых крон, клубы черного дыма поднялись к небу. Налетевший порыв ветра наклонил огневую стену над лесом — и пошла полыхать смолистая хвоя, словно порох. Рев могучего пламени, треск горящего леса, свист ветра смешались в страшном гуле верхового пожара. Казалось, сам лес взревел от боли и стонет от ужаса. Адская жара породила бешеные потоки воздуха. Ураганные завихрения ломали деревья, поднимали в небо горящие ветки, бросали летящих птиц в пламя. В огненном шквале гибли белки и бестроногие косули, металась с ревом медведи. Реки огня разливались

по лесным чащобам, то расходясь, то соединяясь, и тогда все живое, очутившись в огненном кольце, погибало. Обезумевшие звери выбегали на чистые места к озерам, обжигая ноги, уходили через горящие торфяники. Нестерпимым зноем веяло от сгоревшего леса, а огонь катился все дальше и дальше, превращая зеленое море тайги в черную пустыню смерти и пепла.

Спасая гибнущий лес, люди с риском для жизни прыгали с парашютами на лесные поляны. Приземлялись порой вблизи огня и тушили пламя, но огонь прорывался в другом месте. Только многодневные дожди могли погасить разбушевавшийся на сотни километров пожар, но на тусклом небе не появлялось ни одного облачка.

Ночами старая тигрица видела отблеск приближавшегося огня. Она очень боялась этой грозной стихии. Даже низовой пожар становился опасным для тигров: их мягкие, не защищенные толстым роговым слоем подушечки лап легко обжигались. Обеспокоенная усилившимся чадом, тигрица заблаговременно покинула обжитое место и увела тигрят по ключу на самую вершину сопки. Здесь воздух был чище, звери чувствовали себя в безопасности.

На самом водоразделе находилось большое кабанье купалище. Через него шла хорошо проторенная звериная тропа. Подступающие к тропе ели и пихты носили следы острых клыков кабанов. Многие секачи чесали свои бока об эти деревья, оставляя на смолистых стволах грязь и щетину. Не нужно стало далеко ходить за добычей: кабаны сами подходили к засаде тигрицы.

Ясная погода, длившаяся несколько недель, наконец испортилась. Наступил сезон летних муссонных дождей. В первые же три дня лесной пожар прекратился, прояснилось небо. Как легко и приятно дышалось теперь Ригме! Влажный чистый воздух промытого дождями леса наполнился смолистым ароматом тополевых листьев, медвяным запахом липового цвета. Особенно волновали тигров едва уловимые запахи следов оленей и кабанов. Лишь медвежий дух будил инстинкт самосохранения и заставлял держаться осторожнее.

Земля давно напилась влагой, во всех распадках гремели ключи, а дожди все лили и лили. Тигрята не успевали высыхать, хорошо хоть воздух был теплым и не ощущалось недостатка в пище: заботливая мать то валила оленя, то схватывала зазевавшегося кабана.

Однажды мелкий морозящий дождь перешел в тропический ливень. Водяная пелена ниспадала с неба столь густо, что на расстоянии нескольких шагов с трудом различались деревья. Шелест падающих крупных капель дождя усиливался порывами ветра, сливаясь с шумом ветвей. Притихли птицы, притаились звери.

Ливень застал тигров в широкой долине Светлого ключа. Укрыв-

шись в густом ельнике, тигрята прижались к стволам деревьев, не замечая стекавших струек воды. Их пушистые шубки скоро намокли, а дождь все не переставал. В начале ночи к монотонному шуму дождя стал примешиваться какой-то отдаленный рокот. Он нарастал, приближаясь к долине ключа. Это сквозь чащу деревьев катился двухметровый сплошной вал воды, образовавшийся из слившихся дождевых потоков. С глухим рокотом неся водяной вал сквозь лес, пригибая кустарники, унося валежник, сметая все на своем пути. Лисицы и зайцы, бурундуки и змеи забирались на полуповаленные деревья, всплывшие валежины. Наводнение примирило и объединило всех зверей в одну семью, заставило забыть вражду. Мокрые, дрожащие от холода, они все стали равны перед лицом смертельной опасности.

Вода, подступая со всех сторон к небольшой возвышенности, где отсиживались тигры, просочилась под Ригму. Звереныши поднимали лапы и сердито отряхивали с них воду. Нужно было искать новое, более надежное убежище. Обнюхивая воду, старая тигрица спокойно вошла в мутный поток и поплыла к едва видневшейся сопке. Тигрята последовали за ней. Сильное течение сносило их в сторону, они отставали, но плыли легко.

Тиграм пришлось проплыть несколько сот метров, прежде чем они добрались до каменистого склона незатопленной сопки. Брезгливо отряхнувшись, они облизали мокрую шерсть, затем разыскали нависшую над обрывом скалу и улеглись под ней на сухой прошлогодней листве. Теперь ненастье их не страшило.

Всю ночь из долины доносился шум бушующей воды. Дождь то переставал, то снова, как будто отдохнув, начинал хлестать по деревьям. Пригревшись у теплого бока матери, Ригма притихла, и хотя сон ее был очень крепким, проснулась сразу, услышав громкое карканье, извещавшее о наступлении утра. Сидя на вершине кедра, ворона рассматривала разлегшихся тигров и выкрикивала на весь лес: «Как! Как! Как!», словно спрашивая: «Как вы здесь появились?»

Ригма широко раскрыла глаза. Поднявшееся над сопками солнце озаряло мокрый лес. Вода блестела в затопленной долине, но заметно спала. В темно-голубом чистом небе плавно кружил беркут, зорко высматривавший, нет ли где какой поживы. Отдохнувшие тигрята не торопились разыскивать мать, ушедшую чуть свет на охоту. Радясь солнечному теплу, они переворачивались с боку на бок, подолгу лежали на спинах, лениво шевеля хвостами.

Яркий солнечный день становился знойным. Высохшие листья деревьев и трав источали горьковато-смолистый запах. Щебетание птиц и пронзительные крики индийской кукушки оживляли лес. Ликующее настроение природы передалось тиграм. Они без усталости носились по кустам, то разбегаясь в разные стороны, то, припав

к земле, снова подкрадываясь друг к другу. Ригма так плотно прижималась к малейшей впадине, что брат терял ее из вида и, высоко задирая голову, выдавал свое присутствие. Не спуская с него глаз, Ригма выжидала... При виде мчавшейся на крупных прыжках шалуни шерсть на спине ее брата поднималась дыбом, он скалил пасть, но стоило сестре коснуться его передними лапами, как тигренок падал на спину и частыми ударами задних лап отбивался от нее.

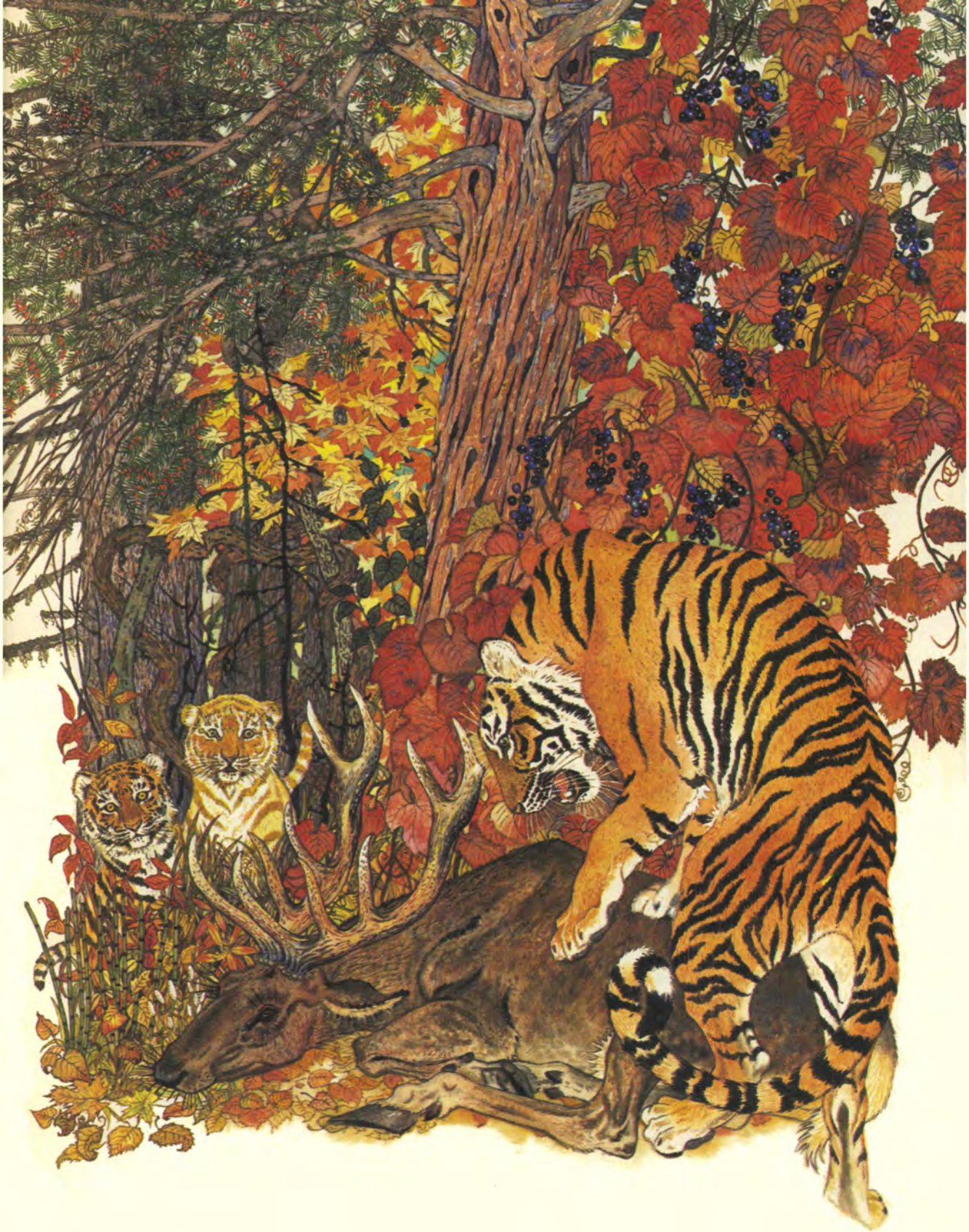
К вечеру вернулась мать, принеся теленка изюбра. На следующее утро тигры покинули временное пристанище под скалой, а спустившаяся на землю ворона позавтракала обильными остатками их стола.

В течение всего лета не покидала семья тигров распадка Светлого ключа и косогоров, спускавшихся к нему. Тигрица приносила добычу во временное логово или, забрав с собой детенышей, вела их к месту охоты.

С приходом осени на Сихотэ-Алине установилась солнечная погода. Ночные заморозки расцветили листья деревьев и трав. Ярким багрянцем вспыхнули кусты клена и дикой малины, золотистой охрой покрылись шатрообразные кроны бархата амурского. Побронзовели узорчатые листья пышных папоротников. И только зелень елей и пихт стала еще ярче, еще свежее. Раньше всех уронил свои перистые листья маньчжурский орех. Отряхнула зеленый убор приречная черемуха.

Проголодавшиеся тигрята всю ночь с нетерпением поджидали свою мать, ушедшую на охоту. Тишину едва забрезжившего рассвета неожиданно нарушил могучий рев какого-то неизвестного зверя. Рев заканчивался нотами, похожими на голос матери, зовущей их к себе, и в то же время пугал протяжностью и высотой звука. Тигрята прижались друг к другу, уставившись немигающими глазами в сторону, откуда неслись незнакомые звуки. Но зверь не приближался к ним, продолжая время от времени потрясать воздух могучим зовом, отдававшимся в распадке. Неведомый зверь так яростно и долго ревел, что тигрятам стало страшно, они забеспокоились. Мать не появлялась. Ригме казалось, что зверь, оглашавший лес громким криком, был хозяином косогора и вызывал на смертный бой каждого, кто вздумает оспаривать это право. Тигрята решили убраться подальше и бесшумной рысцой потрусили к вершине сопки, но едва они достигли перевала, как до них донесся голос матери. Она не звала к себе, а лишь спрашивала, где они находятся. Значит, охота не удалась, и тигрица возвращалась без добычи. Отозвавшись, тигрята остались на перевале ждать ее.

В это время снова послышался рев незнакомого зверя, и тут же

мать ответила почти таким же приглушенным голосом. Тигрята замерли в нерешительности — казалось, мать не торопилась к ним. А разъярившийся страшный зверь ревел теперь почти не переставая и медленно приближался к затаившимся малышам. Волнение тигрят усилилось. Они то вскакивали на высокий камень и напряженно вслушивались в каждый шорох, то приседали на задние лапы. Вдруг рев зверя как-то неестественно оборвался, и в лесу установилась звенящая тишина, прерываемая лишь каплей обильной утренней росы, предвещавшей хороший солнечный день. Прокричала проснувшаяся желна, где-то прошуршала листвой бегущая по земле белка.

Успокоенные тишиной, тигрята стали осторожно спускаться с сопки туда, откуда последний раз донесся так странно изменившийся голос матери. Вот и знакомый запах материнского следа. Пройдя по нему с километр, тигрята остановились в нерешительности: легкий ветерок донес запах крови. Долго всматривались они в гущу ореховой рощицы, прежде чем увидели свою мать. Поставив передние лапы на тушу рогатого быка-изюбра, она смотрела в их сторону и тихим грудным голосом подзывала к себе. Лишь позже Ригма узнала, что безобидный олень-самец в брачную пору своей жизни может напугать ревом не только неопытного тигренка, но и взрослого зверя.

На Сихотэ-Алине надолго установилась яркая, звонкая осень. Лесные опушки и дубовые релки, привлекавшие зверей обилием разной пищи, теперь хорошо просматривались. В них стали чаще появляться люди. Начались передвижения кабаньих табунов и изюбров с закрайков тайги в глубь горных лесов. Сытая жизнь наступила для тигров.

Казалось, ничто не предвещало быстрого приближения зимы, только морозы крепчали по ночам, покрывая стекловидным льдом мелководные заводи лесных протоков. Как-то ночью Ригма увидела медведя, забиравшегося на старую сухую липу. Ригма инстинктивно боялась ходить по свежим следам косматых великанов, и только близость матери успокоила ее. Медведь и не подозревал, что из-за густого куста лещины за ним следят немигающие глаза тигренка. Добравшись до зияющего черного отверстия дупла, он затолкал в него по самые плечи голову и с силой втянул в себя пахнущий гнилью воздух, убедившись, что дупло необитаемо, медведь вскарабкался выше отверстия и, опустив в него задние лапы, стал спускаться, пока не исчез весь. Напрасно Ригма ждала, что медведь вылезет обратно. На всю долгую зиму обосновался внутри пустотелого дерева косолапый.

Утром на небе, задернутом толстым слоем облаков, солнце не появилось. В воздухе проносились белые «мухи». Опускаясь на шерсть Ригмы, они исчезали, оставляя после себя капельки во-

ды. Вскоре снег повалил столь обильно, что за день покрыл всю землю.

Ригма не узнавала знакомых полян и косогоров. Теперь любое движение зверя или птицы она быстро улавливала издали, но и сама становилась более заметной для тех, к кому подкрадывалась. Лежать на снегу было мягко, но холодно, и Ригма забивалась под густой лапник елей — здесь землю покрывал толстый слой прошлогодней хвои. Двое суток шел снег. Затем резко похолодало. До зимы — всего лишь месяц. Лишь черноголовые дубоносы никак не хотели признавать ее приход, звонко распевая на вершинах обнаженных берез.

С наступлением зимы старая тигрица направилась к местам, где кедровые сосны росли попеременно с дубом. Здесь паслись табуны кабанов, привлеченные осыпавшимися на землю желудями и кедровыми шишками.

Вместе с кабановыми лакомилась желудями изюбры и косули, доставая их из-под снега с земли, усыпанной опавшими листьями.

Стояла охотничья пора. Кабаны привлекали к себе не только тигров: многие охотники стремились добыть побольше жирной кабанятины. У полосатых владык северных джунглей появились опасные конкуренты. Нередко, заслышав лай собак и выстрелы, тигрица поворачивала обратно, не желая сталкиваться с промысловиками, а те все глубже и глубже проникали в леса, и казалось, что нет места, где бы не грохотали ружейные выстрелы. Только большой опыт тигрицы позволял ей вовремя обходить зверобоев, не сталкиваясь с их собаками. Самые же опасные для нее люди — тигроловы — еще не появились в зимних лесах.

ТИГРОЛОВЫ

На высоком обрывистом берегу Амурской протоки у самого спуска к реке приткнулся ничем не примечательный бревенчатый домишко под дощатой крышей. Наличники окон и фронтон его украшены скромными деревянными «кружевами». Вместо распространенных в поселке сливовых деревьев около дома растут две пышные елочки. Хозяин дома Аверьян Матвеевич Калугин — профессиональный охотник. На просторном, хорошо убранном дворе привязаны на цепь две молчаливые, не обращающие внимания на прохожих собаки. Волчья окраска и загнутые серпом вверх хвосты обличают в них лаек, но длинные висючие уши красноречиво доказывают наличие в роду легавых. Вошедший в дом попадал в прихожую, объединенную с кухней и отгороженную деревянной переборкой от большой комнаты с пятью окнами, уставленными фикусами.

Из общей комнаты — «залы» — две двери вели в спальни хозяина и его девятирех детей. Ни на стенах, ни на шкафах и комоде не было видно не только оружия, но и какого-либо охотничьего снаряжения. Лишь изюбриные рога, висевшие в прихожей, подтверждали род занятий Калугина.

— А ну-ка, Колька, включи радио, какая завтра погода будет? — обратился Калугин к младшему сыну, делавшему уроки. — Эх похолодало. Того и гляди снег повалит, а мы еще дома сидим. Надо завтра в тайгу подаваться. Мать, сухари скоро готовы будут?

— Почти готовы!

— Ну, ладно, собирай, что ли, котомку, а я пойду бригаду поднимать.

С этими словами Аверьян направился к своим товарищам по охоте. Бригада Калугина состояла из трех человек: Федора Проскурякова, Луки Горбунова и Дмитрия Золотарева. Все они жили неподалеку. Не прошло и часу, как бригада собралась у Золотарева. Решили на следующий день ехать до станции Вяземской, затем добираться до Медвежьего по узкоколейке, а там податься на Светлый ключ, где у Аверьяна стояло зимовье. В этом году бригада Калугина выходила на промысел последней. Лишь несколько дней тому назад пришло на промхоз задание на отлов тигров; ждали его еще с начала осени, оно-то и задержало Калугина.

Теперь, кроме добычи пушнины, бригада должна была отстрелять восемь кабанов и поймать живьем двух тигрят. Не впервые выходил Калугин на промысел — на его счету было более двадцати тигров, — но каждый раз с волнением подписывал договор.

Вернулся Аверьян домой поздно. Его жена Анисья укладывала в объемистый рюкзак мешочки с сушеным луком, сухим молоком и крахмалом. Основные продукты — хлеб, сахар, масло, крупу — охотники возьмут на Медвежьем. Патроны, охотничье снаряжение — топор в чехле, нож, прибор для чистки винтовки, компас и небольшую аптечку — обычно укладывал он сам.

— Ну, мать, завтра отчаливаем, а теперь спать!

Упругая сетка никелированной кровати бесшумно подалась под могучим телом Калугина. Но ни тепло и покой этой кровати, ни вкусные борщи и пельмени, которые так мастерски умела стряпать Анисья, ни даже ее ласковое, теплое отношение к мужу не могли удержать старого охотника дома. Надвигался охотничий сезон — и он на несколько месяцев уходил в лес, ночевал в лучшем случае на жестких, с торчащими сучками нарах охотничьих барачков или ежился у костров, довольствуясь незатейливой похлебкой, а то и просто чаем с замерзшим хлебом. На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах, но даже забывал об Анисье и детях, о Красной Речке и доме, отдаваясь всем сердцем во власть древней-

шей страсти человека — охоте. Только в конце зимы, а то и в начале весны возвращался он домой, иногда привозя свои трофеи на большой лодке, сделанной им самим в лесу из сухостойника.

За внешней сдержанностью Калугина скрывались постоянство и большая его привязанность к жене. Еще задолго до отъезда в лес он навел образцовый порядок в хозяйстве: подвез к дому стог сена, утеплил хлев для коровы, наколот дров на четыре месяца.

Анисья и сама слыла хорошей хозяйкой, все спорилось в ее руках: дети ходили чистыми, опрятными, а полы в доме настолько блестели, что навещавшие Калугина приятели стеснялись в сапогах входить в комнаты и скромно садились в прихожей, пряча ноги под табуретку. Поначалу Анисья волновалась за мужа и даже требовала, чтобы он бросил охоту и перешел в совхоз пасечником, но спокойная уверенность Калугина в своей силе и охотничьем счастье передалась с годами и ей, а может, как знать, и в ее жилах текла кровь древних охотников, — и Анисья крепко сжилась с судьбой жены зверового промысловика и как умела помогала мужу.

Чуть свет Калугин спустился с крылечка, отвязал поскуливавших и дрожащих от возбуждения и холода собак и вышел за калитку. Заходя за угол, он бросил прощальный взор на окно дома, в котором белело грустное лицо Анисьи.

Калугин шел медленной походкой человека, несущего тяжесть, хотя рюкзак его был сравнительно легкий, — просто он не хотел вспотеть. Обычно бригада собиралась у Золотарева, дом которого стоял в центре поселка.

Дмитрий Золотарев происходил из уссурийских казаков, переехавших на Красную Речку со станции Тихонькая еще до революции. Он издавна держал лошадь, так как не представлял себе охоту без коня. В пору его молодости вокруг Тихонькой водилось много коз. Дмитрий настреливал за зиму по два, а то и по три десятка косуль, часть которых продавал на базаре. Вывезти такое количество зверя без лошади было немыслимо. Умение ловко обращаться с конем да еще невероятная физическая сила Дмитрия пригодились в бригаде, где ему поручалась вывозка добытых зверей.

Хотя совсем рассвело, в окне Золотарева горел электрический свет. Все были в сборе и поджидали Калугина. Не занося в избу оружия и рюкзака, Аверьян шагнул на кухню.

— Здорово, хлопцы!

— Здорово, батько! — отвечали все хором.

— Может, пельмешками из кеты закусишь? — предложил Золотарев, подвигая Калугину миску с пельменями.

— Спасибо, я только от стола.

— Ну как, автобусом или поездом? — спросил самый молодой член бригады, Горбунов.

— Да, пожалуй, автобусом сподручнее: он как раз у переезда останавливается.

Жена Дмитрия Золотарева не имела детей, а потому с мужем расставалась всегда со слезой, не стесняясь своей слабости. Сунув в карман его суконной тужурки пару горячих пирогов, она помогла ему закинуть за плечи трехпудовый «сидор», как в шутку называл он свой рюкзак, и широко распахнула дверь. Все вышли во двор.

— Ну, Дарья, бывай здорова! Жди к Новому году, — улыбнулся Дмитрий.

Громко хлопнула калитка, и охотники, ведя на сворках собак, направились к автобусной остановке. Кондуктор автобуса — бойкая девушка узнала Калугина и благосклонно разрешила бригаде посадить своих четвероногих помощников, хотя, по строгому правилу автобусной конторы, этого и не полагалось.

Вдоль асфальтированного шоссе тянулись поля, разделенные низкорослым дубняком и орешником; лист на деревьях давно пожух, но не падал на землю. В дни своей молодости Калугин любил охотиться в таких перелесках за фазанами. Он находил их без собаки, по едва видимым следам в «порхалищах», где фазаны, как домашние куры, «купались» в песке.

После четырехчасового пути охотники высадились у Вяземского лесного склада. Отсюда предстояло ехать на Сихотэ-Алинь узкоколейкой, построенной для вывозки заготовленного леса. Маленькие, словно игрушечные, вагончики пассажирского поезда, в котором обычно ездили лесорубы, тянула «кукушка» — так в шутку назывался паровоз с непомерно большой и широкой трубой для улавливания искр.

Через три часа пути редкие, обожженные весенними палами дубово-березовые рощи сменились густыми кедрачами. Вот и первый сихотэ-алиньский перевал.

Уже в пути понаслышались новостей.

— Лимонника да винограда нынче много. Кедровой шишки и желудя очень мало, а вот маньчжурского ореха и лещины совсем нет, — рассказывал лесник. — Кабана и медведя поприбавилось, изюбр никуда не уходил.

— Белки пока маловато, может, ходовая пойдет.

За разговорами прошло полночи. Пронзительный свист «кукушки» известил о том, что поезд подходит к Медвежьему. На лесоучастке охотники закупили продукты, наняли лошадь, расспросили о переходах зверя. На следующее утро тронулись в путь. Впереди шел Калугин, за ним с лошадью Золотарев, остальные замыкали шествие. Земля на тропе подмерзла, шаги гулко отдавались в лесу. При переходе ключей лошадь вязла в илистой почве по самый живот. Тогда тигроловы быстро снимали с нее тяжелый вьюк, и коняга с трудом выбиралась из трясины.

Лишь вечером мокрые от пота охотники и лошадь притащились к крохотному барачку. Широко распахнутая дверь его приглашала путников скорее войти внутрь, затопить печку.

Не прошло и недели, как охотничья избушка на Светлом ключе имела вполне обжитой вид. Бревенчатые стены высохли и посветлели. На четыре стороны вились утопанные в снегу тропинки.

Утром, едва солнце поднималось над заиндедевшими деревьями, охотники выходили на промысел. Каждый из них шел в направлении, избранном по желанию. Уже на второй день Золотарев принес в рюкзаке грудинку и кусок нежного внутреннего сала кабана. С этого дня мясо не переводилось на столе.

Разведав окружающие леса, промысловики срубили и поставили вдоль троп кулемки¹ на колонка, приманкой служили внутренности кабана и мясо рябчиков. Возле полыней ставили капканы на норку и выдру.

Преследуя табун кабанов, Золотарев встретил свежие тигриные следы. Боясь отпугнуть выстрелами драгоценных зверей, он отказался от охоты на кабанов и вернулся в избушку. Вечером, когда все собрались за дощатым столом, на котором едва уместились четыре объемистые миски с дымящейся похлебкой, Золотарев не спеша рассказывал об увиденном:

— По всему видать, на Светлом живет семья полосатых. Фарт сам идет в руку! — заключил он.

Тигрят надо было брать живьем. Из широкого медицинского бинта нарезали «концов», приготовили два просторных пеньковых мешка, проверили крепость поводков для собак. Тщательно наточили топоры и ножи. Узкая поперечная пила, согнутая кольцом, вошла в обширный рюкзак Золотарева, туда же он сунул на всякий случай одеяло. Спать легли пораньше.

В тот вечер Калугин долго не мог уснуть. Сам по себе зверь не страшен, но кто поручится, что тигрица, заступаясь за своих тигрят, не убьет человека? Риск, конечно, немалый. Куда спокойнее добывать соболей, норок. Но ведь он прежде всего охотник, а «зверя бояться — в лес не ходить». Люди устраивают зоопарки и зверинцы, чтобы полюбоваться разным зверем, а без тигра какой же это зверинец? Нужно же кому-то ловить этих сильных красивых зверей. Правда, гоняться за ними трудно, нужно иметь здоровое сердце, но уж коли взял, то любо поглядеть: что клыки, что шкура! Да и рыкнет —

¹ Ку л е м к а — деревянная опадная ловушка, сделанная на месте промысла.

аж земля вздрагивает. Не каждому доводится хватать за загривок царя зверей, побеждать его в честной схватке...

Сердце Калугина наполнялось профессиональной гордостью и уважением к своему нелегкому, но нужному людям труду тигролова.

Безмятежным сном спали его товарищи. Монотонно шипели дрова в жестяной печке...

В лесу еще царила непроглядная темень, а тигроловы были уже на ногах. Горбунов сходил на ключ и принес котелки с водой — один под чай, другой под кашу, подбросил сухих кедровых дров в печку. Железная труба мигом покраснела от сильного огня, горячий воздух наполнил избушку, пришлось распахнуть дверь. Здесь толпились собаки, терпеливо ожидая завтрака. Предчувствуя, что за тиграми предстоит многодневная погоня, охотники обувались тщательно: намотав по две суконные портянки, они натягивали на ноги олочи — кожаные носки с войлочными стельками; суконные просторные брюки выпускались поверх оloch и плотно обматывались у щиколотки оборками; шерстяные гимнастерки заправлялись в брюки. На ремне с одной стороны — охотничий нож в глубоких деревянных ножнах, с другой — плоский патронташ для трех обойм с патронами.

Солнце еще не вышло из-за горизонта, когда охотники во главе с Золотаревым, ведя на поводках собак, углубились в лес по одной из троп на восток от избушки.

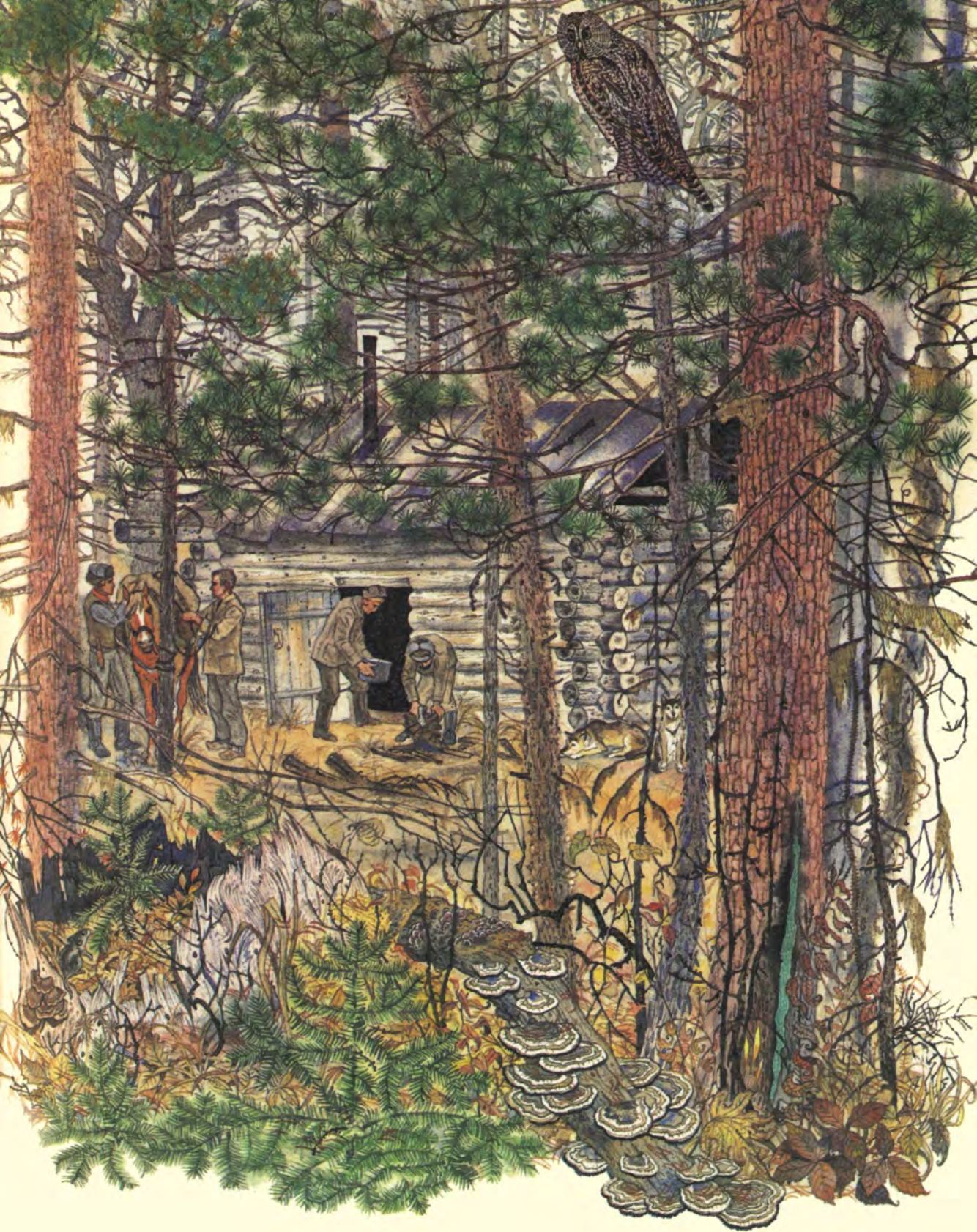
Шли молча, ступая след в след, и, лишь пройдя километра четыре, сели, как по команде, на ствол поваленного ветром кедра. Изменяя распространенной среди охотников привычке к табаку, в бригаде Калугина никто не курил.

Собаки настороженно прислушивались к шелестящим в березовой коре синицам.

Короткая передышка — и снова цепочка охотников замелькала между коричневыми стволами кедров. Она то медленно поднималась на водораздельный хребет, то шумно спускалась в распадок. Наконец Золотарев остановился и показал на огромный выворотень. Падая под напором сильного ветра, кедр-исполин увлек на корнях почвенный слой и поставил его пятиметровой стеной на пути охотников. На снегу у этой естественной преграды виднелись круглые вмятины — следы тигрицы. Тигрята заинтересовались поваленным деревом, взбирались на его ствол и ходили по нему. Рассматривая следы, Калугин заметил:

— Тигрята еще совсем молодые, следок как у рыси, по тридцать килограммов будут, не более.

Обстоятельство, что тигрята годовалые, и радовало, и тревожило. Брать их было легче, но за таких особенно ревностно заступалась мать. До глубокого вечера шла бригада по тигриным следам. После захода солнца Калугин стал подыскивать место для табора. Вскоре

бригадир заметил давно усохший ствол. Около него виднелись два высоких пня. Выгнившие в середине, они поднимались словно желтые трубы.

— Вот тут и заночуем, — остановился Калугин. — Дрова хорошие, и под бок положить есть что.

Скинув рюкзаки и отпустив собак, охотники принялись готовиться к ночлегу: Проскураков пошел искать воду, Золотарев с Горбуновым взялись кромать пустотелые пни, Калугин развел небольшой костер. На кол, наискось воткнутый в землю, повесили котелки с водой, которую Проскураков обнаружил в незамерзающем ключике. Мороз был несильный, но на длинную ноябрьскую ночь требовалось много дров.

После ужина Калугин подошел к сухому кедр, отколол топором несколько смолистых щеп и поднес к ним зажженную спичку. Огонек робко перекинулся на щепу, расплылся синим коптящим пламенем по стволу кедр, лишенному коры, и юркнул в обширное дупло. Вскоре из верхнего отверстия пустотелого дерева, находившегося на десятиметровой высоте, повалили клубы черного дыма. Кедр вспыхнул, как гигантский факел.

Щурясь от яркого пламени, охотники обступили горящий кедр и принялись сушить свои коротко обрезанные шинели, затем они развесили портянки, а Золотарев, потевший больше всех, разделся догола и, накинув на плечи сухую теплую шинель, просушил нижнее белье, гимнастерку и шаровары.

Более двух часов горел кедр, затем он стал потрескивать, покалывать и рухнул на землю, подняв в небо облако снежной пыли и искр. Стащив в кучу куски горячего дерева, охотники уложили вокруг длинного костра корытообразные обломки срубленных пней, улеглись на них, словно на садовых скамейках. За ночь костер прогорал несколько раз, и им приходилось подтаскивать свои деревянные «ложа» ближе к огню. Определив по звездам предрассветный час, Калугин поднялся.

— Ну что, дружина? Сегодня, наверное, догоним, — обратился он к своим товарищам. — С годовалыми тигрица далеко не ходит. Подфартило же тебе Золотарев, годовичков найти. Давайте завтракать — и по следу!

Предположение Калугина сбылось. Во второй половине дня они вышли на поляну, где незадолго до их прихода тигрята лакомились молодой кабаниной. Тигрица, лежавшая под густой елью на земле, лишенной снега, первая услышала шелест шагов. Ее зоркие глаза еще издали уловили силуэты людей и собак. Она отрывисто и глухо рывкнула, забила в беспокойстве хвостом по снегу и метнулась в сторону. Сигнал опасности, поданный матерью, вызвал у Ригмы страх: шерсть поднялась, глаза расширились, и она вместе с братом последовала за тигрицей. Легко и бесшумно мелькали в зарослях

желтые звери. Они были отчетливо видны на белом фоне снега среди серых стволов деревьев, но стоило им остановиться, как вся семья словно растворялась среди зарослей.

— Вот где они пировали! — воскликнул Калугин, выходя на поляну. — Ну, ребята, собак пускать не сразу. Лука, отвязывай! Ты, Федор, своему намордник надень. Тигрята малые — порвет!

Дав понюхать собакам следы, охотникипустили двух из них и разрядили ружья в воздух. Затем Калугин крепко завязал челюсти своему повизгивающему от нетерпения Чеку и также отвязал его со сворки. Вслед за Чеком убежал и Бельчик Дмитрия, пес вязкий, но трусливый. Теперь охотники беспорядочно бежали по тигровым и собачьим следам.

Ригма отстала от матери и старалась не упускать из вида брата. Она видела, как две черные собаки с ходу бросились на него, сбили с ног, но тут же с визгом отскочили в стороны, испробовав остроту его когтей. Сменив направление бега, брат Ригмы устремился к спасительным зарослям густого пихтарника, но наперерез ему бросились с отчаянным лаем две другие собаки. Ригма видела, как заметался между деревьев брат, как снова его догнали черные собаки и, сбив с ног, начали прижимать к земле. Две другие собаки лаяли на расстоянии. Ригма бежала по следам матери. Впервые в жизни ее сердце наполнил ужас. Поднявшись на сопку, она увидела поджидавшую ее мать и успокоилась: мать в обиду не даст.

Пока тигры удалялись от места встречи с ловцами, собаки, окружив отставшего тигренка, принудили его залезть под выворотень и оттуда, как из пещеры, отбиваться лапами. Не будь у самых злобных псов челюсти завязанными, они задушили бы его.

Первым к месту свалки подоспел Калугин. Видя, что тигренки сам залез в западню, он стал ловить собак и привязывать их к деревьям. Подбежавшие охотники помогли ему. Когда собаки были отстранены, ловцы принялись вытаскивать тигренка из-под выворотни. Набросив с помощью палок на него одеяло, они прижали зверя к корням, а затем, надев на переднюю лапу веревочную петлю, вытащили его наружу и связали бинтами.

Оставив возле пленника Луку, остальные тигроловы пустились догонять Ригму. Не привыкшая к длительному бегу, потеряв из вида мать, она забилась в бурелом и там затаилась, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Старая тигрица могла уйти от преследователей, и никакие собаки не догнали бы ее, если бы великий инстинкт материнства не привязывал ее стальной петлей к опасному месту. Молодой охотник, стороживший дорогую добычу, и не подозревал, что из гущи лесной заросли на него смотрят, мерцая огнем жгучей ненависти, два зеленых тигриных глаза. Зашевелись или подай голос тигренки, мать поспешила бы к нему на помощь, и тогда несдобровать Луке. Неслышно подползла бы она к нему на животе из-за укрытия и в два

огромных прыжка, как падающее дерево, обрушилась бы на беспечно-го парня... Но тигренок лежал без движений и не подавал голоса. Может, он мертв? Обойдя Луку на приличном расстоянии, тигрица направилась разыскивать Ригму, к которой тем временем подходили охотники.

Как ни горел желанием Калугин продолжить поиск, ночная тьма остановила охотников на тигриных следах. Тут уж не до удобств. Разведя маленький костер, люди просидели над ним остаток ночи.

Накипятив из снега горьковатой воды, они заварили ее лимонником, разлили по кружкам и поужинали мерзлым хлебом с салом. Хотя сон был кратким, усталость прошла. Только на войне да на охоте потрясенная нервная система творит чудеса с человеческим организмом, и он становится способным переносить напряжения, немыслимые в обычной жизни.

Наступил день, и возобновилось преследование тигров. Собаки, обнаружив Ригму в буреломе, окружили ее со всех сторон. Они не могли ее атаковать, но и не давали выбрать надежный путь к отступлению. Желая напугать своих врагов, Ригма громко рыкала и шипела, отчего собаки еще больше входили в азарт и норовили вцепиться в ее бока. На помощь собакам бежали охотники, не подозревая, что с другой стороны к ветровалу кралась старая тигрица. Завидя хозяев, собаки смелее накинулись на Ригму, но она вдруг сделала высокий прыжок и, перемахнув через преследовательниц, устремилась в чистый кедровник. Собаки оказались проворнее: как ни напрягала она последние силы, два серых пса, сорвав намордники, почти одновременно схватили ее за задние лапы. От боли Ригма издала резкий гортанный звук, который был воспринят матерью как крик о помощи. Не успели собаки опомниться, как одна из них была отброшена ударом лапы тигрицы, а другая судорожно забилась в ее пасти.

Подбегая, Калугин даже расслышал, как отчаянный вопль его любимого Чека слился с леденящим душу хрустом раздробляемого позвоночника. Швырнув бездыханного врага через плечо, тигрица ловким прыжком, словно ловящая мышь гигантская кошка, прижала передними лапами к земле еще одну жертву. Мгновенный удар клыков — и пес превратился в бесформенную массу на снегу. Оставшиеся в живых Бельчик и Тайга бросились наутек, поджав хвосты.

Калугин в отчаянии сбросил с плеча карабин и не целясь, желая только отпугнуть зверя, дважды подряд выстрелил. Описав петлю, собаки бросились ему под ноги, приведя «на хвосте» рас-свирепевшую тигрицу. Калугин, как истый тигролов, осуждал тех, кто стрелял, даже в целях самозащиты, в редких зверей. И когда тигрица, оставив собак, кинулась на него, он только перекинул карабин и сунул приклад в ее пасть, словно перед ним была не старая тигрица, а тигренок. Крепко сжимал карабин Калугин, да удар тигриной лапы по прикладу оказался настолько силен, что оружие

вырвалось из его рук и отлетело на несколько метров в сторону. Сорвав с головы меховую шапку, бывалый следопыт сунул ее вместе с рукой в оскаленную пасть наседавшего зверя, но сомкнувшиеся челюсти «прошили» руку с ушанкой. Тигрица поднялась на дыбы и передними лапами нанесла несколько сильных ударов по плечам и голове Калугина. В ушах у него зазвенело, и что-то горячее полилось за ворот гимнастерки. Теряя сознание, Калугин увидел, как у самого его лица раскрылась клыкастая пасть... «Конец!» — мелькнуло в его затуманенном сознании.

Как будто издалека донеслись звуки выстрелов и крики бросившихся на выручку товарищей... Через мгновение Калугин очнулся. Он хорошо расслышал голос Золотарева:

— Тигрица готова!

— Крепись, Аверьян, сейчас освободим.

Дмитрий и Федор оттащили в сторону вздрагивавшую тигриную тушу, помогли Калугину подняться. Сплюнув кровавый сгусток на снег, он попытался надеть на голову шапку, но рука не повиновалась. Товарищи торопливо осматривали его, желая скорее убедиться, что раны не смертельны.

Тигрица успела прокусить плечо Аверьяна, несмотря на пиджак из прочного солдатского сукна, и раны от ее клыков были довольно глубоки. К счастью, кости плеча и крупные кровеносные сосуды остались целы. Ударом лапы тигрица повредила Аверьяну нижнюю челюсть и когтями порвала кожу на шее. Сгоряча он не почувствовал боли, дал перевязать себя нижней рубашкой и бинтами.

Ригма видела, как мать, умертвив двух собак, бросилась на охотника, как подоспевшие тигроловы стреляли в нее. Она была уверена, что мать обратит врагов в бегство, а затем скроется с ней в горах. Отбежав с километр, Ригма остановилась, но ужас снова овладел ее сердцем и она на махах стала уходить от страшного места.

Золотарев советовал переночевать, а утром наикратчайшим путем возвратиться в избушку. Федору же поручалось идти за Лукой и вдвоем с ним тащить тигренка.

Грустная ночь наступила для тигроловов. Как-то перенесет раны Калугин, дойдет ли сам до избушки? Усадив у костра Аверьяна и напоив его крепким чаем, охотники сняли с тигрицы шкуру, схоронили в дупле старой липы своих лучших псов, поужинали вареной тигрятиной. Аверьян кроме теплой воды ничего не мог проглотить. Челюсть его распухла, раны болели.

— Хоть и жаркий костер, грудь — в тепле, спина мерзнет. Давайте второй разведем, — предложил Федор. — Аверьян между кострами ляжет, — тогда ворочаться ему не надо.

Запылал еще один костер. Калугин лежал в дремотном забытии. Поддерживая огонь, товарищи следили за тем, чтобы одежда на

Аверьяне не загорелась от искр. Вспоминая о несчастных случаях на охоте, Золотарев неторопливо рассказывал:

— Меня в молодости тоже зверь драл. Охотился я на Алчане. Ружьишко слабое, одноствольная переломка. Нашел дупло с бело-грудым медведем, давай в него прутом ширять. Вылезай-де наружу! Поначалу медведь палку закусывал, потом, гляжу, — полез. Сквозь дупло вроде пятно на груди сбелело, ну я и пальнул, но пуля, видать, не по месту ударила. Медведь рывкнул, да на меня с дерева и сиганул. Сбил, конечно, с ног, втоптал в снег и давай когтями рвать. Телогрейка на мне толстая, только вата клочьями летит. Силюсь подняться, надо скорее добить зверя, а он меня лапой... Хотя удар и скользом пришелся, но кожу с волосами на голове наполовину завернул. Кровища хлынула. И такая меня злость взяла, что и боли не почувствовал. Схватил ружье за ствол да как врежу по медвежьей башке, аж приклад вдребезги. Рывкнул медведь — и в сторону. Протер я глаза, а его и след простыл. Прибег на зимовье. К черепу кожу аккуратно приладил, а сверху пригоршню соли высыпал. Слышал, что при таких ранениях — первейшее средство.

— Это ты зря, — вставил Федор, — свежей золой засыпать надо.

— Золу не пробовал, а соль помогла, — улыбнулся Золотарев. — В ту пору ни докторов, ни фершалов в наших деревнях не было. Лечись кто как может.

В течение ночи охотники не давали угаснуть огню, заботились, чтобы Калугин все время находился в тепле. Утром Аверьян едва поднялся. Бригада разделилась: Калугин с Золотаревым тронулись в обратный путь. Впереди шел Золотарев. Он нес два карабина и рюкзак Калугина. К обеду показалась избушка. Ночевать в ней не решились. Короткая передышка, несколько глотков теплого чая — и снова в путь. Лишь поздней ночью они пришли в поселок.

Молодой врач внимательно осмотрел пострадавшего, сделал перевязку и уколы против столбняка. Он настаивал на срочном выезде в районную больницу для накладки швов. С первым попутным товарняком охотники направились в районный центр. Тяжело было Золотареву отводить друга в больницу, отдавать его в руки хирурга. Не боящиеся звериных клыков и когтей, эти мужественные бородачи робели перед шприцем и скальпелем. Оставив Аверьяна в больнице, Золотарев в тот же день вернулся на лесоучасток, а затем в охотничью избушку: при вывозке драгоценной добычи его помощь была необходима.

Осиротевшая Ригма в течение нескольких дней ничего не ела. Ночевала она в старых кабаньих гайнах¹. Прошло две недели. Желудок все настойчивее требовал пищи, но добыть себе на обед оленя или кабана Ригма еще не умела. К счастью, в ту зиму в лесу водилось много полевых. Стоило Ригме остановиться и прислушаться, как в то же мгновение до нее доносился шорох. Это под снегом суетились короткохвостые мыши. И хотя Ригма принадлежала к лесной «знати», она была прежде всего кошкой. Может, именно поэтому она не пренебрегала лесными мышами и ловила их во множестве.

Как-то ночью ей посчастливилось поймать зайца. Испугавшись лисы, косой сам прискакал к ней в лапы. И все же для изголодавшейся молодой тигрицы это были крохи, и она мечтала о сочном мясе кабана и нежной изюбрятине.

Поселившись в районе, облюбованном кабанями, Ригма ходила по их тропам. Она много раз видела пасущийся кабаньей табун, близко подкрадывалась к нему, но боялась схватить даже поросенка: вокруг, громко чавкая, поблескивая грозными клыками, ходили крупные секачи. Однажды Ригма подошла к гайну, с которого только что встала свинья с выводком поросят. Кабанье гнездо, выстланное вейником, густо пахло и еще хранило тепло. Ригма прилегла на мягкую подстилку и от удовольствия зажмурилась. Дремоту мгновенно прогнал шорох легких шажков приближающегося зверя. Ригма припала к земле и вся превратилась в слух и зрение. Вскоре она увидела, что по тропе бежит маленький поросенок, — Ригме он показался беззащитным. Малыш, возмечтавший поспать часок-другой в теплом гайне, находился почти у заветной цели, как вдруг навстречу ему выпрыгнул полосатый зверь. Резкий верещащий крик взметнулся в холодное серое небо и тут же оборвался.

Впервые в жизни самостоятельно овладела Ригма добычей, достойной ее «царского» происхождения. За три дня она съела поросенка с кожей и костями головы и почувствовала прилив сил и уверенности. После этого случая она осмелела и решилась на более дерзкое нападение.

Кабаньей табун голов в сорок безмятежно пасся на хвое, вырывая его из-под снега. Ригма несколько раз обошла зверей на почтительном расстоянии. Место было вполне подходящее для успешного нападения, но план осложнялся тем, что вместе с кабанями ходили два изюбра. От их зорких глаз трудно было укрыться даже тигру. Ночью Ригма сумела бы обмануть бдительность оленей, но днем

¹ Г а й н о — гнездо для ночевки, устраиваемое кабанями на земле из мелких веток и сухой травы.

от нее требовались большая выдержка и терпение, а этими качествами молодая тигрица еще не обладала. И хотя Ригма, распластавшись на снегу, ползла от прикрытия к прикрытию подобно огромной по-лосатой змее, изюбры заметили ее. Подпрыгивая на месте, они совсем по-собачьи «залаяли» на тигренка. Кабаны хорошо знали, что «лай» изюбров является верным предупреждением об опасности. Они стрем-глав бросились на гору и скрылись за перевалом. Следом поскакали сторожкие изюбры.

Много было еще неудачных охот у Ригмы, но с каждым разом опыт ее обогащался.

Случилось, что Ригма вышла на свежие следы незнакомых ей тигров. Старая тигрица с двухгодовалыми тигрятами переходила в новый район охоты. На ее тропе оставалась недоеденная добыча, которой и пользовалась Ригма, отгоняя ворон и мелких зверушек. Вскоре тигрица обнаружила Ригму. Удостоверившись, что перед ней тигренок, она не стала его преследовать. Тигрята хотели наброситься на незнакомку, но когда поняли ее доброжелательные намерения, стали заигрывать с ней, как бы приглашая следовать за собой. Вскоре Ригма вошла полноправным членом в новую семью, разделяя с ней все успехи и неудачи лесных охотников.

Старая тигрица, заменившая мать Ригме, была доброй мачехой. Она не обижала сироту. Лаская своих взрослых детей, уделяла ей нежности отнюдь не меньше, чем им. При удачной охоте уступала Ригме лучшую часть добычи и не позволяла своим тигрятам обижать ее.

Тигры жили дружной, веселой семьей, устраивали коллективные охоты, во время которых Ригма училась у старших, как выслеживать оленей и кабанов, подкрадываться к ним и мгновенно умерщвлять. Гора, где жили тигры, редко посещалась охотниками. Она носила краткое и странное название Ко, данное ей удэгейцами. Ригме казалось, что кроме человека и собак у тигров нет врагов и все четвероногие обитатели Сихотэ-Алиня боятся старой тигрицы, владычицы лесных дебрей. Вскоре она убедилась в ошибочности своего мнения.

В ту зиму во всех окрестных лесах из-за недостатка пищи большие бурые медведи не залегали в обычную спячку. Один старый шатун неотступно следовал за тигриной семьей, подбирая остатки их пиршеств. Медведь был худ и подслеповат. Черная тусклая шерсть свешивалась с его туловища длинными клоچьями и местами слипалась от кедровой смолы. Когда он шел по утоптанной кабаньей тропе или по льду речки, длинные когти передних лап, выступавшие на добрый десяток сантиметров, зловеще выстукивали, как кастаньеты. Его вечно пустой желудок мог с успехом переваривать все, что попадало ему на зубы: зимний хвощ и траву, мясо кабана и его кости. Не гнушался он и падалью, грабил запасы охотников и припрятанную

ими добычу. Большую часть найденного он съедал на месте, а что не мог проглотить, утаскивал и прятал про запас в укромных местах. Он имел прекрасное чутье, по интонациям вороньего крика мог определить, есть ли пожива у этих черных кумушек. Шатун не терпел себе подобных и жил мрачным отшельником. Сколько было ему лет, никто не знал. Очевидно, он был убежден, что является «старейшим», хозяином сихотэ-алиньских лесов.

Избегая встречи с тигрицей, бродяга не испытывал страха перед ней. Он просто не хотел заводить ссору, зная остроту тигриных зубов и когтей. Его вполне устраивала жизнь захребетника. Но если с главой семьи он обходился почтительно, то Ригму не терпел и однажды, застигнув ее за поздним завтраком, с ревом набросился на нее. Не раз отгонял медведь от добычи и взрослых тигрят. Они огрызались, но боялись трогать своего обидчика.

Шатун до того обнаглел, что как-то явился незваным гостем прямо к «обеденному столу». Тигрица, не успевшая утолить голод только что убитым изюбром, с яростью напала на медведя. Она ловко награждала пришельца сильными ударами передних лап, но пустить в ход свои смертоносные клыки не решалась, боясь попасть в железные объятия шатуна. Медведь, издавая оглушительный рев, принимал угрожающие позы: шерсть на его загривке встала дыбом, он выпускал длинные крепкие когти, загребая ими в воздухе. Очень не хотелось ему сражаться с ловким и опасным врагом, он лишь старался поскорее отпугнуть тигров от их добычи, источавшей столь аппетитный запах, что слюна, наполнявшая ему рот, падала на снег. По натуре, как и все медведи, шатун имел очень упрямый нрав и, когда нужно было добыть любимую и вкусную пищу, мог переносить сильное физическое напряжение и боль. Ссора могучих хищников сихотэ-алиньских лесов перешла в настоящую битву. Оба врага были чрезмерно голодны, а посему никто не хотел уступать. По законам тайги посягать на чужую добычу мог только сильнейший. Это поняли взрослые тигрята и, желая помочь матери, тоже начали теснить медведя. Видя, что его атакуют уже три тигра, медведь начал пятиться, прижимаясь задом к толстым деревьям, и вскоре оставил поле боя.

Победителями на этот раз оказались тигры, но Ригма убедилась: кроме человека, нужно опасаться больших бурых медведей.

В середине зимы табуны кабанов перешли в распадки, густо поросшие зимним хвощом. Тигры облюбовали крутые солнечные склоны близлежащих сопок и изредка делали набеги на кабаньи стада. Насытившись, тигрята любили валяться на земле, устланной прошлогодними листьями. Они грелись под скупыми лучами зимнего солнца. Желая хорошо выспаться, Ригма разыскивала старые брошенные гайна кабанов. Высланные сухим вейником и размочален-

ными ветками, эти большие гнезда были мягкими и сравнительно теплыми убежищами.

Зима на Сихотэ-Алине малоснежная, солнечная. В открытых долинах больших рек зимние муссоны пронизывают ледящими морозами все живое. В царстве густых смешанных лесов и невысоких сопок они стихают. Шум легкого ветра, запутавшегося в кронах исполинских кедров, доносится невнятно, словно шум далекого морского прибоя. Внизу, у самой земли, покрытой рыхлым, как пышная вата, мягким снегом, — тихо. Не шелохнет ветвь лещины сухими листьями, не упадут на землю снежные гирлянды, причудливо развешанные по кустарникам. Лишь только в начале зимы, пока ледяным панцирем не покроется Амур, да в преддверии ранней весны врываются в эти леса разрушительные циклоны. И тогда под напором ураганного ветра выворачиваются с корнем вековые кедры, ломаются старые липы.

Даже тридцатиградусные морозы были не страшны тиграм. Природа позаботилась об этих теплолюбивых животных: длинная шелковистая шерсть и довольно толстый слой жира под кожей надежно защищали их от стужи. В самую холодную часть суток — ночью и в предрассветные часы тигры бодрствовали. Они совершали обход своих владений, охотились. Тигрята играли и резвились с Ригмой. На деревья они не лазали, но валежины и полуповаленные ветром стволы привлекали их к себе: звери забирались на них, осматривая с высоты лесные дебри. С наступлением дня они выбирали место для отдыха и, пригревшись на солнцепеке, чутко дремали.

Тоскливо тянулись больничные дни Калугина. Его навещала Анисья, принося домашнюю снедь. Казалось, он вполне выздоровел. Накинув на плечи халат, едва прикрывавший колени, старый тигровлов подолгу просиживал у окна. На горизонте виднелись едва различимые светло-голубые сопки. Там прошли лучшие годы его жизни. Услужливая память воскрешала сцены давно минувших охот, и он переживал их сызнова. Вспомнилась далекая юность. Он, русоволосый парень, впервые взял в руки ружье и затерялся в широком раздолье весенних амурских лугов. Словно пшеничное поле, колыхался по ветру золотистый вейник, и не было ему ни конца, ни края. Лишь изредка среди необозримого простора синели мелкие озерца с подступавшими к самой воде осиновыми рошицами. Тучи крикливых уток и стонущих куликов носились в небе.

Немного дичи добыл в первую свою охоту Калугин, но глубоко запала в душу великая радость общения с природой, полюбились голубые заливы с белоснежными лебедями, нависшие над водой зеленые ивы. И когда наступила осень и в небе поплыли на юг гуси-

ные стаи, оставил он навсегда дымную кузницу и ушел в тайгу на промысел.

Есть в каждой стихии чарующая сила. Одних влечет море, иных манит небо. Калугина властно позвал к себе лес. Этот зов, подобный инстинкту, рожден был вместе с ним. Без него Калугин не стал бы следопытом. На охоте он больше всего ценил первозданную красоту леса. Ему доставляло радость прокладывать первый след в девственной тайге, наблюдать скрытную жизнь ее обитателей.

Возвращаясь в избушку смертельно усталым, с пустым рюкзаком, он снимал шинель, промокшую от пота и растаявшего снега, и спокойно и уверенно готовился к новому дню охоты. Счастье его всегда было впереди, как зверь — в конце следа. Недюжинная сила и ловкость являлись залогом его успеха на промысле.

Вскоре Калугин постиг хитрые повадки зверей, понял потаенные законы их жизни. Поначалу он предавался спортивной страсти, соревнуясь со зверем в быстроте и выносливости. Он хвалил себя за меткий выстрел, но все чаще и чаще проникала в душу жалость к зверю, и лишь ловля тигров живьем всегда веселила его бесхитростное сердце: добытый зверь оставался живым.

Лежа на постели, Калугин раздумывал о своих товарищах, оставшихся в тайге. Стоял разгар зимнего промысла, а для настоящего охотника нет ничего мучительнее, как сидеть в такую пору дома, поглядывая с тоской на перепадающие за окном пороши. Не хотелось, чтобы без него ловили тигров, он даже ревновал приятелей к заветным берложным местам. Лечивший Калугина молодой хирург тоже увлекался охотой. Делая обход больных, он подолгу останавливался около тигролова.

— Отпустили бы вы меня, доктор, пустяки, маленько зверь поцарапал, — просил Аверьян. — Перевязки я и сам умею делать. В лесу скорее поправлюсь.

Но хирург не соглашался. Прошло около месяца, прежде чем Калугина выписали из больницы. Тем временем его товарищи вывезли из лесу брата Ригмы и сдали его на базу «Зооцентра».

Аверьян не стал засиживаться дома. Напрасно Анисья убеждала его не ходить до следующего сезона на промысел. Ничто не могло так быстро восстановить силы Аверьяна, как целебное воздействие девственного леса. Он снова отправился на Светлый ключ — там находились его товарищи.

— За кабанами да за медведями не буду мотаться, а за пушной похожу, — сказал он на прощанье Анисье.

Прошла зима. С богатой добычей вернулась бригада Калугина. Сотни белок, десятки колонков, норок сдали охотники на приемный пункт. Теперь перед ними стояла задача обзавестись хорошими собаками.

— На будущий год все равно план выполним: двух тигров

обязательно поймает, — твердо заявил Аверьян Матвеевич на вопрос директора промхоза, будет ли он после ранения продолжать ловлю тигров.

Наступила вторая весна в жизни Ригмы. Теперь она уже не беспомощный тигренок, таращащий глаза на все движущееся. Под великолепной золотисто-белоснежной шкурой молодой тигрицы крепки и разрастались могучие мышцы царственного хищника, способные при необходимости толкнуть ее упругое тело на несколько метров вперед. Не только подсвинки, но и молодые изюбры могли стать ее жертвой.

Старшим тигрятам исполнилось по три года. Они мало чем отличались от взрослых зверей и переходили на самостоятельную жизнь, подолгу пропадая на дальних переходах, затем снова возвращались, чтобы совместно поохотиться на оленей. К Ригме они относились по-прежнему дружелюбно, явно тяготясь ее нерешительностью. В эту пору Ригма еще теснее сблизилась со своей приемной матерью, а та весь остаток материнских чувств перенесла на сироту.

Весеннее солнце да теплые ветерки испарили снег задолго до вскрытия рек, не разливающихся весной. Снова наступило время лесных пожаров. И все-таки жить Ригме стало гораздо легче, чем зимой, хотя по шуршащему листу очень трудно подойти не только к изюбрам, а даже к роющим в земле кабанам. Зато как сливалась ее необычная расцветка с весенним березняком, усыпанным желтой листвой! Когда, проплывая между тонкоствольными березами, Ригма останавливалась, ее теряла из вида даже старая тигрица, обладавшая очень острым зрением.

Прошла весна. Летние муссоны еще долго не приносили дождей туч. Обмелели реки. Изюбры, у которых отрастали новые рога, забирались в непролазные чащи; свои нежные панты олени-быки несли осторожно: прикосновение к ним даже тонкой веточки вызывало у животных боль. В эти знойные солнечные дни Ригма спускалась к тихому заливу горной реки и ложилась в воду. Тучи комаров и слепней звенели вокруг. Иногда она переплывала залив и подолгу нежилась в тени ивовых зарослей на сырой илистой почве.

Лето — лучшая пора в жизни Ригмы. В лесу нет охотников. Только один раз видела она человека. Он снимал кору с толстых бархатов и относил ее к берегу реки, где складывал между вбитыми в землю кольями. Хорошо жилось летом, буйная растительность скрадывала шаги, скрывала с головой. И какой только пищи нет в распоряжении тигров! Больше всего Ригма любила мясо молодого кабана или оленя. Ради лакомства ловила птиц, бурундуков и крупных кузнечиков. Она поедала даже траву и лесные ягоды, необходимые ей как витамины.

К лету Ригма теряла свой длинный волос. На фоне яркой зелени ее выдавал белесый наряд, но она охотилась главным образом ночью и в сумерках, и наряд не особенно мешал успеху охот.

Лето минуло незаметно. Сентябрьские утренние заморозки посеребрили лесные поляны. Как-то, переходя горную реку Катэн, Ригма услышала громкое всплескивание воды, словно какой-то зверь брел руслом. Мгновенно выпрыгнув на крутой берег, она внимательно осмотрела перекат реки, откуда доносился непонятный шум, но на реке никого не было. Может, зверь уже перешел реку и стоит где-то в прибрежной заросли? Желая выяснить причину всплесков, Ригма подошла к перекату и стала припихиваться к мокрой гальке. Вдруг крупная рыбина с красноватыми боками и загнутыми зубастыми челюстями выбросилась на мелководье переката и, энергично извиваясь всем телом, поползла вверх против течения, словно гигантская ящерица. Ригма настигла рыбу, схватила ее зубами и вынесла на берег. Это был морской лосось — кета, пришедшая на нерест.

С большим наслаждением съела Ригма лосося. Все кошки мира равнодушны к рыбе: ведь она редко перепадает им на обед! После этого Ригма неоднократно появлялась на катэнском перекате, подкарауливая проходящую кету, пока лед не покрыл реку.

На Сихотэ-Алинь снова пришла зима. Желтые полосы и светлая окраска Ригмы делали ее совсем незаметной на фоне заснеженного леса.

С наступлением зимы лес снова заполнился охотниками. Всюду слышались выстрелы, лай собак. И тигры, как по команде, скрылись в глухих отдаленных дебрях, где редко ступала нога промысловика.

ПЛЕН

Еще до начала охотничьего сезона Аверьяна Калугина вызвали в промхоз.

— Возьмешься ловить тигров? — спросил его охотовед. — Нынче имеем план поставить четырех тигрят для нашего Госцирка. Двух думали дать тебе, а двух — бригаде Авдеева.

— Обязательно возьмемся, — ответил Калугин. — Вот только куда податься? На Светлом тигриных следов нет.

— Езжайте на Катэн. Удэгеец МIRON на пантовке там был, четыре свежих следа на косе видел. Ну, так как, будем заключать договор?

Сообщение о свежих тигриных следах наполнило радостью охотничье сердце Калугина. Похлопывая и потирая руки от удоволь-

ствия, он улыбнулся, отчего обычно хмурое лицо его стало красивым, взял бланк договора и сел заполнять.

Выйдя из промхоза, Калугин пошел разыскивать свою бригаду, чтобы сообщить товарищам о скором выезде на промысел. Летом они охотились за пантами, искали женьшень или заготавливали кору бархата амурского, собирали ягоду лимонника. Осенью и весной ловили рыбу, зимой промышляли разного зверя.

За крупных трехлетних тигрят охотникам выплачивали по тысяче двести рублей. Кроме того, ни один зверь не приносил столько славы охотнику, как пойманный тигр. Корреспонденты каждый год фотографировали бригаду Калугина, писали о ней небывалые истории, над которыми посмеивались сами тигроловы, но все-таки видеть в газете свое изображение было каждому приятно.

Не прошло и недели, как бригада Калугина окончила сборы и выехала на Катэн. Звероловы были уверены в себе, охотничье счастье не изменяло им в течение ряда лет, вот только новые собаки беспокоили. Это были рослые пегие дворняги с висячими ушами, вся доблесть которых заключалась в том, что они отчаянно гоняли по селу кошек и бродячих свиней. На охоту прежде они ходили лишь на уток да на коз.

К месту промысла прибыли в конце октября. Стояла солнечная погода. Снег еще не запорошил землю. У шумящего в каменном русле ключа охотники поставили невысокий сруб, затем сверху ловко натянули палатку. Внутри вдоль трех стен соорудили нары, устлав их сухим вейником, а посередине сруба установили жестяную печь. Рядом с жильем появился лабаз для продуктов.

Теперь охотникам предстояло разведать окружающую местность: какой и где поблизости водится зверь. С этой целью в один из погожих осенних деньков бригада разошлась в разные стороны.

...Чем дальше углублялся в лес Калугин, тем свободней и радостней дышала его грудь, наполняясь чистым лесным воздухом. Слово близких друзей, осматривал он мохнатые кедровые сосны и улыбался им, вслушиваясь в едва внятный приветственный шепот таежных исполинов. Шуршащие под ногами листья источали горьковатый запах, знакомый и приятный обонянию охотника. Сквозящий лес позволял издали различать стволы толстых лип, исцарапанные медвежьими когтями, обширные порывки кабанов, дупла старых усохших кедров. Калугин поднимался на гряде сопки, спускался в ключ и, перейдя его по замшелым камням, снова взбирался на косогор, пристально всматриваясь в глубь леса. При ходьбе он не смотрел под ноги, но от его взора не ускользнули ни один след, ни одна подозрительная вмятина в почве. Подняв с земли крупную золотистую кедровую шишку, он обломил смолистые чешуйки и положил ее в карман.

Пройдя к полудню с десяток километров, Калугин повернул обратно. На пройденном пути ему пришлось пересечь несколько свежих следов изюбра, кабанов и медведей. Обилие непуганого зверя радовало. Калугин решил выследить изюбра. Олени, облюбовав солнотечный косогор, собирали опавшие желуди, переворачивая носами листья, словно свиньи. Будь на земле снег, Калугин запросто бы подкрался к пасущимся изюбрам, а теперь все зависело от его выдержки и осторожности. Стараясь как можно меньше производить шума, Калугин осторожно пробирался сквозь заросли лещиновых кустов, беспрестанно останавливаясь, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам.

Поднявшись на стрелку, он присел на валежину и достал из кармана шишку. Кто из охотников не любит сладковатых маслянистых орешков! В лесу, да еще проголодавшемуся, они кажутся особенно вкусными. Долго сидел Калугин, прежде чем обратил внимание на причудливое сухое дерево, вывернутое ветром с корнем и поваленное на землю. Валежина очень напоминала насторожившегося оленя. Бросив шишку, Калугин стал пристально всматриваться в неподвижный предмет, казавшийся ему не то оленем, не то выворотнем. Легкий поворот одного уха — и перед охотником ясно вырисовался замерший на месте изюбр. Сомнений не было. Спокойно подняв карабин, Калугин выстрелил. «Валежину» как ветром сдуло. Разделав изюбра и прикрыв добычу еловыми ветвями, Калугин положил в рюкзак добрый кусок мяса и зашагал к избушке. Придя на зимовье первым, он наколот дров и поставил варить изюбратину. Товарищи вернулись в сумерках. Все они были возбуждены встречами со зверями, хотя стрелять никому не удалось. Следов тигров никто не видел.

Прошло несколько дней. Охотники добыли подсвинка, наловили в речке золотистых ленков, настреляли несколько десятков белок, а пороша все не выпадала. С каким нетерпением ожидали тигроловы снега!

Однажды, встав поутру, они не узнали знакомого пейзажа: под пухлой снежной пеленой исчезла зелень елей, желтизна густого вейника. Ни одно явление природы не заставляет так сжиматься в сладостной истоме сердце охотника, как свежая пороша! Наскоро позавтракав, бригада разбрелась по тайге. И снова Золотареву посчастливилось найти след двух тигров. Один из них принадлежал Ригме. Не подозревая об опасности, с увлечением охотилась она вместе со старой тигрицей. Они убили кабана и, не торопясь приступить к завтраку, лежали под навесом старых пихт. Тихо и глухо было в лесу. Мерный шепот снежинок не прерывался ни единым звуком. Вдруг треснула лежащая на земле сухая ветвь, зашуршали кустарники. Такой звук могли издать только охотники. Тигры заволновались. Вскочив с лежек, они стали прислушиваться, жадно

втягивая в себя влажный, лишенный запахов морозный воздух. Но вот запахло людьми.

Старая тигрица замерла. Ее раздражение выдал хвост, вздрогнувший несколько раз. Нужно немедленно уходить. Словно тени, замелькали тигры в редких просветах между деревьями,— они не убегали, но, ускоряя шаг, с достоинством, заблаговременно уступали дорогу человеку.

Вскоре показались сами тигроловы. Они подошли к месту последней лежки зверей и обнаружили еще теплого кабана. Спустив собак, охотники дали залп и подняли крик. Уходившие тигры слышали выстрелы и перешли на прыжки, разойдясь в разные стороны.

Подбежав к месту, где Ригма свернула в еловый ключ, охотники устремились по ее следу. Лишь один Лука ушел за старой тигрицей, постреливая на ходу в воздух, чтобы угнать ее подальше.

Собаки быстро догнали и окружили Ригму. Тигрица могла постоять за себя, если бы не одновременное нападение псов. Она металась между ними, стараясь отпугнуть дворняг своим грозным видом. Ей хотелось проучить желто-пегого пса, отличавшегося отчаянной смелостью, но как только она бросалась на него, сзади подсакивали другие собаки и кусали ее за ноги. Громкий лай, шум падающей кухты с молодых деревьев отвлекали внимание тигрицы. Она с глухим ревом прыгала между деревьев и не замечала, что к ней подкрадываются охотники. Неожиданно выйдя из-за деревьев и сгрудившись, они двинулись вперед, держа наперевес деревянные рогульки. Не обращая внимания на беснующихся собак, Ригма припала к земле и стремительно помчалась навстречу людям. Она уже было нацелилась схватить Калугина, шедшего впереди, как внезапный удар в плечо опрокинул ее навзничь, а четыре рогульки крепко придавили к земле. Одну рогульку она успела перекусить, но другая обхватила ее за шею. Утопая в снегу, яростно отбиваясь лапами, Ригма задыхалась. Наброшенная на голову веревочная петля намертво сжала челюсти тигрицы, передние лапы ее были туго связаны вместе. Ригма затихла.

Тем временем охотники связали задние лапы и стянули их с передними, на голову надели матерчатый намордник. Пленницу перенесли на груду еловых ветвей. Собак накрепко привязали к деревьям.

Только теперь тигроловы хорошо разглядели свою странную добычу.

— Ну и тигрица, какая-то белая,— протянул с изумлением Проскуряков.

— Вовсе не белая, а золотистая,— поправил Золотарев.

— Словом, «золотая тигрица»,— заключил бригадир.— Первый раз ловлю такого зверя. Вот невидаль!

— А я слышал, что бывают белые изюбры,— заметил Проскуряков.

Ригму переложили на одеяло, связав его концы в крепкие узлы, просунули под ними кленовую жердь и, сменяясь на каждом километре, понесли к избушке. Лишь на второй день возвратились к своему пристанищу охотники.

Трое начали делать сруб, а Лука сбегал за мясом изюбра, которого свалил Калугин. Словно из сказки, выросла крохотная бревенчатая избушка «без окон и дверей», с настилом из расколотых пополам бревен вместо крыши. На земляной пол бросили охапку елового лапника и сухого вейника. Бережно положили Ригму в сруб, развязали путы.

Теперь родной лес она могла видеть только сквозь щели бревенчатых стен. Убедившись в крепости своей темницы, Ригма перестала биться, легла на вейник.

На второй день Калугин, отодвинув одну из потолочных плах, опустил на дно сруба добрый кусок изюбриного стега и высыпал с полведра зернистого снега вместо воды. При виде человека Ригма забилась в угол и зашипела подобно огромной змее, но человек тотчас ушел, оставив аппетитно пахнущее мясо. Сильные волнения и физическое перенапряжение, перенесенные ею во время схватки с тигроловами, требовали восстановления сил, и Ригма, урча как кошка, съела принесенное мясо.

Несколько дней тигроловы мастерили нарту — длинные высокие охотничьи сани. Когда нарта была готова, охотники пришли за Ригмой. Просунув суконное одеяло между потолочных плах, они набросили его на тигрицу и прижали к земле рогульками. Калугин с Золотаревым залезли в сруб, связали Ригму и, укутав одеялом, положили на нарту, устланную изюбриной шкурой, а чтобы тигрица не свалилась, ее привязали к копыльям полотенцами. В нарту впрягли собак и осторожно тронулись в путь-дорогу.

Золотарев, перекинув через плечо карабин и держа в руке топор, шел впереди. Он выбирал путь почище, срубал мешавшие молодые деревца и кустарник. За ним брели в лямках собаки. Калугин направлял и придерживал нарту, ухватившись за длинный шест — правило. Остальные замыкали шествие.

Немало пота пролили люди, прежде чем вытащили нарту на зимний волок леспромхоза. Вскоре их догнал пустой грузовик и довез до лесоучастка.

Все население лесной деревушки сбежалось смотреть Ригму. Одних пугал вид живого тигра — ведь находились люди, считавшие его людоедом, другие изумлялись его необычайной окраске и высказывали мнение, что это особый, «полярный» тигр. Такое множество людей Ригма видела впервые. Ее занесли в пустую холодную избу. Люди долго толпились у окон.

Желая избавиться от назойливых зрителей, Калугин быстро вышел на крыльцо и, хлопнув дверью, с досадой и тревогой в голосе громко воскликнул:

— Развязалась!

Одно это слово обратило всех в паническое бегство. Просторный двор мгновенно опустел, никто до следующего дня не подходил к избе.

Вскоре пришла машина, высланная базой «Зооцентра» по запросу Калугина. Ригму посадили в дощатую клетку с железной решеткой, выкованной местным кузнецом. В кузове рядом с клеткой разместились тигроловы, собаки, сюда же погрузили нарту и все охотничье снаряжение. Это недлительное путешествие Ригма перенесла тяжело: на ухабах трясло, она больно ударялась о прутья. Противно пахло бензином, отработанным газом мотора. Тонкое обоняние тигрицы болезненно страдало от этих резких запахов. Шерсть на ней свалилась и намочла от пара, оседавшего инеем на внутренних стенках клетки, ее знобило от холода.

Благо к середине ночи машина пришла на базу «Зооцентра». Заспанный ветеринарный врач, наспех осмотрев пленницу, буркнул что-то невнятное себе под нос и показал на клетку-изолятор — сюда следовало перегнать Ригму. Составив приемный акт о том, что двухгодовалая тигрица-альбинос принята от бригады Калугина на месячный карантин, ветеринар удалился в свои покои.

Вырезав кусок изюбриной мякоти, Калугин решил в последний раз побаловать Ригму. Суровый охотник привязался к гордому, величественному зверю. Это чувство нашло отклик в сердце Ригмы. Она не шипела, не метала из глаз зеленые искры, когда тигролов приближался к ней, спокойно брала из его рук мясо, насаженное на тонкую заостренную палочку. Если глаза их встречались, Ригма не проявляла ни раздражения, ни тревоги.

Жаль было Калугину расставаться со своей «золотой тигрицей». В эту минуту никто не ведал, что они еще встретятся. Словно предчувствуя долгую разлуку, Ригма прижалась к железным прутьям клетки. Калугин погладил ее по шее, и она спокойно приняла прощальную ласку человека.

Потекли однообразно-томительные дни в неволе. Теперь свежего мяса Ригме не давали, не видела она и родного леса. В просторном сарае базы, уставленном клетками, стоял смрадный запах навоза и какого-то лекарства. Сюда прибывали различные звери: медвежата, кабаны, изюбры, рыси и крупные непальские куницы — харзы. У многих пленников оказались израненными ноги. Искусанные собаками, бедняги жалобно стонали. Иные, перепуганные насмерть, забившись в темный угол вольера, не принимали пищи и тихонько дремали.

Ухаживал за мохнатыми узниками старик зверовод, бывший

в молодости заготовителем пушнины. Он журил охотников за неумение ловить зверей живьем.

— Зверя нужно взять не в раз. Погонял его — оставь в лесу на ночь, а на второй, на третий день вязать можно. Такой зверь всегда выживет, — утверждал он.

Вскоре на базу привезли трех тигрят, пойманных где-то в истоках Большой Уссурки. Их разместили рядом с Ригмой.

К концу месяца зверей, прошедших карантин, набралось на целый вагон. Их рассортировали, приготовили к отправке. Товарный вагон, куда затаскивались клетки с пленниками, был темный и холодный. Сопровождающие даже не додумались поставить печь, надеясь на то, что звери, терпящие морозы в лесу, перенесут их и в вагоне.

Перед выездом с Ригмой произошел случай, составивший ей плохую репутацию. Когда клетки были погружены, на станцию прибежал фотокорреспондент местной газеты, желая сфотографировать необычных пассажиров.

— Не показательно, — заявил он. — Что-то ваши тигры забились в угол и выглядят совсем жалко. Нельзя ли их приободрить?

С этими словами он стал примеряться аппаратом, пытаясь сделать снимок как можно лучше. Помогая гостю, сопровождающий рабочий шурнул в одну клетку длинной палкой, затем в другую, где сидела Ригма... Тигрята бросились к решетке. Вспышки электроламп сливались с щелчками аппарата. Фотограф ликовал, как вдруг один из тигров, молниеносно просунув лапу между железными прутьями, чуть не схватил его за голову. Отпрянувший в смертельном испуге корреспондент невольно прижался спиной к противоположной клетке. Раздраженная яркими вспышками и ударами палки, Ригма кинулась на человека с фотоаппаратом и вырвала из его пальто большой кусок ткани, оставив на теле глубокие раны. Это был единственный случай в жизни Ригмы, когда она пролила кровь человека.

Отчаянно вскрикнув, пострадавший кинулся на станцию, откуда его доставили в больницу. Зашивавший раны хирург, шутник от природы, сказал:

— Выразительный автограф оставила вам на спине тигрица! Хорошо еще не вцепилась в затылок, тогда моя помощь не понадобилась бы.

Вечером состав со зверями отправился в Москву. Езда в поезде оказалась для Ригмы тяжелее жизни на базе. Она болезненно страдала от холода, стук колес и лязганье буферов не давали ей хорошо выспаться.

Однажды при резком броске на дверцу клетки ей удалось сломать запор и выйти в узкий проход вагона. Каков же был испуг рабочего, кормившего зверей в пути, когда он, открывая дверь вагона, на одной из станций носом к носу столкнулся со страшной мордой тигрицы.

Захлопнув дверь вагона, он побежал сообщить об этом начальнику станции.

Старый железнодорожник, не выдавший никогда живых тигров, заявил, что тут надо действовать решительно. Он приказал отцепить вагон с животными и поставить в тупик, а рабочему посоветовал телеграфировать на зообазу.

...Выйдя с промысла, Калугин снова собирался уходить в лес, когда к нему прибежал посыльный из промхоза и передал срочный вызов к директору.

— Сейчас получили телеграмму, — сообщил директор, — что один из тигров, отправленных в Москву, вылез из клетки. Нельзя войти в вагон. Третий день звери не кормлены, могут погибнуть. Выезжай-ка ты срочно и поправляй дело!

Прибыв на станцию, где стоял отцепленный вагон, Калугин решил сам проверить, что случилось. Приоткрыв дверцу вагона, он увидел Ригму, лежавшую в проходе. Напрасно называл Калугин ее ласковыми именами. Измученная невзгодами дороги, Ригма, казалось, не узнавала своего друга, и как только он шире открывал дверцу, тигрица бросалась к выходу с явным намерением овладеть утраченной свободой, сметая все на пути.

— Через дверь в вагон не войдешь! — заключил Калугин. — Придется лезть через крышу.

Сорвав жест с угла крыши вагона и прихватив с собой большое ватное одеяло, Калугин исчез в темнеющей дыре, как в колодце. Обступившие вагон железнодорожники и вызванная милиция молчаливо ожидали конца дела, готовые в случае беды прийти на помощь отважному тигролову. Но пока было все тихо.

Проникнув в вагон, Калугин пригляделся к темноте, затем, осторожно продвигаясь вдоль узкого прохода, подошел к Ригме, лежавшей у задней стенки вагона и внимательно наблюдавшей за ним.

— Беляночка, золотая моя, — нежно зашептал Калугин, — иди на место. — Но тигрица не шевелилась. Тогда Калугин перегородил одеялом проход возле широко открытой клетки и начал жестом подгонять тигрицу к ее жилищу.

— Ты что, не понимаешь, что я тебе говорю? Иди, иди на место, ну!

Ригма, конечно, ничего не понимала, что говорил Калугин, но требовательный жест заставил ее с неохотой войти в свою клетку. Калугин крепко закрутил сломанный запор толстой проволокой, снял одеяло, погладил через решетку плечо Ригмы и распахнул дверцу вагона:

— Заходите, товарищи! Тигрица в клетке.

Снова вагон с невольниками застучал по рельсам, снова потянулись однообразные дни, ставшие последними для трех тигрят, не

перенесших холода и кормления мороженым мясом. В Новосибирске окоченевших тигрят отвезли к препаратору.

После этого случая Ригму стали кормить парным мясом. Миновали Урал. Не столь лютые европейские морозы звери переносили легче.

К концу десятых суток Ригму доставили на подмосковную базу «Зооцентра».

НА АРЕНЕ ЦИРКА

Ригму поместили в просторный вольер с чистым покатым деревянным полом, дали хорошего свежего мяса. Здесь стояла тишина. Тигрицу внимательно осмотрел ветеринарный врач в белом халате. Хотя на базе привыкли видеть всевозможных зверей, необычная окраска Ригмы вызвала всеобщее восхищение не только служащих «Зооцентра», но и ученых-натуралистов. Люди подолгу рассматривали редкого зверя, покачивая от изумления головами.

После месячного карантина зверей показали прославленному дрессировщику и укротителю хищников Ивану Зарубину. Ему разрешалось выбрать двух тигров для смешанной группы, с которой он успешно выступал в цирках страны.

Красавица Ригма очень понравилась Зарубину. Обходя клетку, он вплотную приблизил лицо к прутьям решетки, чтобы лучше рассмотреть тигрицу. Ригма не выдержала пристального взгляда человека, восприняв его как угрозу. Она подняла губу, обнажая клыки. «Р-р-р-ры — р-р-р-р...» — пророкотало в ее горле.

— Молодец, Ригма! — воскликнул укротитель. — Приношу сто тысяч извинений за свою бесцеремонность. С сего дня Иван Зарубин — покорный слуга вашего таежного величества!

На второй день Ригму перегнали в транспортную клетку и доставили в цирк. Наступила сытая, но беспокойная жизнь. Ригму раздражали шум доносящейся музыки, невероятное смешение запахов людей, порохового дыма, смолистых опилок и конского пота. Все куда-то спешили, были возбуждены, и это передавалось Ригме. Она металась по клетке, пробовала крепость решетки, шипела и рыкала на проходящих служителей. Напротив стоял ряд старых клеток. В них жили леопарды и тигры. Они не обращали никакого внимания на Ригму.

Ежедневно в вольере по несколько раз появлялся Зарубин. Сперва Ригма встречала его враждебно. Она хотела напугать этого назойливого человека, но опытный укротитель даже не вздрагивал, когда Ригма молниеносно ударяла лапами о решетку. Слегка улыбающиеся глаза Зарубина смело и пристально смотрели в самые

зрачки Ригмы. В этом ласковом взгляде человека была такая непреклонная воля, светились такое превосходство и уверенность в своей силе, что Ригма невольно пятилась в темный угол и с ворчанием опускала глаза. Но не силой и грозностью стремился Зарубин расположить к себе сердце Ригмы. Он больше полагался на доброту и ласку. Кормление Ригмы Зарубин не доверял рабочим. Он сам приносил своей любимице отборное мясо. Но гордая тигрица не прикасалась к нему, пока у клетки стоял человек.

Магически действовал на Ригму голос укротителя. Он словно зачаровывал, успокаивал ее легко возбудимую натуру.

— Ригмушка, умница, кушай,— убеждал Зарубин, и тигрица переставала волноваться, подходила к пище.

Прошло немало дней, прежде чем Ригма решилась принять кусок сырой телятины из рук Зарубина. Вскоре она даже позволила погладить себя через решетку. Так постепенно закреплялись первые, очень важные рефлексy: появление человека приносит пищу, протянутая рука дарит ласку.

Теперь Ригма реагировала на свое имя и смело приближалась к Зарубину, когда он появлялся у клетки. Настало время более близкого знакомства с человеком. «Как-то поведет себя золотая тигрица?» — думал Зарубин.

Однажды, после завершения вечернего представления, Ригму выпустили на освещенную арену. Как встрепенулось ее сердце. Опрометью бросилась она вдоль решетки, ища выхода на свободу, но тщетно: непреодолимой стеной стояли стальные прутья.

— Ригмушка, ну успокойся, хорошая моя,— услышала она знакомый ласковый голос.

В тот вечер прогулка длилась недолго. После нескольких выходов на пустую арену, когда успокоившаяся Ригма перестала метаться, к ней вошел Зарубин. Это был человек среднего роста, но атлетического сложения. За поясом кожаных брюк виднелась рукоять нагана, заряженного холостыми патронами. В руках он держал длинный бич и тяжелую металлическую трость. Через плечо висела сумка, наполненная кусками мяса.

Ригма заметалась по манежу. Она намеревалась броситься на человека, но спокойная самоуверенность дрессировщика, вкрадчивая его походка пугали Ригму. Огромное желание выбраться на волю бушевало в ее сильно бьющемся сердце. Человек мешал, и поэтому она хотела избавиться от него. Победил страх перед человеком. Ригма попятилась, припала на опилки, приготовилась к отчаянной защите. Но Зарубин не угрожал и не нападал. Он медленно приближался к тигрице, разговаривал с ней, как с человеком.

Дрессировщик приглашал ходить вместе с ним вдоль решетки сперва в одну, потом в другую сторону. Ригма поняла, что от нее тре-

бовалось, и, исполнив желание укротителя, получила в награду кусочек мяса.

Теснота клетки надоела Ригме, и она с нетерпением ожидала вечера, чтобы насладиться прогулкой на манеже. А Зарубин все больше и больше усложнял прогулки, требуя от Ригмы то прыгать через барьеры, то заскакивать на подставки. И каждый раз за исполнение той или иной команды она получала кусок мяса.

Ригма была молода, ей доставляло удовольствие прыгать и носиться по манежу, но как только к ней приближался Зарубин, она скалила на него клыки. Желая научить тигрицу заскакивать на высокую подставку, Зарубин клал туда кусок мяса и, когда Ригма прыгала, произносил одно и то же слово: «Але!»

До поздней ночи обучал Ригму Зарубин. Его черная рубашка намочена от пота, волосы слиплись на лбу, порой он едва передвигал ноги от усталости, но упорно добивался повиновения. Ригма усвоила основное правило цирковой жизни зверей: хорошо работаешь — кормят обильно, плохо работаешь — кормят скудно.

В отличие от дрессировщиков, прибегавших к жестокому запугиванию или действовавших по старому испытанному принципу «кнута и пряника», Зарубин добивался своих успехов прежде всего поощрением животного любимым кормом и ласковым, спокойным обращением. Времени и терпения при этом требовалось больше, но приобретенные животным навыки закреплялись прочнее, и работать среди хищников становилось легче и безопаснее.

Лишь в одном случае Зарубин признавал и оправдывал необходимость применения строгого наказания: если зверь сознательно нападал на человека. Тогда уж Зарубин быстро и решительно пускал в ход силу и оружие. Если и это не помогало, злобствующий зверь передавался в зверинец.

Наступило время знакомства Ригмы со своими коллегами по арене. Первая встреча предстояла со львом Султаном. Вырос Султан в неволе. Его родители, так же как и он, не знали свободы и не видели своей далекой родины — жарких саванн в Африке. Он давно утратил инстинкт хищного зверя, став по сути «домашним животным». Огромные клыки и длинные когти служили ему скорее «украшением», нежели грозным оружием. И все-таки Султан являлся сильным и небезопасным в гневе зверем. Будучи в почтенных годах, он ценил покой и не допускал схваток между четвероногими артистами. Его авторитет среди зверей утверждался большой силой и значительным весом, превышавшим сто килограммов. Не случайно во время представлений он исполнял роль «блюстителя порядка» и «телохранителя» Зарубина.

Когда Ригма вышла на арену, Султан сидел на низкой подставке, не проявляя ни малейшего интереса к тигрице. Ригма шархнула от льва и стала издали рассматривать и обнюхивать незнакомца,

а лев позевывал от полного ранодушия к окружающему миру. Ригма успокоилась, но так и не решилась близко подойти к Султану.

После знакомства со львом Ригму представили трех тиграм. Все они были почти одного с ней возраста, и Ригма очутилась в компании, расположенной к ней. Но если знакомство со своими собратьями прошло в духе взаимопонимания, то первая встреча с рысью вывела Ригму из равновесия. Брезгливую нетерпимость вызвала эта дикая короткохвостая кошка в душе тигрицы. И если бы не Зарубин, строго окрикнувший Ригму, она схватила бы за шиворот длинноногую незнакомку.

Пришел день, когда Ригму выпустили на арену, где находились все четвероногие артисты. Столь близкое соприкосновение их на свободе обязательно привело бы к кровопролитной ссоре. Здесь же, в необычной обстановке неволи, звери, словно застигнутые наводнением на небольшом островке — арене, примирились между собой и ежели изредка огрызались, то неохотно пускали в ход клыки и когти.

Все звери уже прошли курс обучения: они быстро занимали свои места и спокойно сидели на них до тех пор, пока не требовалось исполнить какое-либо приказание дрессировщика. Ригма же была новичком, она то забывала свое место, то сталкивалась с «артистами». В таких случаях, чтобы не допустить ссоры, требовалось срочное вмешательство человека.

Однажды, когда звери расселись по местам, Зарубин приступил к разучиванию очередных трюков. Ригма легко перескакивала с тумбы на высокую подставку, но перепрыгнуть через лежащего льва ей показалось страшным. Она была уверена, что Султан воспримет это движение как агрессивное намерение и жестоко искушает ее. Тигрица отказалась выполнить приказание укротителя. Напрасно он то подбадривал ее ласковыми словами, то настоятельно требовал и для устрашения щелкал бичом.

Зарубину следовало бы терпеливо подождать или заменить этот трюк другим, но, будучи утомлен бессонной ночью, он не сдержался и допустил поспешность. Он видел: Ригма понимает, чего от нее требуют, и лишь из боязни не исполняет приказание. Зарубин решил во что бы то ни стало заставить ее превозмочь страх. Подойдя к тигрице, он строго крикнул, громко щелкнул бичом у самого ее уха и ткнул железной тростью в бок. Ригма припала к полу и зашипела. В ее глазах вспыхнули зеленые огоньки, хвост вздрогнул. «Вперед, вперед!» — наступал Зарубин.

И тут случилось неожиданное: вместо прыжка через льва Ригма бросилась на дрессировщика. Не будь Зарубин блестящим акробатом, ему бы не увернуться от страшного удара передних лап тигрицы. Он упал. Ригма снова бросилась на него. Лежа на спине, дрессировщик успел нанести железным прутом несколько быстрых

ударов по плечам и лапам Ригмы. Они оказались столь сильными, что едва не переломали тигриные кости. Замешательство Ригмы увеличилось крепким толчком холодной струи из брандспойта, выпущенной на нее дежурившим рабочим. Подоспевший ассистент поймал Ригму за ошейник и плотно привязал к решетке.

— Крепко вы ее осадили! — воскликнул он.

— В этой ситуации жалость неуместна, — усмехнулся Зарубин, стряхивая с себя опилки. — Тут следует задать такую встрепку, чтобы раз и навсегда отбить всякую охоту к нападению. Пусть знает: человек сильнее, трогать его опасно.

Несколько дней Зарубин не появлялся у клетки Ригмы, оставленной в наказание без пищи. Затем он принес кусок мяса, но прошел месяц, прежде чем тигрица успокоилась и забыла обиду. Так вторая попытка активно защититься от человека закончилась поражением, и опять Ригма смирилась.

Выступлению Ригмы предшествовала яркая афиша. Художник изобразил ее голову на красном фоне в припадке крайнего гнева — с грозно оскаленными, неимоверно длинными клыками и щелевидными зелеными зрачками.

...Переполненный цирк гудел. Любит народ цирковые представления, особенно в восторге от них дети: тут и страшно, и смешно. Сегодня же ожидалось выступление необычной тигрицы-альбиноса. Все шли посмотреть на это чудо природы.

На освещенную арену, огороженную высокой железной решеткой, выбежали четыре тигра, промчались два леопарда и рысь, уверенной неторопливой походкой прошел старый лев. Все звери расселись по своим местам на низких и высоких тумбах и подставках. Заиграла музыка, и вот на арене появилась белоснежно-золотистая тигрица. Вздых изумления пронесся над публикой. На свое первое представление Ригма вышла спокойно. Она привыкла и любила выполнять упражнения на арене при ярком свете софитов, под звуки приятной музыки. Но когда из глубины темного, обычно пустого помещения цирка хлынула невнятная волна людского ропота и множество глаз устремилось на нее, легкая тревога наполнила ее звериную душу. К тому же сверкающая одежда и парик настолько изменили облик дрессировщика, что если бы не знакомый звук голоса и привычный запах, она не узнала бы Зарубина.

Подойдя к тумбе, изображавшей трон с гербом из двух зеленых кедровых ветвей, Ригма легко вспрыгнула на сиденье и уселась, приняв величественную позу.

Работали в тот вечер четвероногие артисты на славу, словно демонстрируя свое мастерство перед королевой диких зверей. Они ходили на задних лапах, прыгали сквозь обручи, обтянутые бумагой, и друг через друга, а рысь играла на барабане. Затем три тигра возили в коляске Ригму по кругу арены, а она раскланивалась с публикой.

Зрители наградили ее громкими аплодисментами, кричали: «Браво!» С тех пор дальневосточная тигрица Ригма стала любимицей публики. Зарубин ликовал: успех группы превзошел все ожидания.

Прошло два года. Зарубин получил предложение выступить на гастролях в Хабаровске. Открытие цирка-шапито приурочивалось к Первому мая. Нужно было торопиться. Разве могла Ригма понять, что мерно постукивающий колесами поезд уносит ее на родину? Теперь она не страдала в пути. В вагоне было тепло и светло, рабочие, неотлучно сопровождавшие зверей, отлично кормили и поили Ригму. На всех больших станциях ее осматривал ветеринарный врач, часто заходил Зарубин. Вагон, прицепленный к пассажирскому поезду, шел быстро. К концу недели прибыли в Хабаровск. Здесь зверям был предоставлен отдых, и вскоре их познакомили с манежем.

Цирк представлял собой деревянное строение, поверх которого на двух высоких железных трубах-мачтах был натянут огромный брезентовый купол. До тонкого слуха Ригмы доносился шум городского рынка, расположенного недалеко от цирка. Представление труппы Зарубина началось в праздничные дни и проходило успешно.

— Аверьян! Никак это наша тигрица! — толкнув локоть Калугина, воскликнул Золотарев, когда на арену вышла Ригма.

Тигроловы всей бригадой присутствовали на выступлении Зарубина. Их очень интересовало, как работают в цирке тигры, которых они с таким трудом ловили голыми руками.

— Выходит, она, — ответил Калугин, — дюже жирна стала, спокойна.

Когда Ригма стала кланяться публике, Луке показалось, что она кивает ему головой как старому знакомому, и он, забыв, что сидит в цирке, закричал:

— Узнала! Ишь, даже лапой машет!

— Тише! — урезонил Луку Проскуряков.

Публика зашикала на тигроловов, и они притихли, но еще долго переговаривались между собой шепотом.

После окончания представления охотники гурьбой ввалились к директору.

— Товарищ Шуляков! Проведи к Зарубину. Ведь это мы белую тигрицу с ребятами взяли на Катэне, — пробасил Калугин. — Нам с ним поговорить надо.

Когда тигроловы вошли в служебное помещение, рабочие раздавали корм зверям. Тигры метались по клеткам и глухо рыкали на пришельцев. Зарубин радушно приветствовал Калугина и его товарищей.

— Вы спрашиваете, откуда появилась у меня тигрица-альбинос? Отыскал ее под Москвой. Мне сообщили, что поступила она с Дальне-

реченской базы. Выходит, ваша, дальневосточная. Пройдемте к ней, — пригласил Зарубин.

Обступив клетку, охотники замерли в молчаливом восхищении. Ригма лежала в дальнем углу и смотрела куда-то поверх людей.

— Она, — прервал молчание Калугин. — Такого зверя с другим не спутаешь.

— Значит, Ригма вам знакома? — спросил Зарубин.

— Как же! Мы ее с ребятами ловили, — улыбнулся Калугин. — Она по пути в Москву чуть не убежала, всех железнодорожников перепугала. Из всех зверей, которых я ловил, самой ласковой оказалась. Видать, вы ее характер поняли.

Ригма не проявляла никакого интереса к разговаривающим, хотя Калугину очень хотелось, чтобы она узнала его.

— Завтра цирк выходной, я буду репетировать днем. Приходите, товарищи, сфотографируемся на память с вашей Ригмой, — предложил Зарубин.

— Все, может быть, и не придем, но я обязательно явлюсь, — ответил Калугин, и тигроловы раскланялись.

«Узнает или забыла?» — не выходило из головы Калугина, когда он возвращался домой. Ради ответа на этот вопрос он направился на следующий день в цирк.

Зарубин ожидал тигроловов и не приступал к репетиции. Тут же находился фотограф. Когда появился Калугин, он осведомился, почему не пришли остальные.

— Ну что же, начнем, — пригласил Зарубин.

Взойдя на арену, Калугин сел на тумбу. Фотограф не решался ступить за решетку, уверяя, что его фотоаппарат позволит сделать снимок крупным планом и на расстоянии.

Впустили Ригму. Оглядев людей и обойдя манеж, она спокойно прилегла на опилки.

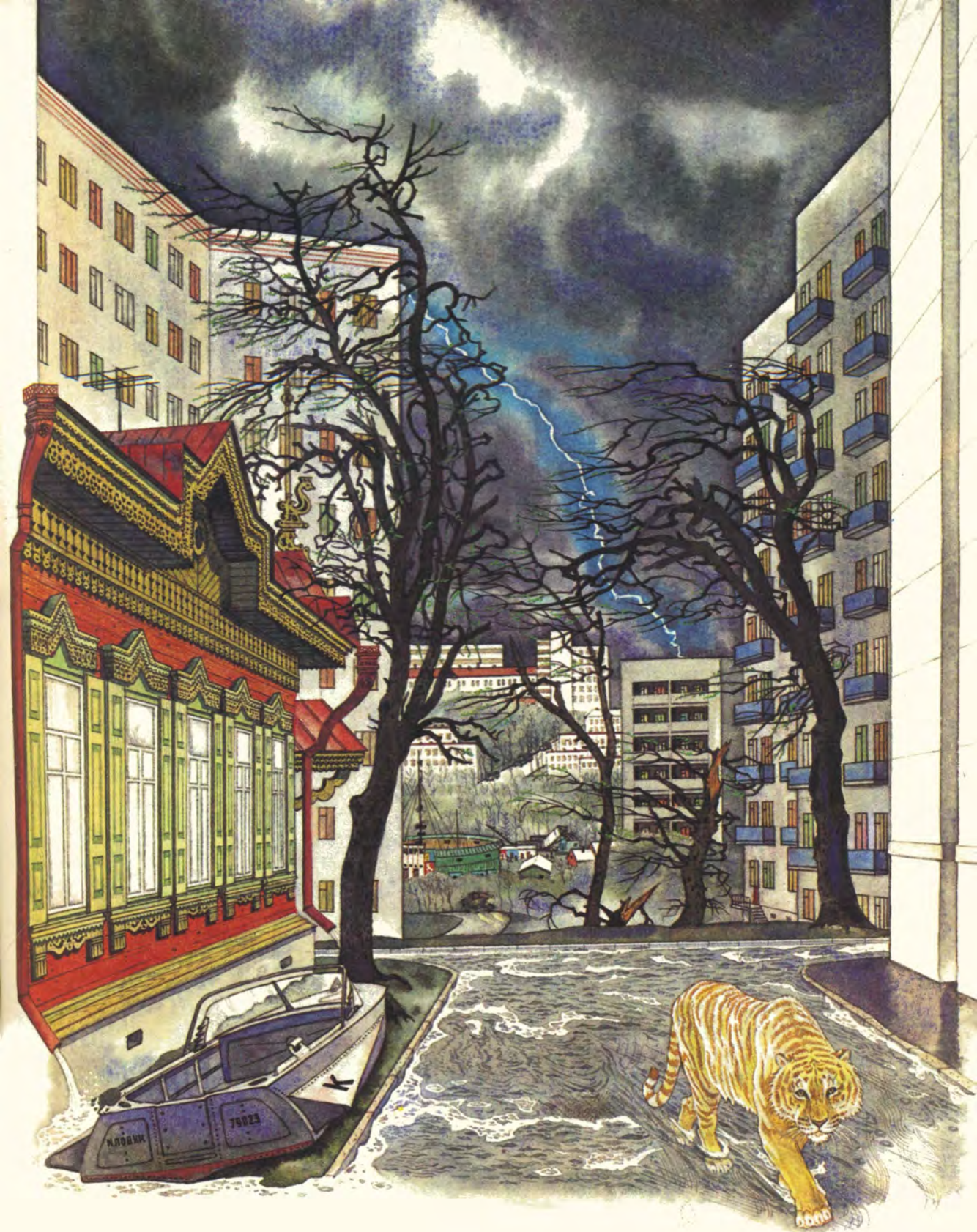
— Ригмушка, умница, здравствуй! — ласково приветствовал ее Зарубин. Тигрица, казалось, не обращала на него внимания. Дрессировщик подошел к ней и вежливо, словно обращаясь к человеку, предложил вспрыгнуть на высокую тумбу и сесть. Ригма выполнила приказание.

— Аверьян Матвеевич, подходите, становитесь рядом.

Калугин смело приблизился к Ригме и погладил ее по плечу. Зарубин не без тревоги метнул взгляд на тигрицу: такая вольность со стороны малознамого человека могла стоить ему очень дорого. Но тигрица спокойно реагировала на этот жест, словно к ней подошел сам дрессировщик.

— Аверьян Матвеевич, уж коль Ригма к вам столь благосклонна, оставайтесь вдвоем, — сказал Зарубин и подал знак фотографу.

...Провожая тигролова к трамвайной остановке, Зарубин как бы в раздумье проронил:

— А все-таки, Аверьян Матвеевич, Ригма узнала вас. Тигры не проявляют так бурно своей радости, как собаки. Их чувства сдержанны. Но я-то знаю, как они относятся к тем, кого уважают и помнят!

На душе у Калугина было радостно: «Узнала!» На другой день в газете появился снимок Ригмы, восседавшей рядом с тигровом.

...Одним майским утром сине-черное облако, зловеще закрывая горизонт, надвинулось из-за Амура на город. Впереди бежали низкие дымчатые тучки. Крупные редкие капли косого дождя упали на асфальт одновременно с глухими раскатами грома. Срывая с речной косы мелкий песок, опрокидывая легкие киоски, в город ворвалась первая волна ураганного ветра. Вторая волна сбросила с нескольких домов крыши, под ее натиском ломались деревья, хлопали и рассыпались стеклянными брызгами незакрытые окна. Застигнутые непогодой люди метались по улицам в поисках временного укрытия. Воздух, смешанный с пылью и туманом, стал мутным, а ветер все крепчал. Его напор оказался столь сильным, что не выдержали стальные трубы купола цирка. Они с грохотом сломались, рухнув на легкие деревянные навесы, под которыми размещались клетки со зверями. В этой катастрофе погибло несколько четвероногих артистов. Скользящий удар стальной трубы сорвал и смял одну из стенок клетки Ригмы. Метнувшись в образовавшееся отверстие, тигрица выскочила во двор цирка. Здесь в панике метались служители цирка и сорвавшиеся с привязи лошади. Нестерпимо яркий свет ослепил Ригму, оглушительный, словно пушечный выстрел, треск раздался над ее головой — это молния ударила в стоявший неподалеку чугунный столб. Обезумев от света и грохота, Ригма перепрыгнула через забор и на широких махах помчалась по бульвару.

Вскоре порывы ветра стали стихать, хлынул проливной тропический дождь. Некоторые улицы превратились в шумящие реки.

С чувством смутной тревоги спешил Зарубин в цирк. Выскочив из машины, он опрометью бросился во двор, где около смятых клеток сутились люди. Его больше всего беспокоила судьба Ригмы. Вот ее клетка. Она пуста. Значит, Ригма жива, но где она?

Тем временем Ригма, миновав бульвар, свернула на пустынную улицу. Не обращая внимания на ливень, тигрица шла тротуаром, пугая одиноких прохожих, заходила во дворы, перепрыгивала через изгороди. Выйдя на железнодорожный путь, она пошла по шпалам, пока впереди не показались огни встречного поезда. Заметивший ее машинист от изумления дал гудок. Ригма свернула с пути и, очутившись в плодовом питомнике, скрылась за фруктовыми деревьями.

Преодолев многие заграждения, она выбралась на окраину города и, перейдя широкую пахотную полосу, углубилась в лес.

С какой жадностью вдохнула она полной грудью сырой воздух леса, обмытого дождем, терпкий от запаха молодых листьев березы! Отвыкшая от длительных переходов, Ригма растянулась на поляне, прислушалась. Погони не было. Подставляя свое разгоряченное тело утихающему дождю, Ригма блаженствовала. Самое дорогое в жизни любого зверя — свобода вновь обретена ею. Таинственный лес властно звал к себе, и тигрица растаяла в зеленой чаще молодого березняка.

Напрасно Зарубин искал Ригму по городу. Объезжая улицы, он расспрашивал прохожих, постовых милиционеров. Никто не видел тигрицу. Тогда передали объявление по радио: «Ушла ручная тигрица. Просьба ко всем встретившим ее срочно сообщить в цирк». До позднего вечера разыскивали Ригму в городе, но она исчезла бесследно.

Занимался погожий день. За городом в прозрачной синеве неба прочертилась ниточка гусей, их ликующие крики доносились до слуха Зарубина, только ничто не радовало его. Он шел к Калугину в большой надежде на помощь тигролова.

— Аверьян Матвеевич! Ригма ушла! — крикнул он, входя в комнату и протягивая руки к Калугину. — Беда! Хорошие звери погибли. Больше всего жаль Ригму. Такой тигрицы мне больше не видать. Помогите найти ее!

Успокоившись, Зарубин подробно рассказал о случившемся и вопросительно посмотрел на Калугина. Тигролов молчал.

— Соберите свою бригаду, Аверьян Матвеевич, поймайте Ригму. Ведь вы же много диких зверей взяли, а она почти ручная!

— Это все верно. Да ведь тигров-то мы только зимой ловим. На снегу видно, где старые, где молодые идут. По следам и догоняем. Летом тигра не сыщешь. Разве на песке у воды либо на грязи след объявится, а вошел тигр в лес — и пропал след. Собак пускать боязно: вместо тигрят за матерым увяжутся, а тот спуску не даст. Останешься без собак и без тигра. Бригаду собрать можно, только ловить летом не берусь.

После долгой беседы решили: охотники поищут Ригму в окрестностях города. Если обнаружат — постараются подманить на мясо, потом приведут на это место Зарубина. Три дня велись поиски, опрашивались егеря и лесники. След Ригмы, найденный на пахоте, вскоре утерялся, как только тигрица вошла в кустарник. Найти его снова охотники так и не смогли.

— Будем зимой искать, авось найдем, — обнадеживал Зарубина Аверьян. — Убить ее не могут: стрелять тигров у нас запрещено. А ежели кто встретит, мигом сообщим.

На этом расстались.

Молодой кудрявый березнячок, поднявшийся на месте срубленного некогда высокоствольного лиственничника, сменился редким широколиственным лесом. Он рос на пологих увалах, тянувшихся к горизонту. Ригма шла не торопясь. Все привлекало ее внимание: обгорелый пенек и валежник, прыгающая лягушка и крупная бабочка. Древний инстинкт ориентировки направлял ее на восток, к далеким синющим сопкам Сихотэ-Алиня. Там, за гребнями гор и многочисленными долинами извилистых рек, бежал Катэн, простирались безбрежные леса ее родины. Ригма остановилась и присела на траву. Привыкнув к ежедневной обильной еде, она не прочь была позавтракать. Но теперь пищу нужно добывать самой, а она изрядно обленилась. Ей грозила голодная смерть, если бы не щедрость приамурской природы. На дубовой релке Ригма нашла на земле гнездо дикой утки. В нем лежало восемь довольно крупных яиц. Находка не утолила аппетит. Вскоре Ригма рассмотрела под нависшим кустом фазанушку, крепко сидевшую в гнезде. Молниеносный удар — и птица оказалась вторым блюдом завтрака. Переходя падь, по которой протекала неширокая, но довольно глубокая речушка, Ригма увидела лодку, временно оставленную каким-то рыбаком, ушедшим к близкому озерку. Из лодки тянул соблазнительный запах рыбы. Не колеблясь, Ригма подошла к бату, на дне которого трепыхались живые караси и щуки, и завершила свой завтрак.

Перейдя падь, она вошла в густую поросль осинової релки и улеглась в прохладной тени. В эту пору гнуса в лесу очень мало, он никому не надоедает. Отдохнув, Ригма тронулась дальше. Она шла кочковатыми болотистыми равнинами, поросшими шершавой осокой и вейником, переплывала речки, окаймленные непролазным ивняком, снова поднималась на увалы, поросшие лиственничниками. Под тяжестью тела ноги Ригмы глубоко утопали в моховой подушке леса, оставляя заметные вмятины. Иногда она пересекала следы лосей и косуль. Тонкое чутье тигрицы улавливало запах оленей. Когда-то она охотилась на них вместе с матерью.

Болотистые леса огромной равнины не могли служить местом постоянного обитания амурских тигров, но тем не менее, облюбовав обширную релку, покрытую широколиственным лесом, Ригма решила обосноваться здесь на некоторое время. Теперь от ненавистного города ее отделяла обширная марь протяженностью в шестьдесят километров. Летом здесь не ступала нога человека.

Спокойно и безмятежно зажила в родных краях Ригма. Вокруг обитало много разного зверя и птиц, в заливах речушек шлепалась и гуляла рыба. Отлежавшись в течение дня на сухой подстилке леса, Ригма лишь с наступлением вечера отправлялась на охоту. Рядом находилась колония барсуков. Вместе с ними, заняв старые барсучьи

норы, жили енотовидные собаки. Выбрав удобную позицию, тигрица подолгу подстерегала «енотов» и барсуков у входов в их подземные жилища. Эти подслеповатые жирные звери пришлось Ригме по вкусу, поймать их не составляло ни малейшего труда. Конечно, для царственного зверя негоже подкарауливать каких-то жалких лесных собачонок, но голодный тигр и мышам рад.

Как-то, идя на водопой, Ригма услышала всплески воды. Дождей давно не выпадало, река мелела. В отшнуровавшемся высыхающем заливе остались караси. Их темные спины торчали из воды, соблазняя ворон, рассеявшихся по кустам. Утопая в илистом дне залива, Ригма каждый день появлялась у реки и успешно рыбачила, отдавая должное немтинским карасям. Поднявшаяся вода лишила Ригму рыбного деликатеса, пришлось перейти на мясную пищу, благо изюбры и лоси забредали к ней на релку.

В середине лета на болотистых полянах поспела голубика. Урожай ягод выдался столь обильным, что отдельные кусты окрасились в сизо-голубой цвет. Кисло-сладкая голубика понравилась Ригме. Но не она одна «паслась» на ягоднике, сюда повадился ходить молодой гималайский медведь, не подозревавший, какой смертельной опасности подвергается он, вторгаясь во владения тигрицы. Как-то ранним утром Ригма услышала чавканье медведя и учуяла его резкий запах. Обойдя издали незваного гостя и определив по следам его возраст, Ригма решила дать встрепку пестуну. Подкравшись к медведю на десяток метров, она в два прыжка очутилась на его спине. Взревев от боли и неожиданности, медведь попытался вырваться из цепких когтей тигрицы и при этом больно укусил ее за лапу. В пылу схватки в Ригме проснулся дух ее предков, всегда ненавидевших медведей. Придя в ярость, она запустила клыки в шею пестуна. Хрустнули кости, оборвалась жизнь косолапого лакомки.

Медвежатина не уступала по вкусовым достоинствам мясу барсука и енотовидной собаки. Да к тому же и добыча досталась ей не без сопротивления. К Ригме постепенно возвращалось чувство своего превосходства в силе над всеми обитателями леса. В цирке оно подавлялось укротителем. Но стоило тигрице остаться наедине с природой, как она почувствовала, что все подвластно ей.

Муссонные летние дожди наполнили водой мари, и они превратились в обширные мелководные озера. На релках, словно на островах, скопилось много зверей. Недостатка в пище не было.

Но вот прошло лето. Затрубили на далеких сопках изюбры. Звери стали покидать мари, уходя в предгорья. На открытых клюквенных и моховых болотах садились и паслись пролетные гуси. По утрам слышалось их непрерывное гоготание, хлопанье крыльев.

Ригму тоже потянуло к дальним переходам. Она направилась

на юг, к истокам Немпту, вслед за кочующими табунчиками кабанов. Вскоре кончились мари. По косогорам росли смешанные кедрово-широколиственные леса. Они окружали ее в детстве, давали приют и обильную пищу. Извечные инстинкты ее предков, временно приглушенные в цирке, теперь властно овладевали всем существом Ригмы. Она не только нуждалась в пище и безопасности, но и в обществе себе подобных.

Перейдя через хребет одного из отрогов Сихотэ-Алиня, Ригма спустилась в долину широкой горной реки. Это великий Хор нес свои стремительные светлые струи в Уссури. Вдоль берега вилась дорога лесорубов, и здесь пахло машинным маслом и человеком. Идя вдоль дороги и оставляя на грязи следы, Ригма спустилась к широкой галечной косе, понюхала воду. Безбоязненно вошла она в стремительный поток и поплыла к другому берегу. Быстрое течение сносило ее вниз, но Ригма была хорошим пловцом. Широкие лапы, загребая воду словно весла, мощно толкали ее тело вперед, к быстро приближавшемуся берегу. Выйдя из воды и отряхнувшись, Ригма повалялась на горячей гальке и, обсушив шерсть, скрылась в сумраке молчаливого старого леса. Где-то недалеко пересвистывались рябчики, барабанила о сухую щепу желна, пахло прелыми листьями. Ригме казалось, что она очень далеко ушла от человека, как вдруг до нее донеслись рокот работающего мотора, жужжание мотопилы и грохот падающих деревьев. Это заготовители леса пилили толстые, в три обхвата, кедры и волоком вместе с мохнатыми кронами подтаскивали стволы на лесной склад. На родине Ригмы хозяйничал человек. Теперь это его территория, и Ригме нужно идти дальше.

Два дня удалялась она на запад, и когда, найдя наконец укромную поляну, успокоенно прилегла под раскидистым тисом, снова услышала едва различимый гул идущего трактора, крики людей. Пришлось поворачивать на юг, опять уходить от человека. Поднявшись в горы, Ригма наконец укрылась от людей. Здесь не было их следов.

На высоте полутора тысяч метров растительность менялась: кедр уступал место елям, не росли в этом лесу орех и бархат, ясень и дуб. А поэтому не было кабана и изюбра, косули и гималайского медведя — всех тех зверей, которыми питалась Ригма. Изрядно проголодавшись, она хотела схватить сторожкую кабаргу, но промахнулась. Посчастливилось ей поймать зайца-беяка, однако этого было мало.

Она спустилась в долину. Здесь гудели моторы, пахло соляркой и человеком, зато в изобилии водилась любая пища. Кабаны и изюбры, хоть и боялись человека, не только не покидали этих мест, а и по ночам подходили к поваленным деревьям, где в изобилии находили корм: кабаны подбирали с земли шишки кедра, набитые маслянисты-

ми орешками, а изюбры объедали лишайник, свешивавшийся с ветвей елей сизыми прядями. С наступлением рассвета звери покидали деляны, уступая место лесорубам, чтобы с приходом сумерек снова вернуться на кормежку. В таких местах и Ригме было на кого охотиться.

В конце октября неожиданно выпал глубокий снег. Молодые деревца, не успевшие стряхнуть с себя листву, согнулись до самой земли, придавленные тяжелой снежной кучтой. У многих старых лип обломились толстые сучья. Пользуясь этим, изюбры объедали с них листья. Застигнутые снегом звери словно оцепенели. Скрываясь в гуще пихтарников, они понуро топтались на одном месте, выжидая, когда порывы ветра пообдуют кучту с ветвей густого высокого кустарника.

Трудно стало Ригме разыскивать добычу. Как-то вечером она вышла на широкую звериную тропу, приведшую ее прямо к охотничьей избушке. Ригма не стала близко подходить к человеческому жилью. Она видела, как из жестяной трубы вилась к небу тонкая струйка голубого дыма, затем скрипнула дверь и вышел охотник. Он начал было колоть дрова, но, бросив топор, снял карабин с вбитого в стену гвоздя и, взведя курок, стал зорко всматриваться в лес, откуда бежала к нему собака с поджатым хвостом. Лайка всегда проявляла трусость, встречаясь с медведем, может, и сейчас, бегая около избушки, она почуяла бредущего к ним шатуна? Охотник сделал по тропе несколько шагов и остановился в нерешительности. Если бы Ригма простояла без движения хоть две минуты, охотник, не рассмотрев ее, повернул бы назад. Но в ней еще не развилась нужная выдержка, тигрица шагнула в кусты раньше времени. Она сделала всего несколько шагов, как вдруг острая боль пронзила правое плечо и в то же мгновение грохот выстрела прорвал лесную тишину, отозвавшись эхом в крутом распадке. В отчаянии Ригма прыгнула в густую поросль бересклета и вскоре скрылась в лесу. Вдогонку ей прогрохотало еще два беспорядочных выстрела. Одна пуля, задев мерзлый сук ясеня, со звуком лопнувшей струны прозвенела над макушками деревьев, и все стихло.

Принял ли охотник Ригму за медведя или, находясь во власти испуга, пальнул, отгоняя от себя амбу, — неизвестно.

Припадая на правую лапу, Ригма брела густым ельником. Кровь, стекая по плечу, капала в снег. Тигрица преодолела несколько перевалов и глухих ключиков, прежде чем, уже перед рассветом, разыскала кабанье гайно и легла. Весь день она не поднималась, зализывая рану. Кровотечение приостановилось. К счастью, пуля, не задев кость, «прошила» только мышцы плеча. Утолив жажду снегом, с наступлением вечера Ригма сделала широкий круг по лесу и, убедив-

шись, что за ней нет погони, перешла в соседний ключ, где отыскала брошенное «гнездо» старой свиньи и устроилась на отдых. Боль в плече усилилась, Ригма не могла ступить на правую лапу. Пришла самая тяжелая пора в жизни тигрицы: чтобы согреться на двадцатиградусном морозе, нужно есть теплое мясо, двигаться. Она же не могла не только преследовать добычу, но даже быстрым шагом передвигаться по лесу.

Первые две недели Ригма терпела голод, довольствуясь несколькими полевками в день. Грызуны сами подбегали к лежащей тигрице, принимая ее за труп. Но, истощив все внутренние запасы, болеющий организм потребовал обильной пищи, и Ригма, преодолевая боль, тронулась на поиски.

Над острой конусообразной сопочкой с криком кружили вороны. Ригма решила проверить, какую добычу нашли горластые вещуньи. Может, и ей удастся поживиться? Поднимаясь по крутому склону сопки, она вышла на след огромного медведя-шатуна. Он брел в том же направлении. Идти по примятому снегу легче, и Ригма заковыляла по медвежьим следам. Скоро она поднялась на сопку. Лес поредел и состоял из корявых молодых дубков. Местами снега на земле не было — это кабан, роясь, сдвинул его. Повеяло резким мускусным запахом секача. Выйдя на поляну, Ригма испугнула ворон. Поднявшись с земли, они расселись по макушкам деревьев и наохлились, переключаясь между собой.

Снег здесь был особенно плотно примят и в некоторых местах смешан с кровью. Рядом с гранитной глыбой лежал растерзанный медведем кабан. В любое время «хозяин» тайги мог вернуться к своей добыче. Долго стояла Ригма, принюхиваясь к воздуху и пристально рассматривая каждый подозрительный предмет. Раненая тигрица чувствовала, что столкновение с крупным шатуном может окончиться для нее трагически. Затем она обошла останки кабана, обнюхивая каждый след, и только убедившись, что поблизости нет врага, осторожно подошла к секачу.

Медведь, убивший кабана, успел съесть лопатку и часть внутренностей. По медвежьим правилам следовало завалить остатки снегом, ветвями елей или, по крайней мере, стащить в укромный лесной ключ. Видимо, шатун был отвлечен кем-то от своего обеда или же насытился до предела.

От голода Ригма утратила чувство меры и съела почти всю заднюю часть кабаньей туши. Оторвав про запас хороший кусок мяса, она спустилась с сопки, пробралась в густую поросль молодого пихтача и, развалившись под выворотнем усохшего кедра, впервые после ранения крепко заснула.

На следующий день Ригма съела принесенный кусок кабанины, однако завтрак лишь распалил ее аппетит. Возвратясь на сопку, она почуяла запах находившегося где-то поблизости медведя и вскоре

вышла на свежие следы шатуна: «хозяин» тайги возвращался к своей добыче. Тигрице пришлось повернуть назад.

Кабанье мясо основательно подкрепило силы Ригмы. Теперь еще с полмесяца можно было терпеть голод.

Быстро заживают раны у хищников. Вскоре Ригма поправилась окончательно и вышла на охоту за кабанами. Пользуясь старыми тропами, она разыскала табунчик свиней и стала подкрадываться к нему, не подозревая, что с противоположной стороны к кабанам подходят охотники с собаками. Если бы звероловы не принимали мер крайней предосторожности, Ригма не подпустила бы их к себе так близко. Прогрохотало два выстрела. Один кабан остался на месте, остальные бросились в сторону Ригмы, громко сопя и фыркая. Вслед за ними неслись собаки, спущенные с поводков. Догнав секача, лайки набросились на него со всех сторон. Обороняясь от наседавших собак, кабан прижался задом к толстой липе и, грозно пощелкивая клыками, приготовился к отчаянному сопротивлению. Подоспевшие охотники прикончили его тремя выстрелами.

Покидая место неудачной охоты, Ригма не знала, куда ей податься: всюду были люди. Они рубили и возили лес или охотились, уйти от них казалось невозможным; нужно было приспособиваться к этому вездесущему хозяину лесов, иначе ей грозила гибель.

И Ригма смирилась со своей участью, стала осторожно обходить людей: соприкосновение с ними многому научило тигрицу. Она перестала бояться собак и рокочущих, страшных на вид машин и издала отличала лесоруба от зверобоя. Охотясь по ночам, тигрица подходила близко к промысловым избушкам, бродила по следам охотников, но никогда не трогала добытых и припрятанных ими зверей. Днем же Ригма забиралась на крутые сопки, откуда далеко просматривались все косогоры, и чутко дремала. При малейшем шорохе она широко открывала глаза, зорко присматривалась и прислушивалась. Теперь она научилась прекрасно ориентироваться в мире звуков, безошибочно различая шелест шагов медведей и изюбров, по крику птиц догадываясь, кто нарушил покой ее пернатых друзей. Да, птицы стали ее испытанными друзьями. Они оповещали ее о местонахождении пищи, об общем их враге — человеке. Даже по тому, как бежал по лесу тот или иной зверь, Ригма знала, кто его преследовал.

Природа щедро наделила Ригму силой и ловкостью, дав ей светлые, словно выточенные из нефрита когти, желтые пятисантиметровые клыки. Ее превосходное зрение не уступало глазу человека, вооруженному биноклем. Чуткое ухо улавливало шорох далеко бегущей мыши. Обоняние позволяло выделить легкий запах копыт давно прошедшего оленя. Не будь у нее этих хорошо развитых органов чувств, отличной памяти и сообразительности, неутомимости и терпе-

ния, трудно пришлось бы молодой тигрице в заснеженном лесу. Да и жертвы ее имели оружие защиты и могли постоять за себя: кабан оборонялся длинными клыками, изюбр мог пустить в ход острые, как пики, рога, медведь — крепкие зубы. Нелегко подчас давалась победа.

Ригма не испытывала чувства ужаса перед человеком, коим наделены многие обитатели леса, испокон веков преследуемые охотниками. Просто она не хотела связываться с мечущим молнии и гром существом и благоразумно уступала ему дорогу. Человек же, бессознательно боявшийся тигров, трепетал при виде Ригмы. Но тигрица и человек могли вполне мирно сосуществовать в этих лесах. Ведь Ригме для утоления голода нужно меньше кабанов и оленей, чем охотнику. Да к тому же в ее когти попадали чаще всего старые или больные животные с ослабленным организмом, в то время как промысловик стремился убивать сильных самок — вожakov кабаньего стада или оленей с прекрасными симметричными рогами. Такие трофеи ценились дороже.

Кроме того, Ригма не терпела в своих владениях волков и лисиц, с удовольствием охотилась за ними, а также преследовала рысь, росомуху и енотовидную собаку. В ее охотничьем районе не было засилья этих хищников, ибо они частенько попадали на обед тигрице.

Общаясь с человеком, Ригма научилась хитрости, а о ней говорили как о коварном звере. В месяц охоты, чтобы утолить голод, она убивала одного — двух кабанов или изюбров, а за это слыла зверем кровожадным. Ригма иногда бродила по широким следам медведей и охотников — так легче идти по снегу, а люди, не знавшие повадок зверей, утверждали, что тигрица опасна: желая якобы напасть на человека, она заходит сзади, некоторое время идет по его следам и, выбрав удобный момент, валит с ног и уносит в заросли.

Много несправедливостей возводилось на Ригму: обвиняли ее и в оскудении лесов зверем, объявляли и вредным хищником — лучше-де с ней в тайге не встречаться. Только ученые-натуралисты, знавшие полную невзгод и лишений жизнь тигров в таежных дебрях, заступались за нее, настоятельно требуя создать на Сихотэ-Алине заповедник для сохранения удивительного реликтового зверя — тигра длинношерстного.

ГРОЗА КАТЭНА

В этот год в леса Катэна пришел большой неурожай. На столонобразных, словно подстриженных, вершинах кедров не красовались золотистые шишки, не было желудей, крупных и мелких орехов. Не плодоносили лианы.

Первыми стали покидать бескормные леса кедровки. Собравшись в небольшие стайки, они улетали на юг, в сторону Бикина, словно предчувствуя, что там есть их любимые орехи. За ними шла белка; потянулись на юг и табунчики кабанов, бурые и белогрудые медведи. Опустели некогда полные разного зверья леса. Наступила голодная жизнь и для Ригмы. В довершение всех бед в горах Сихотэ-Алиня выпал ранний глубокий снег. Переходя ключи, Ригма утопала в сугробах по самые уши.

Голодная тигрица спустилась в долину Катэна и обосновалась недалеко от поселка лесорубов.

Снега здесь оказались не столь глубоки, можно было легко ходить по льду замерзшей реки и по широким тракторным дорогам. Привлекали Ригму и дворняжки. Собаки зачастую самостоятельно углублялись в лес и там ловили зайцев в тальниковых зарослях.

Огромным оранжевым шаром опускалось солнце к горизонту, пронизывая потемневший лес прощальными золотистыми лучами. Осторожно ступая по льду уснувшей реки, Ригма кралась в заросли тальника, где раздавался слабый треск. Это в прибрежных кустах собака искала зайца. А вот показался и сам лохматый «охотник». Принюхиваясь к свежим заячьим следам, пегий вислоухий пес подбежал к Ригме почти вплотную. Увидев тигрицу, он на мгновение замер, затем, взвизгнув от испуга, круто повернул и что было силы помчался к поселку. Но можно ли убежать от тигра! В несколько прыжков Ригма настигла обезумевшего пса и одним ударом клыков лишила его жизни. Схватив собаку поперек туловища, она унесла ее в густые заросли пойменного леса и с аппетитом поужинала.

Хозяева не сразу догадались о причинах отсутствия их сторожа. Только через несколько дней, когда у лучшего охотника поселка исчезла молодая собака, по следам установили, что собак похитила тигрица.

Сначала этим событиям не придали особого значения: тигры в окружающих лесах не в диковинку, а о том, что они пристрастны к собачьему мясу, все хорошо знали. Пожалели пропавших собак, да и забыли бы о происшествии, но Ригма вскоре снова напомнила о себе.

Возвращаясь вечером на участок, местный лесник решил попутно прихватить мешок с рябчиками, лежавший на лабазе в стороне от дороги. Остановив лошадь, он вылез из саней, привязал ее к придорожной черемухе и направился по едва приметной тропке к избушке. Погревшись чайком и отдохнув, он подпер палкой дверь и, взвалив мешок на плечи, зашагал к саням. Тут он услышал громкое тревожное ржание коня, прерываемое ревом зверя. «Вот черная немочь! Однако моего Чалого медведь сгреб», — решил лесник и, бросив тяжелый мешок, побежал к оставленным саням. Не чувствуя под собой земли, спотыкаясь о корни деревьев, торопился лесник и все же опоздал.

Выскочив на дорогу, он так и не понял, что случилось. Вот и черемуха — но ни лошади, ни саней. «Наверное, испугавшись медведя, конь оборвал повод и ускакал в поселок», — подумал мужик и пустился по дороге догонять Чалого, громко крича его имя. Пробежал пару километров — нет коня. До поселка оставалось немного, и лесник зашагал спокойнее, в душе проклиная медведей, не дающих животным покоя даже зимой.

Велико же было его изумление, когда, подойдя к избе и заглянув во двор, он и там не увидел Чалого. Не появлялась лошадь и на лес-промхозовской конюшне. Лесник опросил всех жителей поселка, но никто не видел его коняги. Расстроенный пропажей, направился он в контору лесоучастка и зашел к директору:

— Товарищ Берелев, конь у меня сгинул только что. — И рассказал по порядку все, что с ним произошло.

Берелев вызвал двух местных охотников держать с ними совет. Решили ранним утром с хорошими собаками и ружьями выехать на место загадочного исчезновения лошади, а там видно будет, что делать.

Еще на небе не погасли крупные звезды, когда охотники вместе с лесником и Берелевым, посадив в кузов собак, отправились в лес. Чтобы не затаптывать следы, машину остановили в полукилометре от черемухи. Взяв собак на поводки, направились к злополучному месту. Солнце еще не поднялось над лесом, но было настолько светло, что даже под елями хорошо виднелись следы рябчиков. Дорога в этом месте проходила сквозь густой ельник. На повороте санный след сворачивал в самую гущу деревьев. Взрыхленный, а затем приглаженный снег красноречиво свидетельствовал, что здесь была сперва протаскана лошадиная туша, а уж за ней волоклись разбитые сани.

Все разбрались, рассматривая и ощупывая звериные следы. Собаки скулили. От холода и возбуждения их трясло мелкой дрожью.

— Да, братцы, это не медведь, — уверенно заявил один из охотников. — Посмотрите, какой круглый отпечаток. Вот четыре пальца, когтей нет. Видите, какая круглая пятка. Это след тигрицы. Здоровущий зверь-то какой: лошадь, словно пудового теленка, проволока, и сани не помеха.

Осторожно продвигаясь по следам, люди увидели сани. Застраваженные между стволов двух осин, изломанные, они теперь были негодны для езды. Около них на снегу, забрызганном кровью, валялись обрывки сбруи, хомута и дуга. В глубь леса вился потаск с редкими кровавыми пятнами на стволах деревьев.

Охотники остановились и, словно боясь спугнуть тигра, начали шепотом совещаться.

— Он теперь недалеко где-то лежит.

— Сытый, подпустит близко.
— Идти все равно бесполезно. Шорох. А и подойдешь, стрелять нельзя — зверь запретный.

— Запретный, говоришь. А коня ему дозволено убивать? Попадись он мне, из двух стволов по башке шарахну и в ответе не буду, — кипятился лесник.

— Ну и что толку? Твой конь для государства не большой убыток, более двухсот рублей, поди, не стоит. А за взрослых тигров, я слышал, до сорока тысяч золотом платят.

— Так что же теперь, — не унимался лесник, — тигры и нас с тобой должны жрать, а мы не моги их пальцем тронуть, так, что ли?

— Ну, братцы, спорить тут нечего, — заключил Берелев. — Конечно, оправдывать тигра не приходится. За такие дела ему может не поздоровиться, но и ты ответ должен держать, — обратился он к леснику, — почто коня без присмотра в лесу надолго оставил одного, да еще на ночь глядя? Что, не знаешь? Ведь кроме тигра и медведь-шатун мог подвернуться. Поехали составлять акт да запросим сельсовет, можно ли по сему случаю тигра ухлопать, а то он теперь повадился коней в леспромхозе таскать.

Пока люди совещались и спорили, запрашивали начальство и просили содействия, Ригма спокойно отдыхала после обильной трапезы. Не без колебаний совершила она нападение на привязанную лошадь. Долго осматривала тигрица странное животное, делала широкие круги, принюхивалась, топталась на одном месте. Наступившая темнота и голод способствовали ее дерзости. Подкравшись к Чалому, она с одного прыжка повалила его на бок и сломала ему шейные позвонки. Смерть наступила мгновенно. Затем, ухватив коня за гриву, она поволокла его в лес вместе с саними. Сбруя зацепилась в чаще деревьев. Тогда Ригма вытащила коня из хомута, порвала сбрую и удалилась в лес со своей жертвой. Насытившись, она ушла в сопки. Затем через день снова вернулась к добыче. Спокойно пировавшие у поживы вороны служили лучшим доказательством, что поблизости нет человека и можно спокойно подкрепиться кониной.

До прихода тигрицы с добычей лес, казалось, был лишен каких-либо обитателей. Но вот появилась пища — мясо лошади, и как только тигрица ушла, слетелось множество ворон и воронов, соек и поползней. И откуда только взялись охристо-рыжие колонки и землеройки-бурозубки. Даже чета волков и лисица полакомились за чужой счет. Все они не только торопливо набивали свои желудки мясом, но и норовили утащить с собой кусочек про запас. Когда от Чалого остался жалкий скелет, к месту лесной трагедии прибрел черный лохматый медведь-шатун. Его могучие челюсти способны были раздробить даже крупные лошадиные кости.

Охотники, получив наконец разрешение проучить Ригму, прибыли к месту гибели Чалого, да опоздали: следы тигрицы давно остыли, их запылило свежим снегом.

Разговоры о дерзкой тигрице не умолкали в поселке. Может, они вскоре и прекратились бы, но Ригма, оставляя то на дороге, то на реке пугающие людей следы, все чаще и чаще напоминала о себе. Она до того осмелела, что начала ночами разгуливать по улицам спящего поселка. Собаки, издали чуя своего лютого врага, забивались под навесы и сараи и даже не лаяли. Ригма могла уйти вслед за откочевавшими табунами кабанов, но она еще не совсем утратила привязанность к человеку, некогда дававшему ей пищу. Она инстинктивно надеялась на его помощь, ждала ее и не могла понять, что жители поселка не только не дадут ей мяса, но и не захотят мириться с близостью страшного для них зверя. К тому же некоторые из жителей поселка читали о тропических тиграх-людоедах. Все это усиливало обстановку тревоги и преувеличенной опасности.

Однажды поздним вечером шофер лесоучастка, возвращаясь из города, осветил фарами тигрицу на дороге. Она стояла спокойно, гордо подняв голову, и не торопилась уступать путь автомашине. Это была Ригма. Шофер дал протяжный сигнал и потянул ручку тормоза. Машина остановилась, не добежав до зверя нескольких метров, а тигрица неторопливо шагнула в темноту. Просидев в оцепенении некоторое время, шофер на бешеной скорости влетел в поселок, и скоро об этом происшествии узнали все недоброжелатели Ригмы.

На следующий вечер — это была суббота — лесорубы отчаянно парились в бане. Последним покинул ее завмаг. Накинув полушубок и взяв под мышку березовый веник, служитель прилавка направился домой. Лунная ночь выдалась на редкость светлая и тихая. Крупные снежинки вспыхивали бриллиантовыми искрами, свежий снег слегка похрустывал под валенками. Завмаг и не заметил, как очутился у своей хаты. Открыв калитку и ступив несколько шагов, он остолбенел от неожиданности: посреди широкого двора стоял тигр. Зверь был настолько светлым, что почти растворялся на снежном фоне. Хозяин двора подумал: «Не померещилось ли?» — и, хотя луна светила достаточно сильно, вынул дрожащей рукой карманный фонарик и включил свет. Видимость тигра не улучшилась, но глаза его вспыхнули таким дьявольским огнем, что завмаг вскрикнул, выронил веник и фонарь из рук и, повернувшись, пустился бежать вдоль улицы.

Заскочив в сенцы дома лесника, он отдышался и дернул на себя разбухшую от мороза дверь.

— Степан! Меня во дворе чуть тигр не схватил! Еле ноги унес, — выпалил он сидевшему за столом леснику.

Взглянув на подозрительно красное лицо своего соседа, лесник усмехнулся:

— Поди, привиделось. Это, брат, бывает, когда переберешь. Садись-ка. Я уж забыл о своем Чалом, а ты опять о тиграх.

Напрасно завмаг живописал подробности своей встречи с тигром, лесник ему не поверил.

На следующее утро весь поселок говорил о новом посещении тигрицы. Ее следами интересовались все охотники поселка, их фотографировали, измеряли.

Через неделю шедший с лесоучастка раскряжевщик видел, как тигрица подходила к игравшим на льду реки ребятам. Он поднял тревогу. Выбегавшие из домов охотники выстрелами отпугнули зверя.

Все эти события, крайне необычные для тихого лесного поселка, участились до того, что люди, напуганные смелостью и назойливостью тигрицы, обратились к местной власти с просьбой: «Помогите избавиться от опасного для жизни зверя. Разрешите его уничтожить».

А Ригма, словно мстя людям за многие свои страдания, вовсе не собиралась уходить, появляясь то на одном, то на другом краю поселка, разгуливая вблизи по тропам и дорогам.

Кто мог думать, что в наш век всепобеждающей техники, когда в лесах Дальнего Востока остались считанные тигры, некогда плененная тигрица бросит вызов человеку и повергнет население целого поселка в трепет и настоящую панику!

Страх овладел всеми. Вооруженные родители сопровождали школьников на занятия. Маленьких детей совсем не пускали за порог. К прорубям за водой ходили гурьбой. Мужчины боялись ездить на лошадях в лес за дровами.

Печальный случай окончательно переполнил чашу всеобщего терпения. В поселке умер человек. Кладбище было на отшибе, на высоком, густо заросшем кустарником берегу реки. Похоронная процессия донесла покойника до могилы, и когда гроб был поставлен на землю, кто-то из женщин испуганно вскрикнул:

— Глядите, тигр!

Действительно, на противоположном берегу реки стояла Ригма. Будь хоть у кого-нибудь ружье, тигрице несдобровать. Испуганные люди убежали в поселок, а когда вернулись с карабинами, зверя, конечно, на прежнем месте не оказалось. Лишь свежие следы говорили о его недавнем присутствии.

На следующий день в поселке собрались все охотники и лесники. «Будет или нет разрешение, а тигра нужно убить, — постановили они, — дальше терпеть его невозможно».

Для выполнения этого решения таежники разделились на три группы. Сперва предполагалось выследить тигрицу, найти место ее пребывания, а затем окружить и, по принципу активной облавы,

выгнать на стрелков. Если же она пойдет на загонщиков, то ей все равно не прорваться: у каждого будет в руках заряженное тяжелыми пулями ружье.

Смертельная опасность нависла над Ригмой. Ранним тусклым утром она была выслежена лесниками и окружена двадцатью охотниками. Почуввав опасность, Ригма заметалась в окладе, затем, успокоившись, поднялась на возвышенность, осмотрела сжимающуюся вокруг нее цепь охотников и, выбрав участок, где люди стояли редко, смело пошла им навстречу, припадая к земле и прячась в густом кустарнике. Напрасно собравшиеся предвкушали увидеть тигрицу на расстоянии и разрядить в нее ружья издали. Тигрица словно провалилась сквозь землю. Оклад сузился до того, что загонщики, идущие навстречу стрелкам, хорошо видели их, а тигрицы нигде не было. Неужто она сумела проскользнуть? В недоумении стояли загонщики и стрелки: находившееся между ними пространство хорошо просматривалось. Снова и снова вглядывались люди в каждую кочку, в каждую валежину, а увидеть тигрицу никто не мог.

— Нет тигрицы! — воскликнул один из охотников.

— Видать, мы окружили пустое место, — усомнился второй.

— А может быть, она на дерево залезла?

Стройная цепь загонщиков, подойдя почти вплотную к стрелкам, смешалась. Некоторые спустили курки ружей и надели рукавицы.

— Ну что же, пошли домой! — воскликнул Берелев. Но стоило ему сделать шаг, как, словно взрыв гранаты, рванулось в воздух полосатое желтое тело и с оглушительным ревом ринулось на него. Частый дулет брошенного к плечу ружья не остановил стремительного прыжка Ригмы. Берелев упал в снег. Перемахнув через стрелявшего, тигрица кинулась к спасительным зарослям. Вслед загрохотали поспешные выстрелы разных калибров. А Ригма мелькала желтым факелом среди заснеженных кустов, пока не скрылась из вида.

Возвращаясь в поселок, люди обсуждали причины неудачной охоты. Одни жаловались на рикошеты пуль о мерзлые прутья густых кустов, другие полагали, что защитная окраска тигрицы позволила ей великолепно замаскироваться и неожиданно кинуться на охотников, но больше всего, конечно, корили Берелева. Промах при стрельбе в упор был, по мнению всех, непростительным.

— Что вы на меня напали, — защищался неудачливый стрелок. — Я читал у Ширинского-Шихматова, что легче на лету подстрелить бекаса, чем выцелить по убойному месту крупного медведя.

— Жару-то мы ей наподдали, — ликовал лесник, не прощавший Ригме гибели Чалого.

— Теперь будет километров сто махать без остановки.

— А может, какая шальная пуля задела?

В поселке охотников поджидал только что прибывший Калугин. Ему официально поручили тигрицу застрелить, а шкуру с черепом доставить в музей.

ТИГР И ЧЕЛОВЕК

Расспросив одного из участников облавы о происшедшем, Калугин не стал задерживаться в поселке лесорубов. Переночевав, он чуть свет ушел разыскивать тигрицу: возможно, она ушла раненой, ведь по ней много раз стреляли. Лишь к полудню вышел Калугин на след и убедился, что зверь идет нормально, крови на снегу нет. Первый раз в жизни он преследовал тигрицу не для того, чтобы поймать живьем, а с жестоким намерением убить. В душе старый тигролов протестовал против исполнения этого задания: ведь каждая тигрица приносит тигрят, без них не существовало бы и промысла, коим он занимался в течение многих лет. И только мысль, что это опасный для детей зверь, заставляла взяться за исполнение неприятного поручения.

В представлении Калугина это была старая больная самка — с поломанными клыками, с редкой, вылезающей на спине шерстью. Дряхлая, неспособная добывать обычную для себя пищу, тигрица, конечно, должна быть умерщвлена: много бед она может принести человеку, прежде чем умрет от старости и голода.

Против этого трудно было возражать, и все же нелегко заставить себя поднять ружье на старое животное. «Пусть лучше стоит чучелом в музее — все же польза людям», — эта последняя мысль примирила его с тягостной необходимостью.

Ночь застигла Калугина в незнакомом ключе. Найдя поваленный ветром огромный сухой кедр, он подтащил к нему валежник. Вспыхнул огонь. Вода в ключе промерзла до дна, пришлось набивать котелок льдом. После ужина, настелив сухих веток и коры, Калугин лег у костра. Где-то недалеко нехотя вскрикивал филин, шуршала под снегом полевка. Поправив у изголовья карабин, Калугин погрузился в чуткий сон, прерываемый морозом. Когда холод становился невыносимым, он вставал, накладывал валежник на слегка тлеющие угольки костра. Занимавшееся пламя согревало ему спину, и он снова засыпал. За длинную зимнюю ночь много сгорело дров, перегорел и толстый ствол кедра. Резкий крик совы, близко подлетевшей к угасшему костру, разбудил тигролова. Подкрепившись добрым куском вареного мяса и кружкой крепкого чая, он вышел на след Ригмы и бодро зашагал на сопку.

Тигрица поднималась на крутые обрывы, шла косогором. Она избегала густых кустарниковых зарослей и, выйдя на старую звериную тропу, долго не сходила с нее. Шла Ригма как по компасу — строго на юг. Казалось, ничто не интересовало ее, хотя Калугин знал, что тигрица давно не ела. «Должна же она, проголодавшись, поохотиться за кем-нибудь, задержаться на одном месте у своей добычи. Вот тогда-то и представится случай подойти на выстрел», — размышлял тигролов. Два дня шел Аверьян, немало километров осталось позади, а шаг зверя по-прежнему был ровным, четким, точно как в первый день преследования.

Небо, подернутое высокими перистыми облаками, предвещало смену погоды. Если выпадет обильный снег, Калугину придется возвращаться: у него нет лыж, да и след легко потерять. К концу дня Аверьян решил благоприятно обосноваться на ночлег и выспаться в тепле. Для этого он, как только за вечерело, стал высматривать сухие кедры, стоящие недалеко друг от друга. Вот давно усохший, золотистый, лишенный коры кедровый ствол, а рядом здоровущий смолистый пень. Как раз то, что надо. Правда, нет воды, но при наличии снега всегда можно натопить хотя и горьковатой, но вполне пригодной для питья воды. Первым делом Калугин поджег пень, а невдалеке развел маленький костер, подвесив над ним котелок, набитый снегом. Когда стемнело, тигролов подошел к уснувшему лесному великану и отколол топором от его смолистого бока щепу. Одной спички оказалось достаточно, чтобы запылал гигантский факел, осветив лес вокруг на десятки метров. Стало так светло, что Калугин смог без труда зашить лопнувшие по шву брюки, приготовить ужин. Снег вокруг горящего кедра растаял, обнажив усыпанную дубовыми листьями землю. Листья парили. Лес наполнился теплом, хотелось растянуться на земле и уснуть. Но зверолов знал, что стоит угаснуть этому чудесному факелу, как трескучий мороз словно обручами сожмет его в своих объятиях.

Пока охотник готовился ко сну, пень сгорел весь. Выгорела даже часть толстого корня, уходившего в почву. Погасив угли и все искры, Калугин извлек горячую золу и дал охладиться раскаленной земле. Затем он затолкал ноги, обутые в олочи, в образовавшееся углубление и, словно на перину, лег на теплую, пахнущую смолистым дымом землю, подложив под себя несколько еловых ветвей. Теперь он чувствовал себя как на печке, лишь свежий морозный воздух охлаждал щеки и лоб.

Проснулся Калугин с восходом солнца. За длинную ночь он не повернулся даже на бок. Слабый ветерок усилился, наступило потепление. Наскоро позавтракав, Аверьян снова пустился догонять Ригму.

Он шел старым высокоствольным лесом. Сорокаметровые кедры, раскачиваемые сильными порывами ветра, скрипели и потрескивали.

Ветер завывал в сухих дуплистых вершинах мертвых деревьев, сбрасывая на снег хвою и сломанные ветви. Птицы попрятались. С тревогой поглядывал Калугин на небо, стремясь поскорее пройти этот сухостойный лес и укрыться в густом молодом ельнике.

К полудню ветер принял такую разрушительную силу, что Калугин был вынужден искать защиты под раскидистой кроной молодого кедра. Убежище это оказалось ненадежным: налетевший шквал сломил вершину сухой ели и бросил ее на кедр. Ударившись о его ствол и сломав часть ветвей, громадное копьё вонзилось в землю в двух шагах от тигролова. Теперь Аверьяну было не до следов Ригмы. Нужно скорее искать убежище в глубоком распадке. Но куда податься, когда кругом падали на землю подгнившие деревья, обломки вершин и толстые сучья?

Треск, глухое буханье свалившихся стволов, пронзительный скрип трущихся деревьев наполняли лес. Калугин метался из стороны в сторону, не спуская глаз с угрожающе гнувшихся вершин. Особенно страшными были отщепы с вершин сухих кедров. Они низвергались по косой линии и втыкались в землю, грозя пронзить все живое насквозь. Охотник вспомнил, как однажды привелось ему найти мертвого кабана, пробитого щепой. Словно под артиллерийским обстрелом, выжидая паузы между порывами ветра, делал Калугин перебежки, пока не достиг густого ельника. Здесь не росли высокие деревья, не было и сухостоя. Переведя дух, Калугин посидел на мерзлом пне, а затем спустился в ключ, собираясь здесь переждать непогоду до утра.

Разведя маленький костер на дне небольшой ямы, оставшейся на месте вывернутого с корнем дерева, Аверьян посмотрел на часы: стрелки показывали всего четвертый час, а в лесу было темно, как вечером.

Сильный ветер угнал на восток тучи, и начавшийся было снегопад вскоре прекратился. Всю ночь бушевал ураган, к утру затихло. Ночь в ельнике прошла для Аверьяна относительно спокойно.

Утром он поднялся на сопку, разыскал изрядно расплывшийся след Ригмы и устремился по нему на юг.

Чем дальше шел Калугин, тем сильнее его сердце охватывало сомнение. Следы говорили о том, что он преследует отнюдь не старого зверя. Спокойный, размеренный шаг тигрицы местами переходил на легкие прыжки, словно она хотела поразмяться или позабавиться. Так могла идти только молодая тигрица.

«Все рассказы лесорубов, — размышлял Калугин, — придуманы в страхе. Зачем же тогда я несу ей смерть? Повернуть, что ли, обратно? Но ведь она утатила несколько хороших собак, убила лошадь. Тигры не должны бы этого делать. Значит, от нее чего угодно ожидать можно. А ежели тигрица в Солонцовый придет да ребенка схва-

тит, тогда что? Как погляжу в глаза матери? Скажет: ты не охотник, а трус и мерзавец, коль тебе зверь милее человека. Не простит. Нет, нельзя тигрицу жалеть».

Утвердившись в этом мнении, Калугин прибавил шаг, но вскоре им овладел другой настрой мыслей. Приходили на память многие случаи расследования незаконного отстрела тигров, и каждый раз он убеждался, что обвиняемый в агрессии зверь отнюдь не нападал и даже не угрожал человеку. Просто при стечении обстоятельств тигр близко подходил к охотнику, попадался ему на глаза и получал за это пулю в сердце.

А Ригма тем временем все шла на юг по старым кабаньим тропам, запорошенным снегом. Наделенная от природы большой выносливостью, она без мучений переносила голод. Но, как всякий хищник, Ригма, будучи голодной, не могла спокойно пройти мимо добычи, отвергнуть ее только потому, что торопилась сменить свое местожительство. И когда тонкое обоняние тигрицы уловило запах белогрудого медведя, она остановилась: гималайские медведи всегда являлись излюбленной пищей ее сородичей. Сперва Ригма осмотрела местность и вскоре пришла к выводу, что медведь, не найдя подходящего дупла, залез под корни липы, росшей на крутом косогоре, и здесь устроился на зимовку. Подойдя к липе, Ригма решила овладеть соней. Но как это сделать? Когда, расширив лаз, она попыталась вытащить медведя, то столкнулась с его оскаленными клыками и длинными когтями. Узкий вход не позволял ей проникнуть в берлогу; извлечь лапой упавшегося и отчаянно кусавшегося «хозяина» оказалось невозможно.

Тогда Ригма пошла на хитрость. Она подкопалась под корни со стороны, противоположной входу в берлогу, и, просунув в отверстие лапу, схватила медведя за ягодицу и вырвала кусок кожи с черной шерстью. С ревом завертелся в берлоге медведь. Как он ни изворачивался, в одном из отверстий виднелась хоть какая-то уязвимая часть его тела, и этим ловко пользовалась тигрица. Не имея возможности спрятаться, косолапый решил спасаться бегством, но только он высунул голову и плечи из берлоги, как Ригма схватила его за загривок и прикусила. Затем она выволокла обмякшее тело медведя из убежища и, оттащив в сторону, приступила к обеду.

Вес медведя превышал сотню килограммов, съесть его сразу тигрица не могла, поэтому она задержалась у своей добычи. Это обстоятельство позволило Калугину догнать Ригму и подойти к ней на довольно близкое расстояние.

Сперва Ригма обратила внимание на тревожное урчание белки, затем услышала подозрительный треск валежника. Решив проверить, кто бы это мог потревожить ее покой, она, сделав по лесу широкий

полукруг, зашла к подозрительному месту с противоположной стороны и обнаружила следы Калугина. Принюхиваясь к знакомому запаху человека, Ригма пошла за тигроловом, ступая точно по его следам.

Калугин издали увидел черную дыру, зияющую между корнями липы у самой земли. Снег вокруг дерева был измят. Осторожно подойдя к берлоге, охотник понял все, что здесь произошло. Предчувствуя близость зверя, он снял курок с предохранителя и, зорко осматриваясь по сторонам, бесшумно стал продвигаться вперед. Вот и медвежья туша. След тигрицы уходил в сторону. Сделав широкую петлю, Калугин вышел на свой след, затоптанный лапами Ригмы. «Обошла, окайнная, — пронеслось в голове охотника. — Теперь к ней скоро не подойдешь. Все равно перехитрю!» И с этой мыслью тигролов быстрым шагом направился к медвежьей туше. Вырезав кусок мяса на ужин, он разыскал сухостойник и, разведя костер, отаборился на ночь.

Теплые струи воздуха, поднимавшиеся от костра, мерно покачивали темные ветви подступивших елей и пихт. Потрескивали сухие ветки белой сирени, разбрасывая далеко вокруг горящие угольки. Присев на валежину, Калугин думал о предстоящей встрече с тигрицей. «Где-то недалеко бродит. Теперь знает, что ее преследуют. Уходить станет — не догонишь. Если пожелает от меня избавиться, — несдобровать. Чего проще напасть на спящего. Костер погас, бесшумно, как змея, подползет в темноте. Один прыжок... и выстрелить не успеешь — силища огромная, клыками разит мгновенно. А ведь не решится, не воспользуется своими преимуществами: ума не хватит, страх перед человеком сдержит. Хорошо бы днем разглядеть издали, когда она занята охотой или едой, тут не упустил бы», — эти мысли беспорядочно мелькали в голове, пока сон не одолел охотника.

Ригма бросила свою добычу. Сойдя со следа Калугина, она снова побрела на юг. Старые излюбленные тропы привели ее на большой природный солонец. Подземные ключи, не замерзающие зимой, изливали «ржавую», богатую солями воду на поверхность, и она растекалась желтыми пятнами по льду, тут же замерзая. Олени зимой редко посещали солонец, но, проходя мимо, сворачивали на лакомый лед, грызли и лизали его.

Остановившись на солонце, Ригма обнюхала следы прошедшего недавно изюбра и прилегла на обнаженной земле.

Она решила подкараулить здесь оленя.

Зная повадки тигров, Калугин, как только заметил, что многочисленные тропы сливаются в одну проторенную дорогу, остановился, снял карабин, положив его на правую изогнутую руку, и стал осторожно подкрадываться к поляне солонца, видневшейся сквозь просветы между деревьями. Двигался он столь осторожно, что не

слышал шороха своих шагов. Но как ни бесшумно подходил Калугин, Ригма уловила слабый скрип снега под его ногами, заметила мелькнувший в чаще силуэт и припала за полусгнившей колодиной, лежавшей поперек ключа. Она приняла охотника за изюбра. Выйдя на солонец, Калугин остановился, внимательно осматривая окружающие предметы. Все вокруг было безжизненно и молчаливо. Простояв несколько минут без движения, он поднял ногу и тут же опустил ее. На противоположной опушке поляны, словно из-под земли, появилась тигрица. Бросок карабина — и его холодное ложе коснулось щеки Калугина, указательный палец лег на спусковой крючок. В тонкую прорезь прицела попало полосатое плечо зверя, но палец на крючке как бы заковенел.

Калугин узнал Ригму. Тихо опустив ствол винтовки к земле, он разглядывал неожиданное видение, чувствуя, что ком подступает к горлу. Ригма стояла как изваяние.

Возможно, в эту минуту она вспомнила человека, с которым уже трижды встречалась. Кто мог заглянуть в ее звериную душу, не лишенную благородства и памяти!

— Ригма! — крикнул Калугин во всю силу легких. — Жива!

Вскинув в небо короткий ствол карабина, он трижды выстрелил, словно салютуя победе жизни. Ригма вздрогнула, повернулась и, сделав высокий плавный прыжок, растворилась в зеленой дымке ельника.

Остаток дня взволнованный Калугин провел у костра. Большая радость встречи омрачилась тревогой за будущее Ригмы. Ведь она так доверчива, рано или поздно ее убьют. Не простят ей охоты на собак, гибели Чалого. И то, что сейчас не сделал он, Калугин, сделает кто-нибудь другой.

Размышляя над безысходностью ситуации, Аверьян вспомнил, что в кабинете директора промхоза висело объявление о создании в истоках Катэна, на Хорско-Бикинском водоразделе, первого в стране тигрового заповедника. Всякая охота в нем запрещалась.

«Нужно угнать Ригму в заповедник, уж там ее никто не тронет. Привольно ей будет жить в охраняемых лесах», — повеселев от принятого решения, Калугин подбросил валежника в костер и повернулся к нему спиной. На небе загорались крупные мерцающие звезды. Тихая морозная ночь окутывала лесные дебри, а на душе у человека было тепло.

Три дня гнался Калугин за Ригмой. Теперь не нужны стали все предосторожности: он умышленно трещал валежником, громко кашлял, стрелял облегченными зарядами рябчиков для похлебки, — благо Ригма шла в заданном направлении. К концу третьих суток Калугин увидел белоснежные вершины горного хребта. Здесь проходила граница заповедника.

— Вот и пришли к тебе домой! — громко обратился Калугин

к невидимой Ригме, с сияющей улыбкой оглядывая густые темно-зеленые кедррачи, спускавшиеся по склонам гор и рек. Чувство радостного облегчения наполнило его душу. Достав топор, он с одного маха сделал на ясене широкую затесь — так отмечалось им место завершенной удачной охоты.

Вернувшись в промхоз, Калугин рассказал директору, что вызвавшая столько страхов и объявленная вне закона тигрица является Ригмой, пойманной некогда им и бежавшей из цирка.

— Я хорошо разглядел ее. Здоровущая стала. Сейчас не скрутишь: собак, как мышей, передавит. Зря ее к смерти приговорили. Для людей неопасна, а что собак таскала да лошадь загубила, так это из-за временной бескормицы. К человеку привычна была, вот и разгуливала по поселку, пугала лесорубов. Жаль мне ее стало. Попадет на глаза заполошному охотнику, тот не пощадит. Вот и пришлось угнать в заповедник. Тигрица-то ведь золотая.

— Правильно! Я бы на твоём месте, Аверьян Матвеевич, так же поступил, — заключил директор.

Придя домой, Калугин уселся за письмо к Зарубину, сообщая о похождениях Ригмы, об их встрече и новом ее пристанище.

«В цирк Ригму теперь не вернешь, — писал он, — пущай живет в родных краях, потомство приносит. А ежели надо, мы вам других тигрят изловим».

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ

Тишина заповедного леса не нарушалась выстрелами охотников и лаем собак. Не было здесь и лесорубов. Охрана следила за тем, чтобы даже летом не проникали сюда люди в поисках женьшеня, — непотушенный костер мог вызвать лесной пожар. Пышные высокоствольные леса, покрывавшие изрезанные глубокими горными ключами и речками невысокие сопки, служили надежным укрытием для многих зверей и птиц. Природа особенно щедро одарила эту землю обетованную: на ней встретились и перемешались жители юга и севера, словно по прихоти человека здесь некогда возник ботанический сад, пришедший затем в своеобразное одичание.

В заповеднике жили тигры. Ригма не была с ними знакома. Как-то в предвесеннее время она взобралась на скалистую сопку — место изюбриных отстоев. Среди отвесных скал олени выбирали маленькие площадки, укрываясь от преследования волков. Забежит изюбр на отстой — волку его не взять: кругом обрывы да отвесные скалы. Лишь по одному карнизу-тропе можно подняться на площадку, а сунься — угодишь под копыта или рога оленя, будешь сброшен в пропасть.

Поднимаясь по каменистой извилистой тропе, Ригма услышала шум мелких камней, скатывавшихся с обрыва. Кому, как не оленю, быть здесь! Но вместо изюбра на тропе появился тигр. Долго стояли могучие звери друг против друга, не решаясь сделать первый шаг. Обнюхав Ригму издали, незнакомец первый тронулся навстречу. Но Ригма не позволила подойти близко к себе: она круто повернулась и ушла в заросли. Тигр последовал за ней.

С этого дня они встречались часто. Не сближаясь, прогуливались по косогору, поросшему кедрачом. Случилось однажды, что к ним навстречу выбежал преследуемый волком изюбр. Ригма бросилась на быка, да промахнулась. Увернувшись от ее когтей, изюбр шархнулся в сторону и угодил в лапы тигра. Умертвив оленя, тигр подтащил добычу к наблюдавшей за ним тигрице, а сам отошел в сторону, как бы приглашая Ригму первой отведать оленятины. Тигрица приняла приглашение, и пока она утоляла голод, тигр лежал в стороне. Совместная охота упрочила их знакомство.

Теперь Ригма разрешила тигру подходить близко, и он всячески проявлял к ней внимание и нежность. С готовностью уступал лучший кусок добычи и даже ласково облизывал шершавым языком ее плечо и шею, а она трепала его большую голову когтистой лапой, и тигр терпеливо сносил эту болезненную шутку. Прошла неделя.

Внезапно Ригма скрылась от тигра. Поднявшаяся пурга завейала ее след. А через три месяца у Ригмы появились тигрята. Для нее они были самыми дорогими и любимыми существами на свете. За их безопасность Ригма отдала бы свою жизнь.

Несколько дней она ни на минуту не оставляла трех пестрых малышей, прижимая их к груди широкими лапами. Тигрята, насосавшись теплого молока, таращили бессмысленные глаза на зеленеющие деревья и внимали шепоту листьев.

Сменялись времена года. С наступлением тепла в заповедные леса прилетали из тропиков длиннохвостые личинкоеды, яркие синие ширококрылые. Среди темно-зеленых ветвей мелькали огненно-желтые мухоловки, перекликались белоглазки, прикочевавшие на лето из Новой Зеландии.

На лесных полянах среди страусоперых папоротников цвели красные лилии, а над ними реяли черные с зеленым отливом крупные бабочки-хвостоносцы. Ночные сумерки не прекращали жизнь леса. На звериных тропах, словно по металлическому предмету, стучали козодои, а в вейниковых зарослях с перепугу «лаял» козел, будто заблудившаяся собака. С низким гудением пролетали гигантские жуки-дровосеки, таинственно мерцали светлячки.

В эту благодатную пору изобилия тепла и пищи все животные растили свое потомство, отчаянно борясь за существование и в то же

время помогая друг другу. В лесу скрывались и жили тысячи различных животных. Они поедали и уничтожали растения, разносили и прятали в земле орехи и желуди, способствуя естественному возобновлению леса.

Грызуны были чрезмерно плодовиты. В короткий срок они могли бы достичь большой численности и уничтожить все растения, но природа сотворила хищников, сдерживающих нашествие грызунов.

Человек открыл великий закон равновесия природы и научился управлять им. Он создал заповедники — эти огромные лаборатории, где сама природа творила и разрушала в своей предвечной гармонии. В этой лаборатории животные не делились на вредных и полезных. Здесь даже волк, объявленный в других районах бичом оленеводства, выполнял роль санитара.

Летние муссоны сменялись холодными северо-западными ветрами. Зима ступала ледяной ногой в заповедный лес. Жизнь, казалось, замирала. Лишь снежный покров земли подолгу хранил интересные «записи» обитателей леса. Охотоведы бегло читали эти страницы лесной книги, постигая премудрости природы.

Шли годы. Постаревший Калугин перестал заниматься промыслом. Угас охотничий пыл. Ему и раньше было жаль убиваемых зверей, но чувство это быстро исчезало, не столь сильно тревожило его добрую душу. Теперь же при виде печальных глаз раненого оленя, покрывавшихся дымкой смерти, сердце охотника жгло болезненное раскаяние. Даже вид убитой медведицы, свирепо защищавшей свое взрослое потомство, не радовал, а скорее огорчал.

Только природа по-прежнему властно манила тигролова под зеленый полог вечно молодого и древнего леса, исцеляла расстроенное житейскими волнениями сердце, наполняя его светлой радостью.

На предложение дирекции заповедника поработать в экспедиции по учету тигров Калугин согласился с большим желанием. «Хоть напоследок похожу по тигриным местам, поучу молодых охотоведов. Надо же свой опыт передавать людям», — думал тигролов. Выезд предполагался в конце февраля. Снега в лесу лежали глубокие. Пришлось прихватить ивовые лыжи, подшитые камусом¹.

Калугин был тонким знатоком жизни леса. Показывая следы тигра своим ученикам, он объяснял, как можно определить их свежесть и направление в глубоком снегу, как отличить, кто прошел: самец или самка. Он учил различать звериные «почерки», чтобы при учете не путать различных тигров и не записывать дважды один и тот же след.

Собравшись у вечернего костра в ожидании ужина, с большим

¹ Камус — кожа с ног оленя, выделанная без удаления волоса.

вниманием слушали будущие охотоведы рассказы Калугина о повадках тигров, о многократных встречах с благородным зверем, а ему было что вспомнить, о чем рассказать.

— Аверьян Матвеевич, по-вашему, животные не нападают на человека и в лесу даже тигра бояться не следует? — обратился к Калугину Алеша Емельянов, подкладывая валежник в костер.

— Этого я не утверждал. Есть животные, смело нападающие на человека. Они из живого охотника кровь высасывают, но ведь это только гнус да клещ. А вот, скажем, тигр и медведь альбо рысь и волк — человека не трогают, бояться они его смертельно и всегда дорогу уступают. Положись на мой опыт: более сорока лет с ружьем по тайге проходил, много звериных душ загубил, а ни одного зверя-людоеда в глаза не видывал. Нет таких зверей в наше время, чтобы людей не боялись! Читал я книги про зверье разное, да, видать, кто про них пишет, сам в лесу мало бывает. Вот поэтому и затвердили: тигр — кровожадный, медведь — неуклюжий, заяц — обязательно трус, а волк — чуть ли не людоед. А я вам, ребята, скажу: волк боится человека пуще зайца, а медведь ловок, что твой акробат в цирке. Видали, на какие лесины за желудями залезает! И нет жадности к копытному зверю у тигра.

— Вас послушать — все звери добрые, — не унимался Алеша, — а я читал в какой-то газете, что рысь на охотника прямо с дерева сиганула и чуть не загрызла. Еле ножом отбил. Тоже, скажете, неправда?

— Возможно, и напала. Только при чем тут дерево? Рысь с земли нападает, и то на зайцев. На деревья она редко лазает. Разве что собаки ее туда загнали. Раненая могла с дерева свалиться или на охотника прыгнуть. Я как-то в детстве бурундуков ловил, так один бурундучишка на меня с березы прыгнул, когда я его стряхивал, и за палец больно укусил. Каждый зверь свою жизнь защищает.

Поспевшая похлебка из рябчиков прервала затянувшиеся споры, и отряд принялся за ужин. После ужина Алеша снова насадил Калугина:

— Когда я поступал на охотоведческий факультет, отец сказал: «Это несерьезная наука». Аверьян Матвеевич, часто приходится слышать, что охота вроде баловства. Почему у людей сложилось такое мнение?

— Не знают дела нашего, поэтому не уважают труд охотников. Я промыслу всю жизнь отдал и скажу тебе, Алеша, — трудный и твердый хлеб промысловика. Иногда думают так: ходит охотник в зеленом лесочке, поют птицы, воздух чистый. Любуется он ясными зорями да голубым небом, не работа — курорт. Охотник не рассказывает, как голодает на промысле, ломая зубы о мерзлый хлеб, как блуждает в лютую пургу, спит на сырой земле да на снегу. Он не жалуется на судьбу. На охоту не по нужде пошел, по доброй воле, душев-

ному призванию. Терпит добровольно большие лишения, не ропщет. Сам того захотел. А ведь месяцами семью не видит, в бане не бывает. Приплетется чуть живой в холодный барачек, от пота гимнастерка и телогрейка мокрые. Нужно не то обед, не то ужин готовить, а там шкурки с белок и колонков до полуночи снимать, дрова рубить. Печка всю ночь гореть должна — не ленись, вставай да подкидывай. Чуть свет — вари завтрак и снова в лес до вечера. И так — изо дня в день. А случись беда: ногу повредил или зверь, скажем, ранил — первую помощь оказать некому. Хорошо, если на вертолете разыщут или товарищ рядом окажется.

Тяжек труд промысловика, а народу нашему — нужен. Леса кругом бескрайние, зверя в них много. Меха нашим цены нет. Это хорошо, Алеша, что ты в охотоведы подался. Ученые охотой пока мало интересуются.

— Я с вами, Аверьян Матвеевич, согласен: ведь если по науке охотничий промысел поставить, страну ценной пушниной завалим, будет тайга давать человеку в изобилии мясо и кожи, лекарства и сувениры.

Емельянов хотел еще расспросить Калугина о тиграх, но старый охотник стал готовиться ко сну.

С наступлением рассвета все вышли по намеченным маршрутам. Калугин вместе с Емельяновым направился на юг по Теплому ключу. Пройдя около пяти километров, учетчики увидели свежие следы тигров. Их было так много, что Алеша не мог понять, сколько животных прошло здесь.

— Аверьян Матвеевич, неужто табун тигров прошел? — шепотом спросил Алеша.

Калугин молчал. Он внимательно рассматривал отпечатки, ощупывал их пальцами. Затем медленно зашагал вдоль следов, но вдруг остановился, сдвинул на затылок ушанку:

— Табун не табун, а четыре тигра наверняка идут. Видать, семья — тигрица и три взрослых тигренка. Пройдем за ними до перевала, поглядим, чем заниматься они будут.

И с этими словами Калугин заскользил на лыжах между деревьев. Алеша едва поспевал за ним. Поднявшись на увал, Калугин остановился:

— Видишь, тигрята самостоятельность проявляют: два свернули в распадок, а один за тигрицей в вершину ключа подался.

— За кем же пойдем? — спросил Алеша.

— Пойдем за тигрицей. Ежели мы к ней раньше подойдем, она близко подпустит: за своих тигрят, что отстали, примет.

Подниматься на лыжах при глубоком снеге было трудно. Пот ручьями стекал по разгоряченному лицу Алеши. Когда до перевала осталась какая-то сотня метров, Калугин подал знак юноше.

— Ну, Алеша, теперь аккуратно надо идти, — прошептал он.

Лыжи тут оставим. Приготовь свое фоторужье, да не промахнись, коль тигров за перевалом увидим.

Они сошли с лыж и начали карабкаться по крутому склону.

— Ишь, как развезло, снег что мокрая вата. На перевал сразу не выходи. Высунь голову из-за дерева и осмотриись внимательно. Никакой зверь враз на глаза не попадает. Тут выдержка нужна, — поучал Алешу старый следопыт.

С большой предосторожностью отодвигая от себя ветки колючего кустарника, чтобы они не шаркали о ноги, взбирались учетчики по крутому склону, время от времени останавливаясь, переводя дыхание и прислушиваясь.

Вот и последняя гряда водораздельного хребта. Низко согнувшись, стараясь не наступить на сухую ветку, Калугин подошел почти к самой кромке гребня, стал за ствол березы и начал медленно поднимать голову, стремясь сразу охватить глазом панораму открывающегося за перевалом леса. Емельянов последовал его примеру.

В ярких весенних лучах полуденного солнца лес словно дремал. Стройные, ослепительно белые стволы берез и осин высоко вздымались в мартовскую синь безоблачного неба. В этот торжественный час первого дыхания весны все замерло. Лишь слабый шорох снующих по березовой коре поползней нарушал настороженную тишину. Плавню спускавшийся к ключу косогор, вдоль которого вились два тигриных следа, был пуст.

Долго стоял Калугин, прислонившись к дереву и ничем не выдавая своего присутствия. Его глаза зорко всматривались в лесные просторы, неторопливо оглядывали противоположный косогор, поднимавшийся за ключом, поросшим редким березняком. Все кругом было безжизненно. Он хотел было уже сказать что-то Алеше, как вдруг увидел тигров.

Звери стояли между молодыми березками, повернув головы в сторону людей. Видимо, они почуяли опасность, а может, уловили шорох и поджидали отставших тигрят.

Пристально рассматривал тигрицу Калугин и не верил своим глазам. «Неужто она?» — пронеслось в голове. Да, это была Ригма. Белоснежная, с широкими золотистыми полосами, она грациозно прыгнула в кусты и легким царственным шагом удалилась в глубь леса вместе с тигренком.

Словно зачарованный смотрел им вслед Калугин, и прозрачная слеза умиления застилала глаза старого тигролова.

...Прошло много зим. Говорят, и поныне живет в заповеднике великолепная тигрица-альбинос по имени Ригма.

ПОВЕСТЬ О ГИМАЛАЙСКОМ МЕДВЕДЕ

БЕЛОГРУДЫЙ

Родился Белогрудый в начале зимы, в ту темную суровую пору, когда у четвероногих, кроме медведей, дети не появляются.

Звонко лопались деревья от крепкого мороза. Тяжелая снежная кухтя сгибала ветви елей и пихт. Солнце, едва поднимаясь над вершиной сопки, не проникало в глубокие северные распадки, в течение всего дня стоял здесь полумрак.

Мать Белогрудого, гималайская медведица, еще летом подыскала берлогу. На северном склоне каменистой сопки росла старая липа, накренившийся ствол которой покрывали зеленые мхи, а раскидистая крона господствовала над вершинами елей. Под тяжестью рано выпавшего мокрого снега у липы обломился нижний толстый сук, и теперь на его месте зияло черное отверстие. Его-то и заметила проходившая невдалеке медведица. Забравшись на дерево, она словно по трубе спустилась на дно глубокого дупла. Убедившись в его достаточной сухости и просторности, оскребла гниловатые изнутри стенки, устроив мягкую постель. Берлога очень понравилась медведице — это было теплое, надежное, скрытое от врагов убежище, проникнуть в которое можно было только через лаз, а он находился на десятиметровой высоте.

Покинув берлогу, медведица не забывала о ней, и когда октябрьские холодные ветры сорвали последние листья с деревьев и повеяло зимой, она снова появилась у знакомой липы и забралась в дупло. Кто бы мог подумать, проходя мимо толстой липы, что у самых корней ее, свернувшись клубком, лежит медведица? Только царапины от медвежьих когтей на серо-зеленой коре дерева выдавали присутствие зверя, но, к счастью, охотники здесь не бывали. Появившимся на свет крохотным медвежатам опасность не угрожала.

С нежностью заботливой матери прижимала медведица своих детенышей к груди, и они сосали густое молоко с довольным урчанием, напоминающим звук далеко летящего самолета. Не имея возможности питаться и даже пить, медведица должна была в течение нескольких месяцев кормить малышей своим молоком. И хотя слой подкожного жира достигал у нее двенадцати сантиметров, медведица погибла бы от истощения, не будь медвежата очень крохотными созданиями. Вес каждого из них был в триста раз меньше веса матери!

Белогрудый и его братец походили на маленьких щенят, осыпанных редкой дымчатой шерсткой. Оба они были слепы и совершенно беспомощны. Лишь через месяц у них открылись глаза, а шкурка стала зарастать черными волосками, и только на груди да на конце нижней челюсти волоски были белые.

В берлоге медвежата развивались медленно, были вялыми, малоподвижными. Большую часть времени они находились в дремотном состоянии, а если и просыпались, то только для того, чтобы накушаться молока, и снова засыпали между теплых широких лап матери.

Однообразно тянулись короткие дни зимы. Казалось, что лес со всеми обитателями погрузился в зимнюю спячку. Лишь шустрые синицы да дятлы нарушали торжественную тишину заснеженного леса. Никто не тревожил медвежью семью. Несколько раз в дупло заглядывали огненно-яркие непальские куницы да совы, но, убедившись, что лесная квартира занята, удалялись прочь.

Наступила весна. Теплые апрельские ветры высушили оттаявшие до земли солнёчные склоны сопки. Проснулась медвежья семья. Первой вылезла на поверхность липы медведица. Медвежата долго не хотели следовать за матерью, они жалобно скулили, кружились по пустой берлоге. Подбадриваемые призывным голосом медведицы, они с трудом карабкались к едва светлевшему где-то в вышине выходу. Неокрепшие лапки Белогрудого дрожали, и он сорвался бы с отвесной стенки дупла, не будь у него острых цепких когтей. Медленно, с передышками выбрался Белогрудый на край дупла. Новый, неизведанный мир открылся перед ним, пугал и манил. На земле стояла мать и звала к себе. Боязливо поскуливая, Белогрудый начал медленно спускаться по дереву, братец следовал за ним.

Как было просторно на земле! Кое-где в зарослях густого пихтача лежал крупнозернистый снег. Белогрудый ткнулся в него носом, попробовал языком. Часто останавливаясь, прислушиваясь, осматриваясь и принюхиваясь, медведица побрела к склону сопки. Медвежата, неуверенно ступая неокрепшими лапками, едва поспевали за ней.

НЕ РАД ВЕСНЕ МЕДВЕДЬ

Выйдя на солнёчный склон сопки, медвежья семья остановилась на поляне у скалистого обрыва. Здесь было тепло и затихло. Шуршащие под лапами прошлогодние листья дуба и липы источали терпкий запах. Медвежата, пригретые солнцем, улеглись на мягкой узколистной осоке, а медведица занялась поиском пищи. Она наелась зеленой травы, сохранившейся под снегом с минувшего лета, вывернула два гнилых пня, но, не найдя муравьев, начала грызть и царапать березу. Затем она принялась слизывать выступивший сок, однако скудная растительная пища не насытила ее. Тщательно обнюхивая землю, медведица разыскала норку бурундука и принялась ее раскапывать. Мешавшую молодую елочку она вырвала с корнем, а крупный камень сдвинула в сторону. Плохо оттаявшая земля поддавалась с трудом, мешали корни деревьев, но там, где не помогали когти, шли в дело клыки. Долго и упорно работала медведица. Рядом вырос большой бугор желтого суглинка, прежде чем она достигла кладовой бурундука. Давно проснувшийся от зимней спячки хозяин норы не бедствовал — накопленный еще с лета и осени запас мало поубавился за зиму. Чего здесь только не было! Блестящие, словно коричневые кремушки, желуди; маслянистые кедровые орешки, которых бурундук натаскал в защечных мешках из кедрача; крупные морщинистые с крепкой, словно костяной, кожурой маньчжурские орехи; круглые семена липы. Добравшись до кладовой лесных деликатесов, медведица чуть было не схватила затаившегося в норе хозяина. Прошмыгнув

между медвежьих лап, бурундук взобрался на сухой сук клена у своей норы, нахохлился и заплакал. Так и просидел он весь остаток дня на суку, не спуская глаз с медведицы, поедавшей его богатства. Утолив голод, медведица накормила медвежат молоком и забилась с ними в густую поросль молодых пихт. Здесь было не так тепло, как в берлоге, медвежата мерзли, скулили, медведица прижимала их к своей груди, накрывая широкими теплыми лапами.

В последующие дни удача оставила косолапое семейство: бурундучьи норы попадались редко; одни из них уже были разорены, в других запасы были столь малы, что совершенно не утоляли голод медведицы. С утра до вечера лазала она на кедры в надежде найти хотя бы несколько неопавших шишек, переворачивала колодник, пытаясь поймать полевку или слизнуть насекомых, выворачивала гнилые пни в поисках личинок и муравьев. Зеленые стебли перезимовавшей под снегом осоки, набухающие почки липы и черемухи, сладковатый сок березы да изредка находимые в подстилке желуди и орехи, припрятанные птицами и белками, едва утоляли ее голод. Мать Белогрудого с каждым днем худела все больше и больше, а медвежата тем временем прибавляли в весе, черная шерстка на них густела, становилась блестящей.

Теперь Белогрудый не ощущал слабости в лапах, он проворно взбирался на полуповаленные деревья и вступал в борьбу с братишкой.

Стояла сухая, ясная погода. Солнце по-летнему припекало на южных склонах сопок. Деревья покрылись зеленой дымкой, а оттаявшая земля выметала светло-зеленые побеги трав. Проснулись бабочки, прилетели вертишейки и горихвостки. Однажды Белогрудый нашел большой муравейник. Юркие муравьи были заняты ремонтом обвалившихся зимой ходов. Белогрудый высунул было язык, чтобы слизнуть аппетитно пахнущих насекомых, но получил целый залп едкой кислоты в нос. Фыркая, он поскреб лапой муравьиную кучу, но, как ни старался, его когти захватывали только горький мусор. Вздораженные муравьи ринулись на своего обидчика, облепили его лапы, живот, морду. Белогрудый сперва растерялся, но, облизывая лапы, он захватил несколько муравьев и тут же тщательно их разжевал и проглотил. Хрустящие кисловатые насекомые пришлись ему по вкусу. Медвежонок смекнул, что к чему. Теперь он умышленно клал передние лапы на муравейник и, когда они густо покрывались отважными насекомыми, слизывал их языком и проглатывал.

Так первой живой добычей Белогрудого стали муравьи. Хотя медведица всячески избегала встреч со зверями, опасными для ее слабого потомства, Белогрудый, неоднократно наказываемый матерью за непослушание, чуть было не попал в лапы своего угрюмого отца, жившего неподалеку отшельником. Почуввав недоброе, Белогрудый

проворно полез на кедр. К своему ужасу, он заметил, что незнакомый медведь тоже лезет за ним. Подняв плач, Белогрудый запрятался в густой кроне кедра. Прибежавшая мать с грозным рычанием поднялась по толстому стволу дерева и укусила медведя за заднюю лапу. Взревев от боли, медведь поспешно ринулся вниз с кедра, чуть не столкнув медведицу, и как только коснулся земли, бросился наутек. Справиться с рассерженной медведицей, защищающей детей, не под силу даже большому медведю. Материнский инстинкт удваивает смелость.

После этого случая Белогрудый при малейшей опасности проворно забирался на первое попавшееся дерево и терпеливо отсиживался, пока мать не отводила врагов подальше. Иногда ему приходилось дожидаться здесь наступления темноты. Бесшумно появлявшаяся медведица подавала голос, и Белогрудый с нетерпеливой поспешностью покидал свое неудобное убежище, с благодарностью, ласково прижимаясь к матери.

К ЗИМЕ ГОТОВЬСЯ ЛЕТОМ

Наступило лето — лучшая пора в жизни медведей. С неизменным аппетитом поедали они нежные побеги трав, кустарников и деревьев, сочные корни дудника и сладковатые луковицы лилий, а также охотно лакомились жирными личинками жуков, добывая их из-под гнилого колодника. Особенно любил Белогрудый белые, размером с небольшой огурец личинки гигантского дровосека, жившие в истлевших стволах тополей и ильмов. Первой в лесу поспела жимолость. Темно-синие продолговатые ягоды имели приятный кисло-сладкий вкус, но вскоре набивали оскому. С наступлением июля мать Белогрудого увела своих детей на заболоченную равнину большой реки.

Деревья здесь стояли редко, и большинство из них усохло после низового пожара, случившегося много лет тому назад. Но зато рос пышно и густо кустарник. Белогрудый скрывался в нем с головой, и не будь у него тонкого обоняния, медвежонок тут же потерял бы свою мать и братишку.

Влекла медведей к себе в этих местах голубика. Такое изобилие ягод Белогрудый видел впервые. Невысокие, с коричневыми стеблями кустики были столь густо усыпаны светло-голубыми плодами, что за ними исчезали листья.

Облюбовав обширную поляну, поросшую голубичником, медвежья семья навещала ее по утрам и вечерам, покидая на время жаркого полдня для отдыха в тенистой лиственничной рощице. Наевшись до отвала, Белогрудый ложился на спину, разметаив в стороны лапы, и

стонал словно от боли, но так продолжалось недолго. Вскоре ему становилось легче, приходило игривое настроение, и он начинал бороться с братом, переворачивал его на бок, стаскивал за «штаны», когда тот пытался влезть на дерево. Порой медвежата валились в густую траву, поднимая такую шумную возню, что вмешивалась медведица, не допуская драк.

Мирно и безмятежно протекали длинные летние дни. Медвежата росли быстро. Густая черная шерсть на них лоснилась, а под кожей накапливался жир.

Однажды, выйдя на поляну после полуденного отдыха, медведица уловила запах далеко идущих людей. Заволновавшись, она оставила медвежат и забежала против ветра: следовало определить, куда двигались люди, а затем выбрать правильный путь к бегству. Тем временем Белогрудый смело направился к середине поляны, где росли кусты с особо крупной и сладкой ягодой. Вот и знакомое болотце с высокими зелеными кочками режущей осоки, но что за существо объедает ягоду с давно облюбованного им куста? Непривычно яркий цвет одежды человека, его голос остановили Белогрудого. Поднявшись на задние лапки, он с любопытством разглядывал девочку.

— Мама, мама! Иди скорее сюда, посмотри, какой малюсенький, хорошенький медвежонок! — воскликнула дочь лесника, увидев Белогрудого.

Подбегавшая мать в испуге привлекла к себе дочь и стала с тревогой озираясь по сторонам: она хорошо знала, что маленькие медвежата не ходят одни. Подозвав мужа, женщина упрекнула его за то, что он привел их сюда, в «медвежье» царство, что ягод можно было с успехом набрать неподалеку от кордона. Осмотрев следы, лесник улыбнулся:

— И впрямь медведица с медвежатами. Да мы их напугали, видать, здорово.

— Папа, поймай медвежонка! — настаивала двенадцатилетняя Наташа. — Ведь он не ушел далеко. Вот здесь я его видела, у этой березки. Как начала к нему подходить, он в кусты и спрятался.

Тем временем медведица вернулась к медвежатам и, негромко урча, стала отводить их подальше от людей. Но медвежата не разделяли тревоги матери. Напрасно медведица подталкивала их носом, сердито сопела и требовала, чтобы они скорее покинули поляну. Медвежата не собирались уходить в глубь леса. Они то затевали игру, то пытались взобраться на полуповаленную ветром березу, то, обойдя мать, пускались вскачь к месту встречи с людьми. Выведенная из терпения медведица так больно шлепнула Белогрудого, что он заскулил и, поджав свой коротенький хвостик, послушно затрусил впереди матери. За ним следовал братишка, которого то и дело подталкивала

носом медведица, и он словно мохнатый черный шар катился между высокими кочками.

Только после того как смолкли человеческие голоса и в чистом лесном воздухе исчезли даже едва уловимые запахи человека, медведица успокоилась, но навсегда увела медвежат с голубичной поляны.

В конце лета медвежья семья забрела на старую еловую гарь. Мертвый лес густо порос кустами малины, до которой медведи весьма охочи, но сладкие душистые ягоды росли не так густо, как у голубики, и насытиться ими медведи не могли. К этому времени начали поспевать орехи лещины. Белогрудому они очень понравились. Пригибая вершины кустарника к земле, он срывал орехи, вылуцивал их из кисловатых зеленых чашечек и с наслаждением разжевывал вместе с мягкой скорлупой.

Незаметно вошла в лес осень. На зеленых увалах, поросших березняком и осинником, желтели деревья, а по утрам трава на полянах серебрилась от первого инея, исчезавшего с восходом солнца.

Медвежья семья перебралась в дубняки.

ОСЕНЬ — ПОРА ОХОТНИЧЬЯ

В дубняках было светло и сухо. Коричневые блестящие желуди осыпались. Скатываясь по крутым склонам сопок, они заполняли собой малейшие впадины. Белогрудый не сразу привык к их вяжущему вкусу, но медведица с жадностью поедала большое количество желудей, а после отлеживалась в соседнем ельнике. Ни один корм не способствовал столь быстрому ожирению медведей, как желуди и орехи, но желудями интересовались не только косолапы: их охотно поедали кабаны, изюбры и косули. Благо урожай был обильный, всем зверям вдоволь хватало питательного корма. Белки, бурундуки, полевки также пристрастны к желудям, но они не столько съедали, сколько растаскивали и прятали в свои норки и кладовые, — в этом им помогали сойки.

Дубняки манили к себе медведей обилием пищи, но жизнь в них была тревожной и полной опасности. Сюда часто наведывались охотники за кабанами, и медвежью семью беспокоили то мечущиеся в страхе секачи, то собаки.

Однажды Белогрудый был напуган промчавшимся недалеко табуном диких свиней. За ним неслась свора собак. Одна из собак, отделившись от стаи, пробегала очень близко. Почувяв медвежат, она кинулась в кусты, где затаился Белогрудый, и с лаем набросилась на оробевшего медвежонка. При этом она так больно укусила его за спину, что Белогрудый, громко взвизгнув, заверещал, словно заяц, попавший в волчьи зубы. Видя, что медвежонок мал и слаб, собака сме-

леё наскочила на него, норовя схватить за загривок. Отчаянно визжа, Белогрудый что было духу помчался в заросли к матери, но от собаки нигде не было спасения. В эту минуту отчаяния и испуга Белогрудый слышал грозное уханье бегущей на помощь матери. Подоспевшая медведица одним ударом лапы отбросила злобного пса, а когда тот запутался в зарослях лиан, попыталась поймать его. Воспользовавшись бегством врага, Белогрудый проворно залез на высокий кедр и, удобно усевшись в развилке могучих ветвей, стал внимательно наблюдать за происходящим на земле.

Тем временем на лай и визг лайки подросла целая свора. Окружив медведицу хрипящим от ненависти кольцом, псы то и дело норовили вцепиться в нее зубами. Убедившись, что детеныши вне опасности, медведица ринулась на врагов, прорвала окружение и стала уходить в сторону, уводя за собой псов.

Охотники еще издали увидели черный силуэт зверя, мечущегося между собаками, и уже предвкушали скорую добычу. Но старая медведица, быстро перемещаясь по склону, все дальше и дальше уводила за собой свору. Охотники отставали. В густых зарослях кустарника медведица почувствовала себя уверенней, упругие ветви кустов и стебли высоких трав не могли сдержать напора могучего тела зверя, но легких собак они отбрасывали назад, выпрямляясь подобно пружинам. Вскоре к разочарованным охотникам вернулись с высунутыми языками их четвероногие помощники.

Оторвавшись от собак, медведица долго уходила в противоположную сторону от того места, где остались детеныши. Но о них она не забыла. Когда все утихло в лесу и наступили сумерки, она, сделав широкий круг и убедившись, что охотники с собаками ушли в зимовье, вернулась к своему семейству. Еще издали слышала она нетерпеливое поскуливание медвежат, потерявших надежду на возвращение матери. Медведица двигалась бесшумно, но звереныши уловили слабый шелест ее шагов. Спустившись на землю, малыши скоро успокоились, и вся медвежья семья ушла к дальним каменистым сопкам. Там не было такого обилия желудей, но зато никто не мог потревожить покой зверя.

В лесу стояла та короткая, но благодатная пора, когда всего здесь вдоволь: и тепла, и пищи. Дни установились яркие, солнечные, но летнего зноя уже не было. Ночная прохлада освежала лес и его обитателей. Однообразный зеленый наряд сопки вначале оживился охристыми пятнами отдельных деревьев бархата и березы, затем эти пятна расширились, разлились по увалам, поросшим осинником и ясенем, вспыхнули огненно-багряными купами клена и рябины. Прошла неделя, и склоны всех сопки, насколько хватало глаза, покрылись такой цветистой гаммой, таким пестрым радужным ковром, что многие птицы запели свои песни, словно вернулась весна. Исчезли слепни и клещи, меньше докучали комары, и только назойливая

мошка по-прежнему набивалась Белогрудому в уши, щекотала ноздри. В лесу стало сухо и светло. Вкусные орехи и желуди лежали на каждом шагу. Насытившись желудями, Белогрудый залезал на усохшие ели, обвитые виноградом, и лакоился темно-синими сладко-кислыми ягодами.

Прошло два месяца, а медведица и медвежата так зажирили, что едва передвигались. С таким запасом можно было зимовать спокойно. В конце октября медведица начала разыскивать новую берлогу. В старую она не хотела возвращаться, как бы понимая, что с выросшими медвежатами там будет тесно. Она искала липу с обширным отверстием между корней и вскоре нашла ее. Обнаружив дупло, она зубами расширила вход, забралась внутрь, спустилась к корням и, устроив мягкое логово, вылезла наружу. Подернутое облаками небо предвещало снегопад. На медведей нашло сонливое состояние. Отойдя с полкилометра от берлоги, они соорудили из зеленого лапника гнездо под старым кедром и улеглись на пахучих ветках. Неизвестно, сколько бы пролежали медведи в гнезде, если бы на второй день не полетели «белые мухи». Черная шкура медведицы засеребрилась. Стряхнув с себя пушистый снег, она уверенно направилась к берлоге. Подойдя к липе, медведица быстро исчезла в черной дыре дупла, малыши последовали за ней. К вечеру усилившийся снег сровнял вмятины когтистых следов. Казалось, ничто теперь не угрожало спокойствию медвежьей семьи...

СТРАШНЕЕ ЗВЕРЯ

Так бы и пролежали медведи долгую зиму в своей неприметной берлоге, если бы в лес не пожаловали охотники из города. В том же самом ключе, где находилась берлога, они поставили низенький сруб из сухих тонких елок, натянув поверх него палатку. В середине на большом камне установили жестяную печь, а вокруг печи нары. На поиски зверя они уходили в дальние ключи, полагая, как и все охотники, что чем дальше в лес, тем больше медведей.

Однажды один неопытный, плохо ориентировавшийся в лесу горожанин решил внимательно осмотреть уголья неподалеку от табора. Вскоре он подошел к знакомой нам липе и начал внимательно рассматривать ее замшелую кору. Зная по рассказам, что медведи ложатся на зиму в дуплах старых лип, он заинтересовался царапинами, видневшимися на стволе.

Развязав рюкзак, охотник достал топор и постучал обухом по стволу. Глухой звук пустотелого дерева разнесся по лесу, и тишина стала еще настороженней. Выбрав удобное место, охотник начал пробовать отверстие в липе. Уже с первых ударов железа по стволу медведица встала на лапы и затопталась на месте. Ее волнение переда-

лось медвежатам, и они робко прижались к матери, дрожа всем телом. Под ударами топора содрогались толстые стены берлоги, в ушах Белогрудого гудело, древесная пыль наполняла его чуткие ноздри. Он стал потихоньку кашлять.

Вытирая вспотевший лоб, охотник рубил липу. Светлый живой слой древесины сменился грязновато-желтым прелым. Еще несколько взмахов топора — и появилось небольшое отверстие. Прислонившись к нему носом, медведица с шумом втянула в себя свежий морозный воздух, насыщенный резким запахом человеческого пота. Охотник вздрогнул. Бросив топор, он схватил ружье, но медведица исчезла в темной щели. «Надо скорее расширить отверстие, и тогда будет видно, куда стрелять», — подумал охотник и с лихорадочной поспешностью принялся за дело, не обращая внимания на рычание зверя. Дыра в дереве расширялась. Теперь хорошо было видно, как ворочается в ней медведь. О том, что в берлоге находится медведица с двумя медвежатами, охотник не подозревал.

Сменив топор на ружье, он стал целиться в прорубленное отверстие. Ему показалось, что во тьме светятся маленькие злые медвежьи глаза, и он потянул за спусковой крючок. После грохота выстрела послышался яростный рев. Внутри липы заскрежетали медвежьи когти.

«Полез! Видать, промахнулся!» — пронеслось в голове охотника. В страхе бросился он прочь от берлоги. «Отбежать бы шагов на двадцать, а там из-за укрытия можно застрелить медведя», — думал на бегу охотник. Глубокий рыхлый снег скрывал валежник. Зацепившись за сук, человек упал в снег и уронил ружье. Быстро поднявшись, он обернулся и увидел, что медведица вылезает из дупла. Полагая, что медведь не скоро слезет на землю, охотник спешил укрыться за елкой и затем поразить зверя. Но когда он обернулся, медведица исчезла. Опытный зверь, скрывшись за деревом, быстро спускался на землю с невидимой для человека стороны.

Снова пришлось отбегать в сторону, чтобы увидеть зверя, но медведица смело прыгнула на землю с четырехметровой высоты и, подняв клубы снежной пыли, замелькала черным шаром между деревьями. Два беспорядочных выстрела не остановили ее стремительный бег. Невредимой скрылась она в непроходимой чаще.

В растерянности стоял горожанин, все еще не веря, что его охотничье счастье ушло из рук. «Словно запечатанный в бочке, сидел в берлоге медведь, и вот, поди же, не смог взять», — сокрушался он, направившись было к палатке, но любопытство остановило его. Зарядив ружье, человек медленно подошел к берлоге и осторожно заглянул в прорубленное отверстие. На дне обширного липового дупла лежал убитый медвежонок. Чуть не вскрикнув от радостного изумления, охотник пошевелил медвежонка стволом ружья, затем, вырубив рогульку, вытащил свою добычу, которая едва ли достигала двадцати

килограммов. Поместив трофей в просторный рюкзак, повеселевший горожанин торопливо зашагал к пристанищу: ему не терпелось поскорее рассказать о своих приключениях товарищам.

Когда медведица после выстрела, сразившего насмерть брата Белогрудого, быстро полезла к выходу из берлоги, Белогрудый последовал за ней. Его маленькое тело содрогалось от неимоверного ужаса. Огненная вспышка выстрела, оглушительный грохот, запах едкой пороховой гари и крови, наконец, испуганный рев матери ошеломили его. Мелкая дрожь сотрясала тело медвежонка, лапы его цепенели. Боясь сорваться и упасть на дно берлоги, Белогрудый из последних сил впился своими острыми когтями в гниловатый сук липы и затаился в дупле.

Торопясь, охотник не удосужился поглядеть вверх. Случись такое, он бы обнаружил и легко убил Белогрудого.

Потеряв мать и брата, Белогрудый не покидал своего убежища, хотя холодный сквозняк назойливо обдувал его продрогшее тело. Ему было страшно и тоскливо, но даже скулить потихоньку он боялся. Наступили ночные сумерки, невдалеке заухал филин. Осторожно озираясь по сторонам, медвежонок вылез из берлоги, спустился на землю и, разыскав след матери, устремился за ней вдогонку. Но прошло не менее четырех часов, прежде чем ему удалось догнать свою мать. Найдя старое кабанье гайно, они отдохнули, а с зарей направились в глубь темных кедрачей. Белогрудый едва поспевал за матерью. Вскоре сумрачные кедровники сменились светлыми рощами ясеней. Медведи вышли в долину широкого каменистого ключа. На их пути встал старый дряхлый тополь. Его толстый морщинистый ствол едва обняли бы четыре человека. Между огромными сучьями зияла черная дыра. Медведица, увидев еще издали это отверстие, с ходу забралась на тополь и спустилась в дупло. Белогрудый последовал за ней. Новая берлога была просторнее первой, но более сырой и неудобной. Все же медведи спокойно проспали здесь до самой весны.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Весна пришла в лес шумная. Ветер раскачивал голые деревья, и, когда соприкасались сухие ветви или стволы умерших елей, они протяжно стонали и скрипели. Но звери привыкли к звукам леса и не пугались. Белогрудый проснулся раньше матери, ему не терпелось размять свои молодые лапы, и однажды теплым мартовским днем он вылез из дупла и спустился на землю. Снег в ключе почти растаял. Пахло прелой листвой. Побродив вокруг тополя до вечера и наевшись зеленой травы, перезимовавшей под снегом, Белогрудый вскарабкался на тополь и спустился в теплую берлогу. Тщательно облистав мокрые лапы, он свернулся клубком и подвалился к спине матери.

Прошло еще два дня, и Белогрудый вместе с матерью покинул берлогу. Сперва они довольствовались прошлогодней травой, сохранившимися под снегом желудями и орехами, затем направились к закрайкам сплошных лесов, где было много муравьев, личинок, насекомых и съедобных корней.

Теперь Белогрудый не следовал по пятам матери и не боялся оставаться подолгу один, и все же, потеряв из вида мать, он не успокаивался до тех пор, пока ее не находил.

В начале лета к ним как-то подошел незнакомый медведь. Белогрудый ожидал, что мать прогонит его, но медведица не проявила к пришельцу ни малейшей злобы. Белогрудый издали наблюдал за чужаком. Когда же он решился завязать знакомство, тот так нелюбезно покосился на пестуна, что Белогрудому оставалось только побыстрее удалиться.

Некоторое время они ходили втроем, но однажды незнакомец со злобой набросился на Белогрудого, и только проворство молодого медведя спасло его от удара клыков. Медведица все больше охладевала к своему взрослому сыну. Белогрудый все чаще и чаще уходил в сторону и вел самостоятельный образ жизни.

В жаркие, душные дни, когда его донимал гнус, он залезал на крутые вершины каменистых сопок и подолгу нежился на небольших полянках в тени дубов и кедров. Иногда спускался к речке и, найдя тихую заводь, лежал в воде, наслаждаясь прохладой.

Но даже в самую жаркую пору аппетит никогда не изменял ему. Особое предпочтение отдавалось молодым побегам борщевика, белокопытника и дудника. Охотно поедал он и луковицы и корневища сараны, ариземы, ириса, и даже осока и хвощ входили в его вегетарианское меню.

Набродившись вдоволь по лесу и утолив голод, он искал укромное место для отдыха. На земле молодой медведь не решался отдыхать, его могли обидеть любые звери: волки, тигры, бурые медведи. Чаще всего он забирался на толстые старые кедры и свивал из веток удобное гнездо. Густая крона кедра защищала его от проливных дождей, а прямой, лишенный внизу сучьев ствол дерева был недоступен для врагов.

Однажды, когда Белогрудый лежал в своем гнезде, к кедру подошел тигр. Почувяв запах молодого медведя, амба поднял голову и стал принюхиваться. Сквозь густые переплетенные ветки кедра он вскоре рассмотрел соблазнительную добычу. Но как овладеть ею? Белогрудый тоже заметил страшного врага. Притаившись в гнезде, он решил отсидеться, а когда тигр уйдет, спуститься на землю и навсегда покинуть чужие владения. Но тигр был голоден и не собирался отступать. Отойдя от кедра, он лег за прикрытием и стал караулить. Только к вечеру, просидев в засаде чуть ли не весь день, тигр потерял терпение.

Подойдя к кедру, могучий зверь поднялся на задние лапы, за-

пустил в красноватую кору светлые, словно выточенные из нефрита, когти и с трудом полез вверх. В ужасе заметался в гнезде Белогрудый. Ему нужно было спастись бегством, но куда бежать? Забравшись на самую вершину кедра, Белогрудый схватил в охапку тонкие ветви и, раскачиваясь на них, затих, не спуская глаз с преследователя. Как бы не веря, что добыча ускользнула, тигр добрался до гнезда, обшарил его лапой и сконфуженный сполз обратно. Полежав на земле несколько часов, он удалился прочь.

Белогрудый долго еще сидел на кедре, всматриваясь в каждый предмет, лежащий на земле, и принюхиваясь к свежему лесному воздуху, прежде чем решился спрыгнуть на землю.

Как-то, бродя в долине горной реки, Белогрудый на старом ильме увидел гнездо. Ему и раньше нередко попадались гнезда на деревьях, и он с удовольствием поедая яйца птиц. Найденное теперь большое гнездо было устроено на сломанной вершине. Хозяева гнезда — черные аисты отсутствовали, и Белогрудый полез на дерево. С легкостью и проворством обезьяны забрался он на высокий ильм и с нетерпением заглянул в гнездо. Но вместо яиц он увидел там какое-то странное существо с растопыренными полуоперившимися крыльями и длинным раскрытым клювом. Птенец издавал щелкающие звуки и норовил клюнуть Белогрудого в глаз. Когда прошел невольный испуг, медведь осторожно потрогал лапой птенца и, убедившись, что тот не опасен, открыл пасть, чтобы схватить его. Но в этот миг что-то прошумело над головой Белогрудого и большая птица с криком ринулась на грабителя, больно ткнув его в спину острым клювом. На тревожный крик самки прилетел самец, и супружеская чета аистов решила проучить непрошеного гостя. Удары сильных клювов и крыльев были столь болезненны и часты, что Белогрудый взревел и беспорядочно замахал передними лапами. Боясь, что аисты сбросят его с дерева, он начал сползать вниз, судорожно цепляясь за ветки и уклоняясь от беспощадных ударов. До самой земли провожали его рассерженные птицы, вырывая из медвежьей шкуры клочки черной шерсти. Опрометью бросился Белогрудый в густые заросли прибрежного кустарника...

Незаметно летело время. Приближалась зима. Нужно было подумать о берлоге. Надеясь на помощь матери, Белогрудый упорно разыскивал ее по склонам сопок. Медведицу он нашел на вершине крутой горы; она была занята тем, что прогрызала отверстие в сухой пустотелой липе. Обрадовавшись встрече, Белогрудый разлегся под липой в ожидании завершения работы. Когда отверстие стало достаточно просторным, медведица опустила в дыру задние лапы и скрылась в дупле. Видя, что мать больше не появляется наружу, Белогрудый спокойно последовал за ней. Но на этот раз медведица встретила его угрожающим рычанием. Не сразу понял Белогрудый, что от него требуют покинуть берлогу. Он принял было вид провинившегося:

застенчиво отворачивал морду, плакал, но ничто не помогло. Видя, что сын упорствует, медведица больно укусила его за загривок и грозно рывкнула. Пришлось уходить прочь и самому искать пристанище.

С едва слышным шипением шел мелкий крупчатый снежок, и маленькие лапы Белогрудого оставляли на нем неясные отпечатки. Молодой медведь то плелся кабаньими тропами, то вспрыгивал на поваленное дерево и брел по нему, и тогда след его терялся. Вот и знакомый старый кедр. Когда-то, лазая за шишками, Белогрудый укрывался в его дуплистой вершине. Старый великан был еще живым, плодоносящим деревом, но один из больших суков его вершины усох, выгнил. В этом дупле и нашел усталый медвежонок себе убежище на зиму.

На тридцатиметровой высоте, недостижимой для врагов, затаился на долгие пять месяцев зимней спячки Белогрудый. Забытый родной матерью, один среди враждебных сил природы, безмятежно спал он в своей первой в жизни берлоге, и снилось ему веселое лето...

БЫВАЮТ ЛИ ПЕСТУНЫ У МЕДВЕДЕЙ?

Выйдя из берлоги, Белогрудый, не привыкший к столь длительному одиночеству, затосковал по матери. Желая во что бы то ни стало разыскать ее, он направился к тому месту, где осталась с осени медведица.

Утолив голод скудной травой и несколькими прошлогодними крупными и твердыми как камень орехами, он кружил по косогору, пока не нашел злополучную липу. Тщательно обнюхав дерево, он убедился, что медведица покинула берлогу всего за день до его прихода. Кроме знакомого запаха материнских следов он уловил еще и тонкий запах двух маленьких медвежат.

Если бы Белогрудый, не отвлекаясь, пошел по этим следам, он, возможно, и догнал бы медведицу, но голод постоянно напоминал ему о пустом желудке, и Белогрудый то и дело останавливался у валежин и старых пней в поисках насекомых. Вскоре следы матери исчезли под следами большого бурого медведя. Белогрудый свернул с них, но долго еще шел в заветном направлении.

Много дней искал он мать и за это время не раз встречался с медведями. Однажды он увидел играющих на выворотне двух малышей, но когда подошел к ним поближе, на него с ревом набросилась незнакомая медведица. Едва убежал Белогрудый от рассерженной мамы.

Потеряв всякую надежду найти свою мать, он постепенно свыкся с одиночеством. Да иначе и не могло быть: взрослые медведи его обижали, а маленькие ревностно оберегались своими мамами, к ним не было доступа.

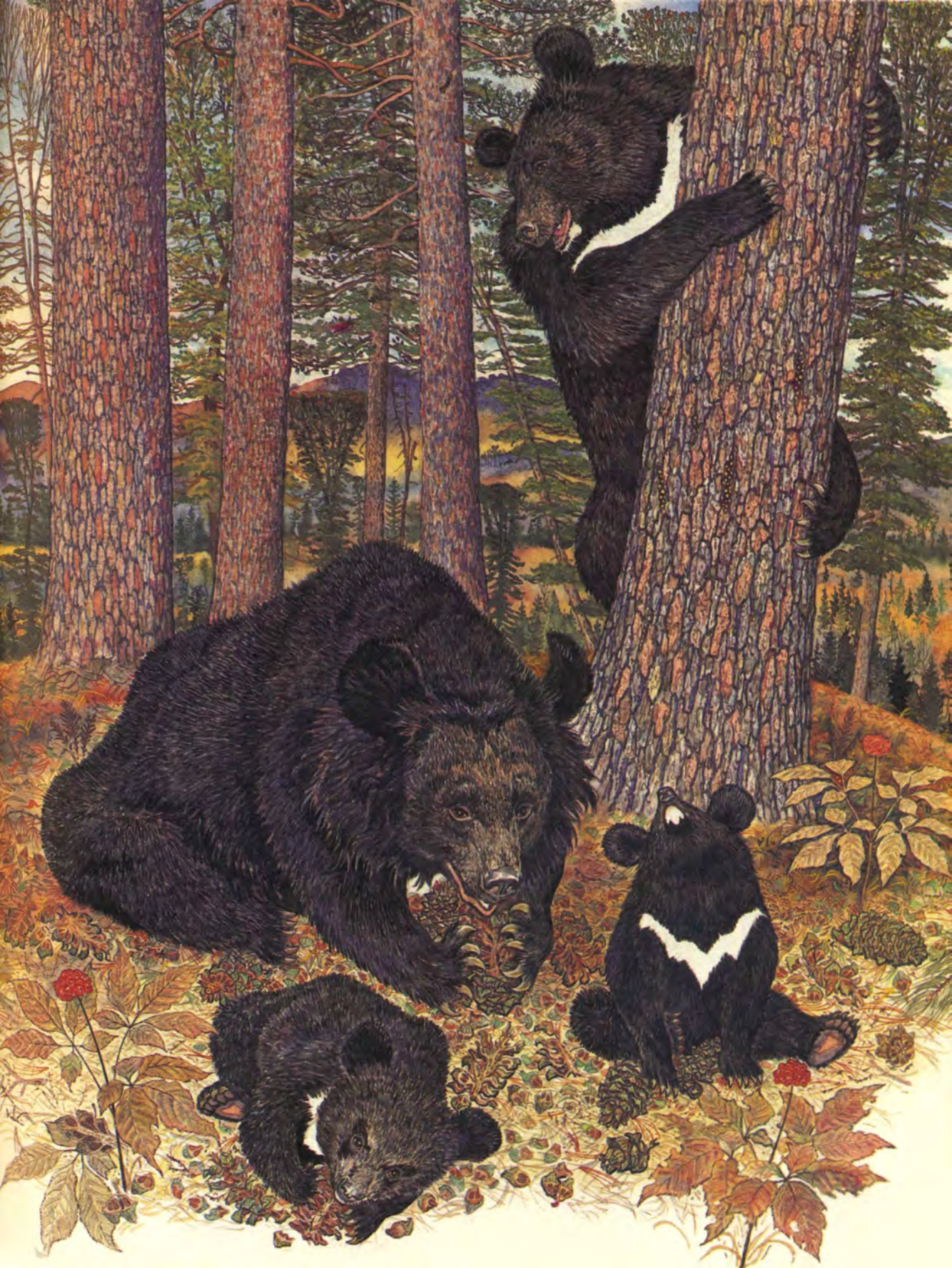
Прошло лето. Начали поспевать кедровые шишки. Белогрудый

помнил вкус сладковатых орешков, от них он жирел быстрее, чем от желудей. Его потянуло в кедрachi. Но шишки, дразня медвежий аппетит с высоты вершины, еще не падали на землю. И вот однажды, бродя по этим заповедным местам, Белогрудый неожиданно столкнулся с медведицей. По привычке он хотел было броситься наутек, но когда его ноздри уловили самый знакомый в мире запах, с какой радостью поспешил навстречу матери Белогрудый!

Мать холодно встретила бурное проявление чувств своего почти взрослого сына. И хотя поднявшаяся было дыбом ее шерсть улеглась и оскалившиеся клыки закрылись верхней губой, она не позволила Белогрудому облизать себя.

Подбежавшие медвежата, видя, что мать не прогоняет пришельца, робко приблизились к нему. Вскоре вся семья мирно бродила по кедрачу в поисках шишек. Белогрудый был полон сил, встреча с матерью приподняла его настроение. С проворством, присущим только молодому медведю, он быстро взобрался на самую макушку кедра, где крупными гроздьями висели золотистые шишки, и начал сбрасывать их на землю. Медведица быстро оценила находчивость своего старшего сына. Она подозвала медвежат, и они втроем принялись за еду. Собрав несколько шишек в кучу, медведица расплющивала каждую шишку зубами, затем когтями выбирала из нее орешки, тщательно их разжевывала и с наслаждением проглатывала. Медвежата следовали ее примеру, но у них это получалось медленнее. Когда Белогрудый спустился на землю, ему досталась всего пара шишек, но это несколько не огорчило его и он тут же полез на следующий кедр. Раздвоенная вершина дерева оканчивалась тонкими ветвями, на конце которых держались шишки, и добраться до них Белогрудый не мог. Тогда, укрепившись в развилке более толстых сучьев, он подгрыз одну из ветвей, особенно обильную плодами, и, уцепившись за нее когтями лапы, начал тянуть к себе. Ветвь с громким треском сломалась и полетела на землю, за ней последовала вторая, затем третья. И опять Белогрудому мало что досталось. Пришлось лезть на третий кедр. Это было могучее трехсотлетнее дерево в расцвете плодоношения. Его густая пышная вершина, напоминающая перевернутый венник, была усыпана сотнями шишек. Забравшись на вершину, Белогрудый распластался на ней и лапами начал колотить по ветвям. Шишки градом посыпались на бродивших внизу медвежат. Они так больно ударили малышей по спинам, что медвежата жалобно взвизгивали и удирали в кусты, чтобы затем с удвоенным аппетитом наброситься на желанное лакомство. Как ни быстро расправлялись медведи с шишками, кое-что на этот раз перепало и Белогрудому. Утолив голод, семейство разлеглось на мягкой сухой подстилке из хвои.

Медвежата стали неразлучными друзьями своего старшего брата. Они заигрывали с ним, спешили к нему, когда он находил вкусную

пищу, и Белогрудый добродушно делился добычей с ними. Только отношение к нему матери не становилось нежнее.

Так в течение всей осени бродили они совместно по тайге, добывали корм и отдыхали, удивляя своими следами охотников. Когда наступила пора ложиться в берлогу, мать прогнала Белогрудого и он ушел к своему старому кедру.

КАКОЙ МЕДВЕДЬ НЕ ЛЮБИТ МЕДА...

Прошло несколько лет. Белогрудый стал взрослым, сильным зверем. Его густая черная как вороново крыло шерсть лоснилась. Белое пятно на груди расширилось и стало похоже на силуэт летящей чайки. Длинная шерсть делала шею непомерно широкой. Крепкие, круто загнутые острые когти позволяли ему в поисках пищи взбираться на самые высокие деревья. Он не любил общества себе подобных, держался отшельником, и лишь в первые два месяца лета его можно было увидеть рядом с самкой. Больше всего Белогрудый боялся человека, тигров и крупных бурых медведей.

Если Белогрудому случалось отыскать гнездо диких пчел в дупле какого-нибудь толстого старого дерева, колоссальную работу проделывал косолапый, прежде чем добирался до лакомой пищи. Иной раз он часами сидел на дереве, обхватив ствол лапами и прогрызая древесину, чтобы извлечь из дупла кусочки сотов, истекающих душистым медом. Крылатые защитники беспощадно жалили его в нос, губы и уши, пробирались сквозь шерсть к животу и груди, где шкура была тоньше и нежнее. Однако гнезда диких пчел встречались редко, иногда ему приходилось довольствоваться гнездами ос. Правда, там не было меда. Но личинки были тоже вкусны.

Бродя по липнякам, Белогрудый как-то вышел к пасеке. Тонкое чутье зверя еще издали уловило сладковатый медовый дух, исходящий улейками. Потоптавшись на месте, Белогрудый не решился зайти с ходу на пасеку, но и уйти прочь не хватило воли. Дождавшись ночных сумерек, медведь пошел вокруг пасеки, прислушиваясь и принюхиваясь. На его счастье пасечник отлучился на пару дней в деревню, и на пасеке никого не было. Крадучись, словно за каждым кустом его подстерегал враг, Белогрудый зашел на пасеку, подошел к крайнему улью, обнюхал его и поцарапал леток когтями. Сперва он пустил в ход зубы, полагая, что соты, как и в дереве, спрятаны под толстым слоем древесины. Но ненароком он столкнулся с улья крышку и, запустив лапу внутрь, выбросил на траву сразу две рамки с сотовым медом. Сонные пчелы густо облепили рамку, но Белогрудый не обращал на них внимания. С жадностью, довольно урча и потирая лапой обкусанный нос, поедая он мед вместе с восковыми сотами и сидящими на них пчелами. Покончив с одним ульем, он перешел к другому,

затем к третьему, четвертому, пятому... Теперь он знал, как нужно сбрасывать крышку и доставать соты. Первый раз в своей жизни Белогрудый так наелся меда, что у него заболел живот.

Долго потом сокрушался пасечник, вернувшийся из деревни. В адрес медведей неслись такие яростные проклятия и пожелания, что, осуществись они даже наполовину, род медвежий перестал бы существовать на земле. Успокоившись и убрав пустые ульи, пчеловод решил оградить свое хозяйство от вторичного вторжения косолапых. С этой целью он соорудил подобие изгороди из веток и сучьев срубленных деревьев и кустов. Только в двух местах оставил удобные проходы, словно приглашая медведя воспользоваться одним из них. В каждом проходе он насторожил петли из тонкого стального троса, закрепив их концы на толстых деревьях. Петли были подвешены к кустам на уровне головы медведя. Идя по проходу, он неминуемо должен был попасть в петлю и затянуть ее на себе. Чтобы трос был незаметен, пасечник замаскировал его травой и ветками кустарников. Сам же пасечник устроился на краю обширной поляны, подступавшей к пасеке с юга: если медведь пойдет открытым местом, то попадет под разрывную пулю.

С наступлением ночи старик уселся на сидьбу. Взошедшая луна наполняла лес таким ярким светом, что появившись на тропемышь, и ту можно было разглядеть. Прислушиваясь к неясным шорохам, просидел караульщик до утра, так и не дождавшись медведя. Не пришел зверь и на вторую ночь. Не знал пасечник, что обьевавшийся Белогрудый стал на несколько дней равнодушным к меду.

Потеряв надежду подкараулить грабителя, старик занялся своими пчелами, перестал ходить на засидку, но петель не снимал: для людей и собак они неопасны, а скот в лесу не ходил.

Прошло более полумесяца, прежде чем Белогрудого снова потянуло отведавать меда. Он направился к знакомой пасеке. Ночь на этот раз выдалась пасмурная, глухая, ветер шумел в высоких вершинах кедров, растущих по гребням сопок, а в распадках было тихо. Подойдя к омшанику, медведь остановился у засеки. Раньше ее здесь не было. Лист на срубленных деревьях засох и предательски шелестел, а Белогрудому хотелось бесшумно пробраться к ульям. Зверь понимал, что грабить чужое добро безнаказанно нельзя, и трусливо озирался по сторонам. Но вот завиднелся просвет, к нему и направился Белогрудый. Вскоре он заметил трос и осторожно обнюхал его. Запах железа еще не был знаком медведю. Белогрудый мог свободно уклониться от петли, пройти стороной, но незнакомый предмет нужно было исследовать, потрогать, и он, словно зная о коварных свойствах настороженной ловушки, просунул в нее голову и слегка потерся о трос шеей. Почувствовав, как что-то холодное обвилось вокруг шеи, медведь рывкнул и с такой силой рванулся вперед, что перекувыркнулся через голову: туго затянувшаяся петля держала его мертвой хваткой.

На Белогрудого напал панический страх, в груди закипела злость. Сперва ему казалось, что во всем виноваты кусты и молодые деревца. Он дробил их зубами, вырывал с корнем. Вскоре вокруг дерева, к которому была прикреплена петля, образовалась хорошо расчищенная поляна, по ней с бешенством кружился Белогрудый, то наматывая, то разматывая гибкие кольца. Выбившись из сил и успокоившись, он попытался трос перекусить, и это ему удалось бы, но каждый раз он кусал стальной канат в разных местах. Затем он попытался стащить петлю с головы, ухватившись за нее когтями передних лап. Медведь изгрыз клыками добрую половину дуба, закрутил вокруг него трос и притих, задыхаясь в петле. Слюна текла из его раскрытой пасти, пачкая шкуру.

Пасечник спал плохо. Выйдя среди ночи из избы, он услышал треск ломаемого кустарника и отчаянный рев зверя, но идти к ловушке не решился: в темноте было трудно разобрать, где зверь, а где выворотень, к тому же у деда была плохонькая одноствольная «ижевка», заряженная «жаканом». Пришлось ему ждать утра.

Солнце еще не поднималось над лесом, когда пасечник подпоясался патронташем, на котором висел внушительной длины нож, и направился к пойманному зверю.

— Что, попался, черный разбойник? — обрадовался пасечник. — Заплатишь теперь шкурой за все улейки!

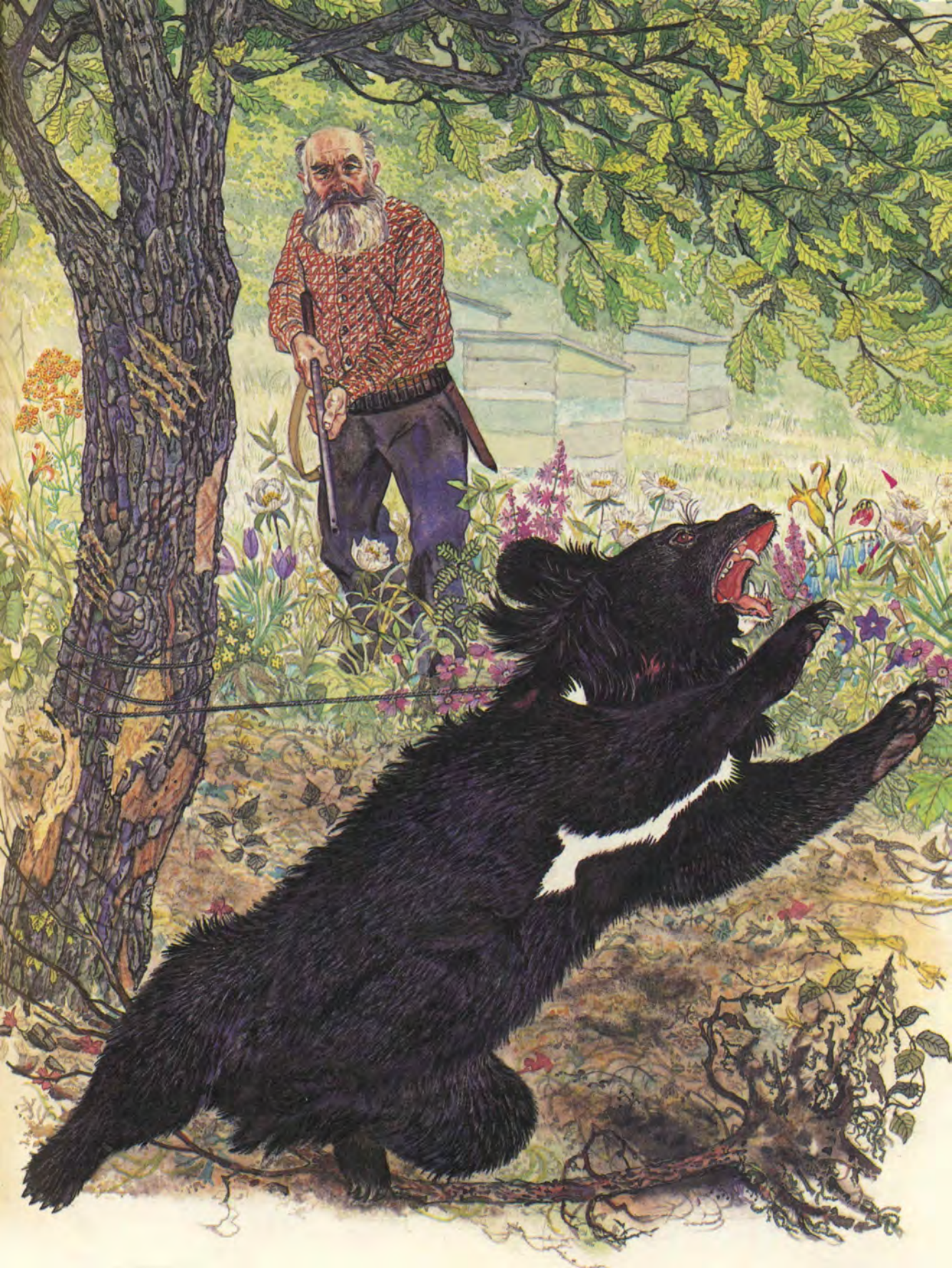
С этими словами старик стал целиться в Белогрудого, но никак не мог поймать на мушку убойное место. Он не торопился, уверенный в том, что медведь никуда не уйдет, и хотел одной пулей положить зверя наповал. Измученный и перепуганный Белогрудый беспорядочно метался.

Грянул выстрел... Белогрудый инстинктивно рванулся в сторону. Железная петля, мертвой хваткой державшая его за шиворот, вдруг разжалась. Медведь мотнул головой, рывкнул и, не сдерживаемый больше тросом, ринулся в кусты.

Дрожащими руками пасечник перезарядил ружье и выстрелил еще раз по убегающему зверю, но снова промахнулся. Все стихло.

«Неужто порвал трос?» — пронеслось в голове незадачливого охотника. Он подошел к изгрызенному медведем дубу и остановился в недоумении. Трос на витке оказался пересеченным пулей.

Долго бежал с петлей на шее Белогрудый. Затем, бухнувшись в болотистый ключ, лежал в прохладной воде до тех пор, пока не перестало бешено колотиться сердце. Выйдя из воды и отряхнувшись, он сравнительно легко, одним рывком лапы сорвал с себя петлю и, как бы боясь, что она снова вопьется в его шею, побрел прочь.

После страшных переживаний на пасеке Белогрудый сменил место своего обитания. Несколько дней шел он на юг, и когда на пути встретилась река с быстрым течением и прозрачной холодной водой, переплыл ее. Теперь леса состояли преимущественно из дуба, и медведь принялся искать на земле желуди, хотя падать им в июле было рано. Побродив по бескормному лесу, Белогрудый взобрался на старый дуб и, усевшись в развилке трех сучьев, начал грызть ближнюю к нему ветвь. Затем, ухватившись передней лапой выше надкуса, он сломал ее и, перебирая лапами, стал выскидывать желуди. Молодые плоды очень понравились Белогрудому, он сломал вторую ветвь, затем третью. Покинул Белогрудый дуб лишь тогда, когда вокруг не осталось ни одной ветви, до которой он не мог бы дотянуться. С уходом медведя вершина пышного некогда дерева оголилась, а в развилке сучьев огромным гнездом темнела куча объединенных ветвей. Немало заломил Белогрудый дубовых вершин, прежде чем желудь стал падать на землю и пропала нужда лазать на деревья.

Откормившись на желудях, Белогрудый приступил к поиску берлоги. В незнакомом лесу он не встречал толстых пустотелых лип и тополей, зато огромных сухих кедровых пней было немало.

Ураганный ветер редко выворачивал старый кедр с корнями, обычно он ломал его поперек ствола. Проходило много лет. Высокий пенёк постепенно выгнивал изнутри и стоял в лесу, как большая деревянная труба. Бывало, что там поселялся филин, но чаще всего пни облюбовывали для жилья гималайские медведи. К одному из них и прибрел Белогрудый. Он умел по звуку, издаваемому деревом, определять его пустотелость. Поднявшись на задние лапы, медведь ударил передней по пню, загудевшему словно пустая бочка. Затем внимательно обошел его, обнюхал и влез на вершину, добравшись до сырого дна, приступил к устройству ложа. Работая когтями, тщательно оскреб внутренние гнилые стенки дупла, обгрыз торчащие пиками основания бывших сучьев. Весь этот «материал» устал дно берлоги сухим и мягким полуметровым слоем. Утрамбовав подстилку, Белогрудый улегся на ней, убедился, что берлога получилась на славу, и выбрался наружу. Ему нужно было подготовить себя к пятимесячной спячке, да и снег еще не выпал, а он любил ложиться «под снег», чтобы не было видно никаких следов у берлоги.

В середине ноября, когда Белогрудый еще не успел, как говорят охотники, «залежаться», к кедровому пню подошел человек. Добывая белок и колонков, он интересовался крупным зверем лишь тогда, когда нужно было запастись мясом, которое все охотники любят и едят помногу. Осмотрев свежие царапины на пне, он остановился в нерешительности: царапин было много, видно, зверь несколько раз залезал и слезал, а вот сидит ли он в дупле? Поручиться за это было

нельзя. Ясно было одно: нужно прорубить отверстие в пне и проверить. Достав из рюкзака топор, охотник срубил ореховый прутик, расщепил его на конце, затем снял карабин с предохранителя и приклонил его к стоявшему рядом дереву. Постукивая обухом топора по пню, охотник нашел более тонкую стенку и стал рубить.

При первом же ударе топора Белогрудый вздрогнул. Этот звук не предвещал ничего хорошего. Прижавшись к дну берлоги, медведь решил не выдавать своего присутствия.

Долго рубил охотник. Смолистые щепки отлетали далеко на снег. Наконец светлый плотный слой сухого кедра сменился темной трухлявой сердцевиной, пустотелости не было. Охотник понимал, что прорубил ниже «пробки» — того плотного слоя в дупле, на котором лежал медведь. Теперь следовало пробить колом «пробку» и поднять медведя, если он находился в берлоге. Вырубив и заострив ореховый кол, охотник приступил к делу. Сменив несколько сломавшихся кольев, он наконец пробил «пробку» у самого края крепкого слоя, слегка задев за бок Белогрудого. Прижавшись к противоположной стенке берлоги, медведь по-прежнему не проявлял признаков жизни. Своим упорством он немало поколебал уверенность охотника, и если последний не уходил, то только потому, что никак не мог просмотреть внутреннюю полость столь подозрительного пня.

Потеряв терпение и немало утомившись, охотник решил «прощупать» пень другим способом. «Авось какая пуля и заденет упрямого сидня», — думал он, отходя от пня и выбирая место, куда пустить пулю. После выстрела ему показалось, что внутри дерева что-то заскребло, но вскоре в лесу снова установилась мертвая тишина. Наступающие сумерки торопили охотника. Стрелять он больше не стал, но решил поджечь пень.

По счастливой случайности пуля Белогрудого не задела. Она прошла между лапами зверя и ударилась в противоположную стенку берлоги. Это сотрясение пня и заставило медведя быстро развернуться, но какая-то сила снова удержала его на месте. Собрав сухие щепки, охотник сложил их в прорубленное отверстие и поджег. Щепки несколько раз падали в снег и гасли, но наконец разгорелись, и пламя весело побежало по стволу обломанного кедра. Вскоре огромный пень запылал. «Видать, нет медведя, чем-то не понравилась ему эта берлога, пошел искать лучшую», — подумал охотник, надевая на топор чехол и укладывая его в рюкзак. Постояв еще несколько минут у горящего пня, он зашагал к своей охотничьей избушке.

Не боялся огня и дыма Белогрудый, будучи знаком с низовыми пожарами, поэтому удушливый запах горящего дерева лишь заставил его уткнуть нос в пористые трухляшки: дышать так было легче. Но вскоре горящие снаружи стенки берлоги до того распались, что пребывать далее в своем убежище медведь не мог. И хотя он был уверен, что снаружи его поджидает охотник, все же решил покинуть

берлогу. Вылезая из дупла, он схватился было за горящий край, но, почувствовав нестерпимую боль в правой лапе, толкнул свое тело вниз и полетел на землю. Глубокий снег и мелкий густой подрост елей смягчили удар. Мигом поднявшись на лапы, Белогрудый развернулся и на широких махах понесся к ключу.

Пробежав довольно большое расстояние, он остановился и, убедившись, что за ним нет погони, заковылял на трех лапах. Кожа ступни правой передней лапы вздулась большим пузырем, нестерпимо болела. Шерсть на животе и левом боку обгорела и запеклась, но главное — он был жив!

Безбрежный, как океан, лес укрыл его от человека. Но надолго ли?

АМУРСКИЕ ЗВЕРОЛОВЫ

(Год из жизни Богатыревых)

БОГАТЫРЕВЫ

Прорвав теснины Малого Хингана, Амур раздается вширь на неоглядной заболоченной Сунгарийской низменности, меняя свое направление с южного на северо-восточное. Недалеко от Хабаровска он разветвляется на два рукава. Левый, более полноводный, течет в прежнем направлении, а правый устремляется на юго-восток, но, натолкнувшись на западные отроги Сихотэ-Алиня, поворачивает и сливается с левым. В широком русле реки разбросано множество

мелких и больших островов. В большую воду некоторые из них затопляются, в малую — подступают к ним песчаные косы. Окаймленные густыми тальниками, они покрыты высоким вейником — труднопроходимой травой. На песчаных гривках островов растут редкие корявые дубки и осины. Релки чередуются с извилистыми заливами и мелководными озерами, зеркальную гладь которых устилают узорчатые листья водяного ореха — чилима, а на иных и широкие круглые — лотоса.

На одной из таких песчаных грив, на северо-восточной части острова, расположен пышный огород охотника-промысловика Богатырева. Кроме обычных в этих местах картофеля, капусты и помидоров на грядках растут синие баклажаны, сладкий перец, арбузы и дыни. Заканчивается последний месяц лета, и хозяин, в ожидании сбора урожая, живет на огороде в легком шалаше, сооруженном из ивняка и накрытом снопами вейника. Из ближнего правобережного поселка Богатырев привозит на остров соль, хлеб да спички, остальное — все свое, выращенное в огороде или заготовленное в тайге впрок. В ближнем заливе ловит Богатырев жирных сазанов и карасей. Амур — река рыбная, только не ленись!

Звук приближающейся к заливу моторной лодки привлек внимание Богатырева, и он поднялся на холм, чтобы лучше разглядеть того, кто к нему жалует. «Никак охотовед Перекатов валит на своем «Вихре», — подумал Богатырев, рассматривая из-под ладони быстро мчащуюся «дюральку», управляемую одиноко сидящим в ней человеком.

Вскоре лодка мягко ткнулась носом в золотистый песок берега, и из нее ловко выпрыгнул молодой еще мужчина в кожаной куртке и высоких резиновых сапогах.

— Здравствуй, Иван Тимофеевич, дорогой мой! — И с этими словами Перекатов обнял по-сыновьи Богатырева за плечи. — Забрался на свою заимку и думаешь, не найду тебя?

— Здравствуйте, здравствуйте, Олег Константинович! Вот уж не ждал! Рад такому гостю!

Глаза Богатырева щурились, лицо озаряла добрая улыбка, говорившая о большой взаимной симпатии двух давно не видевшихся людей и чрезвычайно обрадовавшихся неожиданной встрече.

— Привез я тебе поклон от жены и кой-какие новости из промхоза, — сказал Перекатов.

— За поклон спасибо, а теперь пойдем в шалаш, попотчую тебя чем бог послал. Там и о новостях потолкуем.

Они направились к немудреному жилью Богатырева. Проходя вдоль огородных грядок, охотовед изумился:

— Да у тебя и впрямь бахча! Гляди-ко, арбузы какие. В этом-то верных килограммов шесть будет!

— Ежели руки приложить, у нас все вырастить можно. Арбузы у меня на чистом песке, да прежде чем посадить их, я в каждую лунку

по десятку ведер свежей землицы подвалил да бумажными колпачками рассаду попервости прикрывал. Вот и погнало плети в рост.

Подойдя к шалашу, охотовед опустился на пустой ящик, служивший хозяину табуреткой, скинул шапку и достал папиросы.

— Хорошо у тебя, Иван Тимофеевич, красота-то какая вокруг. Пожить бы с тобой здесь!

— За чем же дело стало? Оставайся, вот и поживем вместе, рыбки половим. Ты, поди, проголодался, — и с такими словами Богатырев придвинул гостю низенький легкий столик и выложил на него несколько поджаренных карасей, печенных у костра на ивовых палочках. — Отведай, а я схожу выберу арбуз поспелее.

Вскоре он принес темно-зеленый арбуз; от легкого нажима ножа плод звонко лопнул. Красная зернистая сердцевина была сладкой и прохладной, она приятно утоляла жажду, вызванную солоноватой рыбой.

— О нашем Амуре говорят — суров да холоден, а видишь, какие «фрукты» понаросли, что на Украине. А я не объежусь?

— Ешь на здоровье. Арбузами еще никто не объедался.

После радушного угощения Перекатов ополоснул лицо и руки, закурил и подсел к Ивану Тимофеевичу.

— Ну, теперь давай выкладывай новости свои, — внимательно присматриваясь к охотоведу, сказал Богатырев.

— Нынче, Иван Тимофеевич, промысловый сезон у нас будет напряженный. Заготовительные планы пушнины высокие, а тут еще зверя живьем брать нужно на экспорт.

Лицо старого охотника оживилось:

— Поди, на отлов тигра агитировать приехал?

— На этот раз тигров ловить не будете. А вот кабанов вам предстоит с десятков поймать, изюбров пару, ну а харз, выдр, росомх — сколько удастся. По соболям план твердый: сто двадцать, и ни одного больше.

— Уж больно ты загодя планировать любишь. В тайге — не на ферме, как подфартит, а то и сотни не возьмешь. Или, скажем, сто тридцать возьмем, так что, протокол составлять будешь?

— Я тебя, Иван Тимофеевич, очень уважаю. Охотник ты отличный, но пойми, что планы по добыче соболя перевыполнять нельзя: вид лимитированный. Раньше, когда всякого зверя было много, охотился ты по принципу: чем больше добыл — тем лучше. Сколько нашел, столько взял. Теперь запасы зверя подсчитаны, план отлова ученые определяют. Нужно зверя и на расплод оставлять. Пришла пора и охотнику сдерживаться. Отстрелял норму, занимайся другим делом, а попался тебе соболь — полюбуйся на него, но не трогай.

— Не дело ты говоришь, Перекатов, — возразил Богатырев, — мои отец и дед были на Амуре охотниками и, коль зверя нашли, обя-

зательно изоблавают. И ничего, еще и на мой век хватает. Да какой охотник от зверя отвернется, свой фарт упустит?

— Не спорю, так было, да теперь не те времена. Я знаю, хочешь ты, чтобы и внукам зверь в изобилии достался, не правда ли, Тимофеич?

— А как же, зверя с расчетом бить надо.

— Ну, вот и я об этом же толкую! — воскликнул, улыбаясь, Перекатов.

— Ладно, будет здоровье, так справимся с заданием. Бригада у меня надежная. Словом, не подведем. Только и ты промхоз подшевели, чтобы вовремя транспортом обеспечил да капканами снабдил.

Богатырев с интересом выслушал подробный рассказ охотоведа, как и когда начинается завоз охотников на угожья, где предполагается ловить зверя, как будет организован прием у них добытой пушнины и зверя.

— Да, хорошие вести ты мне привез. Давай-ка арбуз доедай, не ленись, не больно-то вас там в городе балуют ими, — и он протянул гостю добрый ломоть сахарного, истекающего соком лакомства.

— Ты прав, хотя и много привозят к нам фруктов, но большей частью они незрелые, не такие сладкие.

Разомлев от горячего солнца, Перекатов растянулся на траве.

— Чего нового в газетах? — осведомился Богатырев.

— Особых новостей нет. ФРГ договор с нами подписала.

— Про японцев что пишут?

— Торговать с ними будем, — уклончиво ответил охотовед.

Богатырев присел на колодину. Пышная серебристая борода, ниспадавшая на его широкую грудь, и черные густые брови делали его схожим с Ильей Муромцем. Перекатов невольно залюбовался им и, как всегда в такие минуты, отметил про себя, насколько сильны в Богатыреве черты истинно русского человека.

— Ты прав, Иван Тимофеевич. Землица наша добрая, хотя трудновата в обработке. Да что и говорить, крепкими корнями мы в эту землю вросли, потом и кровью ее полили, своими косточками удобрили. Но как же можно ее не любить? Ведь родная она нам! Богатыревы триста лет на Амуре живут. Мой дед сказывал, что его родители были с Усть-Зейской слободы, в ней они всю жизнь прожили, там и схоронены.

— А что, Иван Тимофеевич, не топят тут тебя?

— Всяко бывает. Только я заметил: ежели лед весной лезет на берег протоки и остается на нем — быть наводнению. Если ледоход прошел и льдин на берегу не осталось, плесы чистые — на островах сидеть можно, не затопит.

Разговор снова перешел на тему предстоящего охотничьего сезона. Установили окончательный срок выезда в тайгу — пятнадцатого октября.

— Кажется, все вопросы с тобой мы решили, Иван Тимофеевич. Заеду еще к твоему брату и домой!

Хозяин проводил гостя до лодки, крепко пожал руку на прощание, и охотовед покати́л на моторке вниз, по направлению к городу.

Степан Богатырев жил на берегу Амурской протоки, на краю города. В отличие от брата, он не увлекался огородом, предоставив это занятие жене, но зато держал пчел, с которыми выезжал в предгорья Хехцира в пору цветения липы. Всю зиму он проводил в лесу на охоте с братом. Они-то и составляли ядро знаменитой богатыревской бригады. Иногда на зимний промысел к ним присоединялись сыновья, и тогда бригада увеличивалась до четырех человек. Такой бригаде было под силу ловить любых зверей и доставлять их на лесоучасток, куда приходили из города машины.

Моторка остановилась возле дома Степана. Охотовед поднялся по крутому косоугору и вошел в сливовый садик, уставленный разноцветными улейками. Степан Тимофеевич в широкополой шляпе возился с пчелами.

— Привет пчеловоду! — издали крикнул охотовед, боясь быть ужаленным пчелами, летавшими роем вокруг Богатырева.

— Подходи, подходи, чего спужался! Медведей не боишься, а перед пчелой робеешь! — приветливо ободрял переминавшегося с ноги на ногу охотоведа Богатырев. — Ежели и жиганет какая — одна польза будет. У меня как спина заболит, четыре-пять пчел на поясницу посажу — сразу полегчает. — С этими словами Степан Тимофеевич подошел к Перекатову и протянул ему руку.

Был он ниже своего старшего брата, но шире в плечах. Темно-русой бородки еще не коснулась седина, а синие глаза сверкали таким молодецким задором, что его скорее можно было принять за сына Ивана Тимофеевича, нежели за брата.

— Пойдем в хату, там не так жарко. Вишь, парит, знать, к дождю, вот и пчела злится, и впрямь ужалит.

Они вошли в дом Богатырева. Срубленный из кедровых брусьев, с просторной верандой, дом был обшит узкой шелевкой, выкрашенной белой краской. Окна, выходившие в сад, обрамленные узорчатыми наличниками, были распахнуты. В трех смежных комнатах расставлена добротная полированная мебель. Все в доме говорило о достатке и благополучии хозяина.

— Серафима! — позвал Степан Тимофеевич жену. — Подай-ка нам медку да холодного молока.

Они присели, а тем временем хозяйка проворно накрыла широкий стол.

— Угощайся. Нынче мои улейки по полцентнера меда дали. Хороший взятки. — С этими словами Богатырев придвинул гостью тарелку, на которой лежали крупные куски душистого сотового меда.

— Я заезжал к твоему брату на заимку. Хочу и с тобой посоветоваться.

Перекаатов столь же подробно, как и Ивану Тимофеевичу, рассказал Степану о задании по добыче пушнины и зверя.

— Ну так что, можно положиться на вас: план выполните? — спросил охотовед, когда рассказал все, что того могло интересовать.

— Трудновато будет. Нынче мой сын в армию идет, на промысел не едет. Остаемся мы вчетвером.

— А если к вам в бригаду Маркина подключим?

— Этого браконьера-то отъявленного? — удивился Степан.

— Бригада Богатырева его перевоспитает.

— Нет, это уж вы его перевоспитывайте, охотоведы, а нам промыслять надо. Да и дурной славы мы не потерпим, а от Маркина она пойдет.

— Эх, Степан Тимофеевич! Я думал, ты поддержишь наше решение.

— Зачем же меня спрашивать, если ты сам все уже решил.

— Дело не в этом, Степан Тимофеевич, приказать не трудно. Я хочу, чтобы ты сознательно взялся за это, не по приказу, а по убеждению. Тогда наверняка все будет хорошо. Ты же знаешь, что Маркин — охотник хороший, вот только свое мастерство он не на ту дорогу направил.

— Это так, да легче молодого выучить, чем старого переучить!

— До охоты еще далеко. Когда соберете всю бригаду, обсудите и мое предложение. Я к вам в январе в зимовье подъеду. А тебе, Степан Тимофеевич, еще одно задание: раздобудь пару хороших собак — без них живьем зверя не взять.

Перекаатов знал, что Богатыревы держат лишь по одной хорошей лайке, да и тех используют только при ловле тигров.

— Я нынче хочу попробовать своего волка, — сказал Степан.

— Смотри, как бы не сбежал он от тебя, — заметил охотовед.

Они встали из-за стола. В это время в комнату вошел молодой парень, в котором Перекаатов узнал Матвея, сына Ивана Тимофеевича.

— А ты что тут делаешь? — спросил охотовед.

— Дяде помогал за пчелами ходить.

— На охоту собираешься?

— Хоть сегодня готов в тайгу.

— А твой младший брат?

— Он с нами последний раз в лес идет. На заводе работать мечтает.

Перекаатову жаль было терять Кондрата как охотника. Сколько прекрасных здоровых парней не захотели перенять романтическую

профессию своих отцов-зверобоев и ушли из промхоза! Но словами тут делу не поможешь: не те времена, что прежде, техника манит к себе молодых людей.

Распростившись с хозяином, Перекатов вышел на берег реки, оттолкнул лодку. Подхваченная течением, она начала медленно удаляться от берега. Заработавший винт толкнул ее вперед и помчал со скоростью ветра в сторону города, залитого лучами склоняющегося к тальникам солнца.

Степан, проводив гостя, решил покормить волка. Положив в тазик вареной рыбы, он вошел в сарайчик. С громким визгом бросился к нему на грудь Беркут, начал ласкаться к хозяину. Ему было всего пять месяцев, а ростом он не уступал лайке. Ранней весной шел Степан с ружьем по лесу. Искал волчьи логова. В пятнадцати километрах от поселка нашел упавший старый кедр. Подошел поближе, а из дупла смотрит на него волчья морда. Застрелил охотник волчицу. В дупле оказались пять волчат. Были они маленькими, слепыми. Видать, с неделю как появились на свет. Захотелось Степану вырастить их и попробовать на охоте за крупным зверем, а может быть, и скрестить с собакой.

Вскоре два волчонка пропали, а трое начали быстро прибавлять в весе. Поначалу Степан кормил их теплым коровьим молоком через соску, а затем стал подкармливать мясом. Волчата отличались большой подвижностью и большим аппетитом. Во время кормежки не зевая: вместе с мясом и палец отхватить могут. Зверята хватали корм с громким рычанием, после еды жадно пили воду. Кроме мяса и молока ели хлеб и даже траву. Бодрствовали они больше ночью. К Степану поначалу относились осторожно, а к его жене были всегда ласковы. Не терпели волчата поросят, очень боялись черных предметов. Когда им исполнилось два месяца, Степан впервые услышал их протяжный вой и тонкий, частый, отрывистый лай. К взрослым собакам волчата были настроены дружелюбно, облизывали их морды, скулили, виляли перед ними хвостами, к щенкам же относились агрессивно. Вскоре Степан убедился, что волки ведут себя не так, как читал он о них в книге: легко поворачивают голову в разные стороны, поднимают и держат хвост кверху, как лайки.

Однажды Степан обильно накормил волчат мороженой свининой, после чего все его питомцы тяжело заболели. Много возился с ними охотник, но спасти удалось лишь одного волчонка. Теперь он вырос и всегда сопровождал хозяина, когда тот ходил купаться на протоку.

Степан с радостью отмечал, что Беркут, так называл он волка, поддается дрессировке: достает из воды брошенную палку, приносит хозяину шапку и рукавицы. «Должен ходить Беркут за копытными», — думал Степан и с нетерпением ожидал зимы, чтобы скорее испытать своего любимца на охоте.

Октябрь выдался теплым и сухим. Лишь по ночам замерзали лужицы, оттаивая к полудню.

Убрав урожай с огородов, Богатыревы наловили впрок рыбы и начали собираться в тайгу на всю зиму. Бригада состояла из пяти человек: братья Богатыревы, Матвей и Кондрат — сыновья Ивана Тимофеевича — и Роман Маркин. Уходили охотники надолго, продуктов брали немало: четыре мешка сухарей, насушенных заранее, вяленой и соленой рыбы, два мешка крупы, полмешка муки и столько же сахара, бочонок соленой капусты, три мешка картофеля, немного моркови, свеклы, луку; кроме этого, десяток пачек соли, свечи, спички, мыло. Не забыли прихватить и нужный инструмент, новые капканы и боеприпасы.

Угодья, где предстояло им промышлять, лежали на Алой речке. В зимовье, стоявшее на самом берегу, решено было добираться на моторной лодке с халкой на буксире, которые загружались у Степана Богатырева. Весь провиант и снаряжение, уложенные на халку, были тщательно накрыты брезентом. Здесь же должны были сидеть Маркин со своей собакой и Матвей с тремя псами. Остальные размещались в моторке, туда посадил Степан и своего волка. Выехали на расвете. Жены не провожали своих мужей.

Прошло более двух часов, а охотники все не могли миновать Хабаровска, вытянувшегося на полсотню километров. Местами деревянные домишки словно сползали с крутого высокого берега и стояли у самой воды, а там, повыше, поднимались к небу прямоугольники больших каменных домов. За мостом потянулись курчавые холмы Воронежа: здесь размещено большинство городских пионерских лагерей. Широкая река текла незримо, и только когда останавливался мотор, улавливалась быстрота течения. В малую воду могучий Амур не мог передвигать даже мелкую гальку, но, разлившись и выйдя из берегов, легко перемещал целые острова, сносил дома и стога сена.

Придерживаясь берега, моторка бежала вниз по течению. Остались позади черные базальтовые скалы Сикачи-Аляна с таинственными личинами, высеченными на камнях тысячелетия назад, живописные села Вятское и Елабуга; миновали Сарапульское, вошли в Челнинскую протоку. К концу дня охотники пересекли мелководное Синдинское озеро и, с трудом отыскав незаметный вход в устье Теплой речки, причалили к высокому берегу, поросшему дубовым лесом. Здесь решено было сделать ночевку.

Засидевшихся собак пустили побегать, но волк остался на привязи. Вскоре на берегу запылал костер. Над ним повесили большой закопченный чайник. Над рекой изредка мелодично посвистывали торопливые крылья запоздалых пролетных уток. Расстелив у огня

козлиные шкурки, охотники разместились на ночлег, но, прежде чем уснуть, еще раз перебрали в памяти все, что везли с собой: не забыли ли чего? Скоро на Теплой ожидался ход шуги, и тогда даже при наличии моторной лодки не выберешься с зимовья до близлежащей деревушки.

Утром охотники сдвинули потухшие головешки и разожгли костер; завтракали рыбными пирогами с чаем, основательно, и только после этого двинулись в путь. Русло реки круто извивалось по заболоченной равнине, поросшей ивой и высоким вейником. Повороты порой были такими крутыми, что казалось, река бежит вспять. Проплыв около часа, моторка вошла в самый крупный приток Теплой речки.

Растянувшись на брезенте халки, убаюканный монотонным жужжанием мотора, дремал Кондрат. Ему исполнилось пятнадцать лет, когда отец впервые взял его на промысел. Окончив восемь классов, Кондрат не захотел учиться дальше, собираясь стать охотником-промысловиком.

Первые два сезона он с увлечением постигал тяжелую профессию зверолова, радуя Ивана Тимофеевича ловкостью, меткостью стрельбы и способностью выследить любого зверя. И вот когда он, казалось, стал настоящим охотником, долгое пребывание в лесу начало тяготить его. Вернувшись с очередного промысла, он устроился учеником слесаря на заводе. Наступила осень, отец засобиравшись на промысел, и непреодолимая сила снова позвала Кондрата в тайгу. «Схожу в последний разок, да и распрощаюсь с охотой», — решил он. И неведомо было ему, что страсть к охоте не угаснет в нем и тогда, когда станет он кадровым судостроителем.

Усилившееся течение сбавило скорость лодки. Не выпуская из рук руля, Степан зорко всматривался вперед. В бригаде он был за моториста и рулевого. Иван Тимофеевич, сидя на носу лодки, внимательно осматривал поверхность реки, чтобы вовремя предупредить Степана о плывущей коряжине или о торчащем из воды суке затонувшего дерева. Плавание по горной реке небезопасно. Подмывая берега, река валит прибрежные осины и лиственницы, и они долго лежат в русле, порой выставляя наружу обломки острых сучьев или образуя подводные заломы.

Подступающая к воде растительность утомляла своей однообразностью: ивняки, осинники и снова бесконечные ивняки, а там, где не было деревьев, росли осока и вейник.

Солице клонилось к вершинам деревьев. За кормой осталось полсотни километров, когда из-за поворота показался обрывистый глиняный берег — Красный Яр. Отсюда начинались леса. По сложившейся традиции здесь всегда останавливались на табор охотники. Пока бригада готовилась к ночлегу и варила ужин, Иван Тимофеевич с нетерпением углубился в лес. Зорко осматривал он вершины мохна-

тых кедров с темными пучками тяжелых шишек, разгребал ногой листву под дубами, разыскивая коричневые блестящие желуди. Сердце старого охотника радовалось: урожай лесных кормов выдался нынче отменный.

Медленно угасала вечерняя заря. Багровый закат предвещал ветреную погоду. С веселым треском горели в костре ветки сухой белой сирени, далеко разбрасывая по сторонам горящие угольки, гаснущие в сырой лесной подстилке. Рассевшись около огня, охотники весело шутили. Близость леса будила в их душах древнюю и неистребимую охотничью страсть. Хрустнула ветка — это к костру возвращался Богатырев.

— Ну как, Тимофеич, подглядел чего? — спросил Маркин.

— Ореха нынче много, ежели успеем, подсоберем до снега.

— Следов никаких нет?

— Сохатый прошел. Вроде след свежий.

Запахло картошкой, отвариваемой вместе с соленой кетой. С большим аппетитом ели охотники это любимое и никогда не надоедавшее кушанье приамурцев. Затем долго пили чай, настоящий на чаге. Этот березовый гриб придавал бодрящему напитку вкус свежести и аромат леса. В прозрачном позеленевшем небе зажглись редкие крупные звезды. Где-то невдалеке вскрикнула сова. Невнятные шорохи неслись из леса, булькала в реке рыба. «Как-то сложится нынче промысел?» — думал каждый. При изобилии желудей и орехов жирен копытный зверь и медведь. Появляется много полевок — основного корма мелких хищников, — и сытый колонок и соболь плохо идут тогда в кулемки и капканы.

Едва забрезжил рассвет, чуткое ухо Ивана Тимофеевича уловило тяжелый топот. Схватив карабин, он выскочил на берег реки. Из леса доносился треск валежника и тяжелое дыхание зверя, бегущего мимо табора. Почувяв человека, зверь свернул в сторону, подбежал к реке и с размаху бросился в воду. Только теперь рассмотрел его голову охотник. Это был лось. «Но от кого он так стремительно убегал? Видать, волки!» — мелькнула мысль, и Богатырев побежал по берегу. У места, где лось пересек реку, он остановился и прислушался. Вскоре на песчаной отмели показался волк. Он бежал, приносясь, разыскивая потерянный след сохатого. Богатырев спокойно прицелился, и грохот выстрела мгновенно разбудил охотников. Степан первый подбежал к Ивану Тимофеевичу.

— В кого стрелял? — шепотом спросил он.

— По волку пальнул. Видишь, на косе вроде кочка желтеет. Это он лежит.

За добычей послали молодых — Матвея и Кондрата. Они приволокли за лапы матерого волка к самому костру.

— Пока будем готовить завтрак, снимите шкуру, — распорядился Иван Тимофеевич.

Есть сырое волчье мясо собаки отказались, но Беркут проглотил добрый кусок мякоти. Волчью тушу не выбросили: вареную волчатину любая привередливая собака ест.

Оживленные первой удачей, охотники наскоро позавтракали и тронулись в дальнейший путь. После урочища Красный Яр прибрежная растительность стала меняться. На высоких берегах появились ясени. Они простирали свои толстые оголенные ветви, не сгибающиеся даже под ветром, над порослью черемухи и лещины. Местами к реке подступали целые заросли сибирской яблони. Голые деревья были усыпаны мелкими темно-красными плодами, привлекавшими пролетных дроздов и свиристелей. Еще недавно буйная и пышная древесная растительность теперь сквозила, сбросив листву, и только ильмы еще щеголяли в своих зеленых нарядах. Течение реки усилилось. Появились перекааты. Степану то и дело приходилось поднимать мотор, чтобы не задеть винтом за каменистое дно. Иногда путникам дорогу преграждало упавшее дерево, и тогда пускались в ход топоры и пила. Дальше к лиственным лесам стали примешиваться сизые ели и пихты, мохнатые кедры. Леса становились гуще. Под высокими деревьями росли вперемежку свидина и шиповник, таволга и боярышник, переплетенные лимонником и виноградом. Заросли были почти непроходимыми. Проплывавшие любовались красными гроздьями лимонника и барбариса, калины и смородины.

В этот день охотники преодолели не более тридцати километров. Наконец показалось устье реки Алой — место их назначения. Здесь у входа в залив стояло зимовье Богатыревых: рубленая из сухих бревен избушка с маленьким подслеповатым окном, крытая лиственничной щепой. Дверь, открытая настежь для лучшего проветривания избушки, была подперта колом.

— Ну, вот и прибыли, — с облегчением вздохнул Иван Тимофеевич, поднимаясь на берег и хозяйским глазом окидывая свое жилье. — Кажись, все в порядке. Привязывайте собак и давайте будем разгружаться и устраиваться.

Подправив лабаз, охотники сложили на него продукты и часть снаряжения. Степан сходил в лес и принес поперечную пилу и железную печь с вложенными в нее трубами. Каждый раз после завершения сезона охотники подвешивали печь под густым кедром: здесь было сухо, обведало ветерком, и она не ржавела. Затем нарезали вейника и устлали им нары. От затопленной печи в избушке стало тепло и уютно.

После ужина охотники обсудили, чем заниматься дальше. Первым делом — добыть кабана на еду и разведать охотничьи угодья. Потом наловить рыбы: в реку на зимовку спускались с горных ключей ленок и хариус; пойдет шуга — не поймашь. Быстрое течение не позволяет ставить сеть, вся надежда на удочки.

Наутро бригада разделилась: Иван Тимофеевич с Маркиным и

Степаном пошли на разведку в разные стороны. Каждый из них вел на поводке собаку, а Степан — волка. Матвей с Кондратом остались ловить рыбу и пилить дрова. Распилив несколько недавно усохших елок, парни стали осторожно раскалывать их на поленья. Из проточенных ходов в древесине выпадали желто-белые личинки жуков-дровосеков. Их собирали как великолепную наживку. Вырезав длинные ореховые прутья, рыбаки оснастили их леской с крючками, привадили брезентовый мешок и направились к ближнему омуту, где отстаивалась рыба. С первого же заброса Матвей подсек килограммового ленка. Рыба жадно хватала приманку, и тонкое удище то и дело сгибалось в дугу.

Пока рыбаки выхватывали из воды коричневых пятнистых ленков, радужных хариусов, охотники, углубившись в лес, пристально рассматривали следы, определяли их свежесть. Отсутствие снега требовало от следопытов большого мастерства и опыта, чтобы распознать на земле, устланной листвой, кто оставил на ней легкие вмятины. Но охотники все же находили кабаньи и изюбриные следы, угадывали, где прошел медведь. Выслеживание кабанов облегчалось их порытками. Изюбры в поисках желудей тоже ворошили носами листву, но землю они никогда не «вспахивали».

В этот день Ивану Тимофеевичу не удалось близко подойти к кабанам, не нашел их и Маркин, зато Степану посчастливилось сблизиться с табуном свиней, рывшихся под старыми дубами. Казалось, что он хорошо прицелился в черную тушу, но после выстрела кабан бросился наутек, волоча переднюю ногу. Тогда Степан спустил со сворки Беркута. Волк вихрем умчался за кабанями. Напрасно прислушивался охотник. Молчаливый лес не рождал ни единого звука. «Зря, видать, я спустил Беркута, — подумал охотник. — Без снега не найти его, если не захочет вернуться сам».

Пройдя по следу до густых пихтачей, Степан остановился. Понималось ворчание. Он бросился на звук и вскоре стоял около лежащего на земле кабана, которого терзал волк. Степан привязал Беркута к дереву и начал свежевать зверя. Отделив добрый кусок мяса, кинул его Беркуту, чтобы приохотить своего волка, и, набив полный рюкзак кабаниной, он заспешил к избе.

Смеркалось, когда все охотники собрались в барачек. Матвей с Кондратом принесли с полмешка рыбы, которую тут же засолили. Закончив с одним делом, они поставили варить большую кастрюлю борща, чтобы накормить тех, кто ходил на охоту.

После ужина охотники обменялись мнениями. Отсутствие снега не позволяло широко заняться промыслом. Белка была еще недозрелой — «невыходной». Оставалось расставить по охотничьим тропам — путикам, не настораживая, капканы и собирать орехи, ловить впрок рыбу. И только когда выпадет снег, можно заняться заготовкой мяса.

Ночью подморозило и заливчик покрылся тонким прозрачным льдом. Наступающий день обещал быть солнечным, ветреным. Рыбаки снова ушли за ленками, а Богатыревы-старшие и Маркин направились в кедрачи, прихватив с собой два сита, сделанные из тонкой жести. Кедровые шишки начали осыпаться, и под иным деревом их можно было собрать до пяти мешков.

Углубившись в лес, Иван Тимофеевич подыскал поваленное дерево.

— Вот тут и будем молотить орехи, — объявил он.

Очистив от коры поверхность валежины, он вырубил топором на ней поперечные бороздки и подстелил под нее кусок тонкого брезента. Затем срубил молодой клен и сделал из его комля рубель, каким в старину бабы гладили белье. Подняв с земли шишку, он положил ее на гофрированную поверхность валежины и ударил с потягом рубелем. Попадшая словно между зубцами шестерен шишка рассыпалась, и коричневые орешки упали на брезент.

— Пойдет! — воскликнул он. — Теперь только подноси.

Вскоре возле импровизированной молотилки охотники насыпали большую кучу шишек. Иван Тимофеевич сел верхом на валежину и занялся их дроблением. Остальные продолжали собирать и подносить смолистую падалицу. К обеду Иван Тимофеевич переработал двенадцать мешков шишек. Когда он просеял их на ситах, а затем провеял на ветру, то наполнил целый мешок чистыми орехами.

До чего же вкусны маслянистые орешки кедра! Всяк любит ими лакомиться: и человек, и зверь, и птица. Люди делают из них дорогое ореховое масло, начинки для конфет, ореховое молоко. Медведи и кабаны быстро жиреют на них, а бурундуки и белки заполняют ими свои зимние кладовые. Обильный урожай кедра — это праздник для всех обитателей леса!

Прошла неделя. На недавно срубленном лабазе лежало восемнадцать мешков кедровых орехов, а около зимовья на тонких жердях вялились вереницы ленок. Все капканы были разнесены и подвешены на путиках. Охотники с нетерпением ожидали снега.

Очередной вечер не предвещал ненастья. Каково же было удивление охотников, когда, проснувшись рано утром, они едва открыли дверь избышки: за ночь выпал глубокий снег. Не переставал идти он и днем. Обычно в конце октября в горах Сихотэ-Алиня выпадают лишь неглубокие пороши, снег стаивает и снова возобновляется.

— Ну, братцы, этот снег уже не растает. Уж больно много его навалило. Завтра берегись, кабаны! — радостно воскликнул Иван Тимофеевич. — А сегодня отдыхай, ребята!

Пасмурный день короток. В пятом часу начало смеркаться. Лежа

на нарах, охотники обсуждали план на завтрашний день: Степан с Кондратом пойдут по левым ключам Алой, Матвей с Маркиным — по правым. Иван Тимофеевич осматривает марь за рекой. Долго в тот вечер не могли уснуть. Каждый думал о предстоящей охоте, о своем счастье, о том, как добудет он первого зверя. И лишь собаки крепко спали в своих дуплянках под мерный шелест снежинок.

ПО ПЕРВОМУ СНЕГУ

После двухдневного снегопада знакомый лес сделался неузнаваем. Он стал гуще и светлее. Каждая тонкая былинка, облепленная пушистым снегом, смотрелась толстым сучком. Молодые елочки с опущенными до самой земли ветвями возвышались белыми конусами. Небо и земля были одного цвета. Влажный потеплевший воздух пронизывался редкими крохотными кристалликами. В лесной чаще стояла такая тишина, что слух улавливал шепот падающих снежинок. И в этой всеобщей белизне особенно контрастно выделялись черные стволы старых осин и орешника.

Первым покинул зимовье Иван Тимофеевич. Перейдя незамерзшую речку по поваленному ясеню, словно по мостику, он направился в заболоченный пойменный лиственничник. Его помощник Верный трусил за ним на сворке, привязанный к поясу. Почти непроходимая в летнюю пору марь теперь стала доступна человеку, хорошо и далеко просматривалась. Редкие, потерявшие хвоинки лиственницы казались усохшими. Сквозь их ажурные кроны проникало много света. Осторожно ступая по промерзшему болоту, Богатырев зорко всматривался в просветы между деревьями. От его взгляда не ускользнул едва заметный между осоковыми кочками след лося. Зверь прошел вчера. Падающий снег местами сровнял глубокие вмятины от лосиных копыт, но через некоторое время охотник снова обнаружил след. Верный тыкался носом в углубление следов, и тогда поводок натягивался. Охотник сердито оттаскивал собаку за шнурок и шел дальше. Высота кочек увеличивалась. Появилась ива и ольха — верные признаки близости маленького ключа. В таком месте лось мог задержаться на кормежке...

Пока Иван Тимофеевич выслеживал лося, Степан с Кондратом поднимались на сопку. По ее склону росли старые кедры. Иное дерево такое толстое, что и втроем не обнять. В поисках опавших шишек сюда наведывались табуны кабанов. Степан вел на поводке своего волка, Кондрат — Рябчика — помесь лайки с дворняжкой. С вершины сопки открывалась величественная панорама. Со всех сторон к горизонту уходили гряды черно-зеленых сопков, посеребренных снегом. Словно огромные волны безбрежного океана в неподвижности, ско-

ванные морозом. Изредка в просветлевшем небе пролетали кедровки, издавая резкие скрежещущие тревожные звуки.

Смахнув снег с сухой валежины, охотники присели отдохнуть; сидели молча, не шевелясь, прислушиваясь к скупым звукам зимнего леса. Рябчик улегся у ног своего хозяина и скусывал снег, примерзший к волосам его передней лапы. Беркут, присев на задние лапы, вглядывался в лесную даль и жадно втягивал носом чистый, казалось лишенный запахов воздух. Он так долго принюхивался к легкому дуновению ветерка, что Степан забеспокоился, снял с плеча карабин и положил его на колени.

— Кого-то причувствует? — прошептал Кондрат.

— Волки всегда так ведут себя в лесу, — ответил Степан.

Но настороженность Беркута передалась охотникам, и они, наставив к ушам ладони, тоже старались уловить возможные шорохи.

— Никак, поросенок взвизгнул, — с этими словами Степан поднялся и, подойдя к гребню сопки, стал еще внимательнее прислушиваться. Вскоре до его слуха донеслось слабое шуршание многих ног, задевавших за кусты. Недовольно рюхнул кабан. — Чушки идут, — сдавленным голосом проговорил Степан. Взглянув на Кондрата, он понял, что и тот слышит зверей. Приготовив к стрельбе винтовки и погрозив Рябчику, начавшему скулить от нетерпения, охотники осторожно подошли к крутяку. Здесь они стали на фоне толстых древесных стволов, приготовились к встрече со зверями. На какое-то время ими овладело сомнение: не пойдет ли табун стороной? Но кабаны неторопливо поднимались на гребень сопки, где их поджидали охотники. Шум, производимый стадом, нарастал. Теперь явственно слышалось чавканье, треск ломаемых сухих прутьев, сопение. Стоя чуть позади гребня, охотники слышали, но не могли видеть кабанов издали. Замер у ног своего хозяина Беркут. Волчья привычка терпеливо поджидать свою жертву в засаде и теперь способствовала успеху охоты.

Кабаны, видимо, были уж совсем близко: Степан слышал, как с хрустом раздавливаются в сильных зубах поднятые с земли шишки. Сняв с предохранителя курок, Степан поднял приклад к плечу: в любое мгновение мог появиться зверь. И вот он словно из-под земли поднялся над косогором. Это была старая самка — вожак табуна. Опустив низко к земле заостренную длинную морду, она принюхивалась в поисках кедровой шишки и медленно поводила в разные стороны рылом.

Прильнув щекой к холодному прикладу, Степан в прорезь прицела поймал ее узкий лоб и, выровняв мушку, плавно потянул пальцем за спусковой крючок. Глухо, будто лопнуло дерево от мороза, прозвучал одинокий выстрел. Смерть мгновенно застигла спокойно шедшую свинью. Она ссунулась, как будто ноги ее провалились в глубокий снег. Видя, как замерло на месте тело вожака, весь табун, не-

смотря на грохот выстрела, оцепенел. Мертвая тишина длилась несколько секунд. Нарушил ее секач. Он выскочил из зарослей, чтобы лучше разглядеть опасность, и тут же, получив в лоб вторую пулю Степана, перевернулся навзничь.

После второго выстрела табун с треском сорвался с места и с неимоверной скоростью понесся в том же направлении, в котором только что мирно двигался. Справа и слева мелькали поросята, подсвинки, черные молодые секачи и чушки. Словно вихрь мчались они мимо охотников. Выбирая покрупнее, Степан стрелял их на бегу. Кондрат вторил ему. Табун в своем походе, видимо, изрядно растянулся, и теперь отставшие спешили догнать убежавших вперед, появляясь из-за гребня.

— Пускай Рябчика! — крикнул Степан и отвязал со сворки Беркута. Волк и собака моментально скрылись.

Снова зарядив карабины, охотники принялись внимательно осматривать следы убежавших зверей. Беспорядочная стрельба по бегущим кабанам оказалась малоудачной: на снегу в стороне лежал один подсвинок, да одна самка, чертя передней ногой, отбившись от табуна, убежала под сопку.

— Надо идти за подранком. Вишь, за ним и Беркут устремился, — предложил Степан.

Спустившись с сопки, они дошли до ключа. Раненая свинья пыталась уйти по нему вниз, но тут ее настиг волк. Убив подранка, он лежал тут же рядом в ожидании хозяина. Похвалив Беркута, Степан взял его на поводок. Охотники вернулись к месту, где встретились с табуном. Стащили кабаньи туши в одно место. Нужно было хорошо упрятать добычу от вездесущих ворон: надежно обложить туши лапником...

Тем временем Богатырев-старший брел по следу лося. В морозной тишине спящего леса он слышал далекие, едва различимые звуки выстрелов. По их частоте и беспорядочности он понял, что охотники наткнулись на кабанов. Лося, за которым шел Богатырев, привлекали заросли тальника. Зверь часто останавливался, обкусывая тонкие побеги лозы. Иногда он грудью нагибал молодые осинки, пропуская их между ног, легко достигал вершины и объедал гибкие ветви.

Свободно продвигаться по мари Богатыреву мешала пожелтевшая осока, свисавшая густыми прядями с высоких кочек. К счастью, на пути попался торфянистый ключ. Ступив на лед и убедившись в его достаточной прочности, он пошел по нему. Бесшумно пробирался охотник кривулистым руслом, озираясь по сторонам. Следы лося по-прежнему тянулись по берегу. Зверь делал короткие шаги, подолгу стоял на одном месте: на таких следах снег плотно спрессовывался и обледеневал. Видно по всему: сытое животное было спокойно и подыскивало место для отдыха.

Тальник сменился густой низкой порослью молодых лиственниц. Оглядев их, Богатырев повернул голову вправо, где виднелся молодой осинник, затем снова бросил взгляд на лиственничник и — замер на месте. В нескольких шагах от него за густой сеткой зарослей стоял высокий горбоносый лось. Большие уши зверя были направлены в сторону охотника, спугнувшего его с лежки. Молниеносным движением карабин был сброшен с плеча и прижат к щеке. Прищурившийся глаз охотника увидел на конце золотистой мушки черное плечо насторожившегося зверя. Грохот выстрела словно покачнул лося. Он развернулся, но вторая пуля, пронзив его тело посередине, сковала движения. Бык накренился и, ломая молодые деревца своей массой и огромными рогами, повалился на бок...

В этот день первой пороши удача сопутствовала не всем членам бригады. Матвей с Маркиным вскоре нашли свежие следы кабанов. Табун разбрелся и мирно пасся в густых пихтачах. После длительного скрадывания Матвей не выдержал и выстрелил преждевременно по кабану, стоявшему в густом кусту орешника. Пуля срикошетиwała, табун напугался и, стронувшись с места кормежки, шел без остановки.

Разгоряченные охотники долго преследовали кабанов. Задевая деревья, они вызывали на себя снежные обвалы кухты. Одежда вскоре промокла. Выбрав сухой кедр, зверобои подожгли его. Когда дерево, подточенное огнем, рухнуло, они стащили в общую кучу обломки ствола и сучьев. У жаркого костра пересушили одежду, сварили немудрящий обед. Силы вернулись к ним, но день клонился к исходу. Теперь уж не догнать кабанов. Оставалось одно: возвращаться в зимовье, а по пути, может, и выпадет какая удача.

Спустившись в глухой ключ, Матвей обнаружил медвежий след. Он петлял по косогору, тянулся к каждому большому дереву.

— Гималаец прошел, берлогу ищет. Может, последим? — предложил Матвей.

— Поздно вато, но, коли он попутно идет, можно и пройтись.

Поглядывая на опускающееся к горизонту солнце, зверобои прибавили шаг. Они не были уверены, что медведь заляжет в берлогу, и поэтому осторожно крались по следу. В густых зарослях пихтача след казался особенно свежим. Медведь то шел старыми кабаньими тропами, то забирался на поваленные деревья. Интересуясь сухостоем, он поворачивал к каждому пню, обходил вокруг, на некоторые поднимался, проникал в обширные дупла. Вымазав лапы в коричневой трухе, следил ими по чистому снегу. Затаив дыхание, продвигались охотники, боясь спугнуть зверя на следу.

Впереди показалась огромная старая лиственница, следы вели к ней. «Залез!» — в один голос с облегчением прошептали охотники. Осторожно обойдя несколько раз вокруг дерева и пристально рассмотрев на его поверхности свежие царапины медвежьих когтей, они

увидели на большой высоте черное отверстие в стволе, недавно прогрызенное медведем. Отойдя немного в сторону, посоветовались:

— Снизу лесина ядреная, пустоты нет,— заметил Матвей.

— Да, видать, высоко лежит, как выживать будем? — сокрушался Маркин.

— Свалить — сам вылезет.

— Может, его пулей пошевелить?

— А если ты наповал его в дупле уложишь? Тогда хочешь не хочешь — рубить надо, а такую дуру да в два топора — в день не повалить. Давай оставим до другого раза,— окончательно решил Матвей. Его спутник возражать не стал. Не привязывая к сворке собак, охотники направились в зимовье.

Солнце спряталось за лесистую сопку, но небо еще долго светилось голубизной. Постепенно темнели на нем золотистые облака, и густые сумерки стали заволакивать узкие пади, поросшие темным ельником и кедром.

Первым в избушку возвратился бригадир. Он принес лосиную печень и, порезав ее крупными кусками, поставил варить. Затем подошли Степан с Кондратом, сняли с плеч рюкзаки с кабаньим салом и мясом. Теперь этими продуктами бригада обеспечена была вдосталь.

Напилив сырых ясеневых дров, охотники развесили свою мокрую от снега одежду у жарко топившейся печки, а сами прилегли на нары. Приятная истома после трудового дня сковала усталые тела.

— Ну, кто кого добыл? — спросил бригадир. Степан рассказал, как неожиданно на них набрел большой табун во время их отдыха на сопке, как они выбили из него четырех кабанов.

— Кабан хорошо заелся,— добавил Степан,— жирнющий. Секачи уже с табунами ходят: видать, гон нынче ранний будет.

— Вам подфартило! Да и я не промах — одного лося добыл. Правда, бык хоть и большой, да худой: после гона они завсегда такие. Но и то мясо. Что-то Матвей с Маркиным не идут. Знать, далеко утанулись. Однако, печенка уварилась, погляди-ка, Кондрат.

Из-под крышки кастрюли вырвался клуб душмяного пара, и все сразу почувствовали, что изрядно проголодались. Но ужинать не садились, поджидая товарищей. Подбросив дров в печку, Кондрат приоткрыл дверь. В просвет показалась узкая полоска темного неба с редкими яркими звездами. Где-то невдалеке ухал филин.

Лениво взбреднувший Рябчик оповестил о приближении запоздавших. Вскоре к открытой двери подбежали собаки, заскрипел снег, и двое возвратившихся к зимовью промысловиков повесили на гвоздь, вбитый снаружи в бревенчатую стену, свои карабины. Бригада собралась в полном составе.

В Дальневосточном отделении научно-исследовательского института пушнины готовились к полевому сезону. Наташа Суходольская, недавно окончившая аспирантуру, с нетерпением ожидала возможности приступить к самостоятельной работе.

Стойкая, с пышными светло-русыми локонами, ниспадавшими на плечи, с улыбочивыми синими глазами, она скорее походила на актрису, нежели на биолога-охотоведа. Девушка не раз ловила на себе недоверчивые взгляды сослуживцев, и вот теперь она хотела доказать, что мужская профессия охотоведа ей вполне по плечу. Смелостью и выносливостью она наделена не меньше, чем иной юноша, а страстная любовь к избранному делу и настойчивость в преодолении трудностей необходимы, по ее мнению, в равной степени в любой сфере деятельности.

С какой радостью укладывала она спальный мешок и снаряжение в объемистый рюкзак! Наконец-то она покинет свой тесный кабинет, уставленный шкафами с книгами, черепами и полевыми отчетами, и очутится в северных джунглях! Было решено ехать с лаборантом Соловьевым на машине до Сикачи-Аляна, а оттуда на нарте вместе с проводником-нанайцем подниматься на Сихотэ-Алинь. Погрузив в «газик» рюкзаки, лыжи и оружие, распрощавшись с сотрудниками института и получив в напутствие пожелание удачи, Суходольская и Соловьев с трудом втиснулись в машину. Захлопнулась дверца, и выдавший виды «газик» помчал возбужденную Наташу к заснеженным отрогам Сихотэ-Алиня. До Сикачи-Аляна доехали засветло, но все же пришлось здесь переночевать. Утром они вместе с ожидавшим их проводником снова погрузились в машину и углубились в лес. Доехав до Биксура, остановились: дальше дороги не было.

Вытащив из машины нарту, лаборант и проводник уложили на нее все полевое имущество, увязали веревками, надели лямки на собак и стали прощаться с шофером. Он возвращался в город, а остальные уходили в дебри Сихотэ-Алиня.

Наташа без сожаления помахала вслед возвращавшемуся «газику» и, закинув ловким движением за плечо свой одноствольный дробовичок, бодро зашагала вслед за ушедшими в лес людьми и нарткой. Снег на тропе не глубок, поэтому шли без лыж. Перейдя замерзшую реку, проводник снова разыскал едва приметную звериную тропу и пошел по ней. За ним по пятам собаки тащили нарту. Соловьев следовал за санями. На подъемах он помогал продвигать вперед тяжелую нарту. Наташа приотсталала. Она не торопилась догонять своих спутников. Ее переполняла радость встречи с зимним лесом. Наслаждаясь настороженной тишиной, жмурясь от яркого солнца, она следила за перелетающими краснохвостыми дятлами. Все привлекало ее внима-

ние: звериные следы и старые причудливые деревья, крик желны и урчание испуганной белки. Одета в коричневый лыжный костюм, девушка легко перешагивала через поваленные деревья, одежда не стесняла ее движений.

Вдруг в стороне от тропы вспорхнул рябчик, за ним второй. Наташа остановилась, сняла с плеча ружье, зарядила его патроном с мелкой дробью и затем стала осторожно подходить к птицам. Доверчивые рябчики подпустили ее близко. Тщательно прицелившись, девушка выстрелила. Серый комочек безжизненно упал на снег. Второй рябчик перелетел и затаился в густых ветвях одинокой ели, но и он не ушел от меткого выстрела Наташи. Догнав поджидавших ее мужчин, она приторочила к нарте свою первую добычу. Лицо ее покраснелось, глаза от возбуждения расширились и сверкали. Она улыбнулась лаборанту и весело воскликнула:

— Похлебка на ужин обеспечена! Постараюсь еще третьего подстрелить!

Передохнув, отряд продолжал свой путь. К вечеру путники добрались до пустовавшей крохотной избушки рыбаков, что стояла на берегу реки. В ней и обосновались на ночлег. Соловьев быстро отремонтировал нары, сходил с котелком за водой, растопил печь. В походной обстановке он ориентировался хорошо, бывал деятелен, выказывал большую сноровку. Этот бывалый человек вызывал у Наташи чувство глубокого уважения. Соловьеву же казалось, что Наташа занимается не женским делом, и как только обзаведется семьей, бросит полевую работу. Но своих мыслей он ей никогда не высказывал, боясь обидеть ласковую девушку.

Суходольской предстояло изучить питание соболей. Это было темой ее исследований. Для работы нужно было собрать как можно больше материала. И хотя лаборант имел лицензию на добычу зверьков, Наташа понимала, что такое количество соболиных тушек ее явно не устроит. Она решила непременно побывать на промысле у нескольких охотников, чтобы и там обследовать тушки. Охотовед Перекатов советовал ей посетить в тайге Богатыревых. «Олег Константинович зря не порекомендует, — размышляла перед сном Наташа, — пожалуй, к ним-то и надо отправиться в первую очередь».

Утром Суходольская развернула карту окружающей местности и попросила проводника Александра Гейкера показать, где расположено зимовье Богатыревых. Нанаец показал это место, потом рассказал, каким путем лучше всего дойти до него, за сколько дней. Путь предстоял нелегкий. Однако Наташу это не смущало нисколько: в походе время даром не пропадет; они займутся коллекционированием животных. Так и началась первая самостоятельная полевая работа Наташи Суходольской.

После двухдневного перехода Наташа облюбовала для длительной стоянки безымянный ключ. Вода в нем местами не замерзала, что

было очень удобно. На солнцепечном пригорке Соловьев с проводником очистили землю от снега и покрыли ее толстым слоем свежесрубленных пихтовых ветвей. Потом принесли с ключа два плоских камня под жестяную складную печку и натянули палатку. Поверх лапника постелили медвежью шкуру, на которой развернули три спальных мешка. К вечеру жилище было оборудовано. Затопили печку. Приятно запахло свежей пихтой. Воткнув у изголовья заостренную палочку, Наташа привязала к ней стеариновую свечу. После ужина, при скудном ее свете она принялась заполнять полевой дневник.

Коротконогие ездовые собаки, мало пригодные для охоты, свернулись калачиком на лапнике, уткнув морды в свои пушистые хвосты. Они не жаловались на холод, не лезли к столу и терпеливо ждали той минуты, когда хозяин бросит им по одному сушеному карасю. Каждой весной Гейкер ловил карасей впрок. Собирал он и снулюю, погибшую от зимнего замора рыбу, а затем вялил ее на солнце и складывал в амбарчик. Это сооружение стояло на высоких ножках-столбах. Надетые на них дном кверху старые ведра не позволяли крысам залезать в амбарчик по столбам-сваям. Собаки с жадностью поедали карасей с костями и крупной чешуей и чувствовали себя на скудной пище превосходно.

Загрузив печку двумя толстыми ясеновыми поленьями, усталые путники крепко уснули.

Утром, еще до света, первым поднялся Соловьев. Он сходил за водой, затопил печь и поставил варить неизменное охотничье блюдо — кашу. Наташе было неловко оттого, что приготовлением завтрака занимается пожилой мужчина, но, развежившись в своем пуховом мешке, она не в силах была оставить его до поры, пока не нагреется воздух в палатке. Опершись на руку, смотрела она сквозь прорезь палатки на просыпающийся лес, полный сумрака и какой-то скрытой таинственной жизни. После завтрака началась работа: Наташа расставляла ловушки на грызунов, Соловьев насторожил несколько капканов на норку и соболя, Гейкер, взяв на сворку одну из собак, отправился на поиски кабана. К вечеру он принес половину подсвинка и поставил варить мясо. В ожидании ужина Наташа попросила Александра рассказать о лесах, в которых он охотился с малых лет. Бывалый нанаец оказался на редкость несловоохотливым человеком. К тому же его смущало то обстоятельство, что собеседница записывала все его слова и смотрела на него очень пристально. Она засыпала его вопросами, но отвечал он лишь на некоторые. Настойчивость и такт девушки сделали свое дело: к концу беседы старик разговорился, поведал о прежней жизни.

— Раньше на Алой жили нанайцы. В реке много рыба есть. Внизу — карась, сазан, щука. Вверху — ленок, таймень. Осенью — кета придет. Ты, однако, знаешь: нанаец без рыбы — как рыба без

воды — жить не может. Мой отец на соболевку в вершину Алой ходил. Там разного зверя очень много было. Амба охранял. Самой высокой гора — его дом есть. Отец говорил, хочешь хорошо охотиться — тигровый дом ходи, подарок неси, амбу проси.

— Ну и как, помогали вам тигры? — спросила Наташа. Старый охотник промолчал, неодобрительно посмотрел на девушку.

— А далеко ли вы от Амура уходили на охоту?

— Шибко далеко не ходили. За большой сопкой все реки пойдут в Хор. Там охотятся удэ. Наших охотников там нет.

— Ну а теперь здесь есть соболь? — не унималась Наташа.

— Соболь совсем пропадал. След редко-редко найдешь. Потом на Хору русский охотовед соболя пускал. Мал-мал его кормил. Теперь соболя кругом много, много стало. Мой отец говорил: соболь мало — белка много, соболь много — белка мало.

Молчавший до сих пор Соловьев начал расспрашивать Гейкера, на какую приманку берут они соболя и как ставят на него капканы. Беседа между ними затянулась. Не дождавшись ее конца, Наташа забралась в спальный мешок и скоро погрузилась в спокойный сон.

Наутро она встала раньше всех. Ей не терпелось осмотреть ловушки. После завтрака, взяв с собой по куску хлеба с салом, все разошлись по своим маршрутам. Лишь к концу дня вернулась Наташа по своим следам в палатку. В бумажном пакетике она принесла четыре красно-серых полевки и две азиатские мыши и тут же приступила к препарированию. Вскоре пришел Гейкер, принес соболя и трех белок, чем обрадовал оховеда. Осмотрев разложенных на доске полевок, нанаец улыбнулся:

— Тебе хороший охотник. Много зверя поймал! Только кто такую пушнину примет?

Наташа весело рассмеялась, потом постаралась убедить охотника в важности ее работы.

— Полевки — основной корм соболя и других пушных зверей. Их много, но человек не все знает о них. Вы, Гейкер, старый охотник, а скажите, сколько приносит полевка детенышей в год?

— Однако, штук восемь.

— Не угадали. Наша дальневосточная полевка в одном году может принести шесть пометов, и в каждом из них появляется на свет от трех до тринадцати детенышей. Следовательно, общее число их может превышать сорок. Осенью в ее кладовых мы находили по несколько килограммов съедобных корней или по тысяче штук желудей.

По лицу Гейкера можно было понять, что он удивлен: светловолосая девушка знает больше его! И откуда она все это знает?

Послышались шаги Соловьева. В его рюкзаке был всего один кононок, но зато он видел два свежих следа соболя.

Прошло несколько довольно однообразных дней. Охотники при-

носили охотоведу различных зверьков и птиц. Она измеряла и взвешивала их, определяла пол и возраст, брала пробы из внутренних органов, определяла содержимое желудков. Ей очень хотелось самой участвовать в охоте и походах по тайге. Но она не могла производить обмеры и анализы по вечерам из-за скудного освещения и вынуждена была заниматься этим в палатке днем. Мужчинам это нравилось: к их возвращению на табор всегда был готов вкусный обед из дичи.

Скоро трофеи охотников стали скудеть, и группа снялась с табора и направилась к зимовью Богатыревых. Гейкеру не составляло труда вывести их на место: однажды он уже проходил по Алой и видел зимовье. На второй день пути они вышли на Алую, спустились по ее течению к устью и затем хорошо проторенной тропой вышли к цели. В избушке никого не было. В ожидании хозяев Наташа растопила печку и сварила большую кастрюлю супа, вскипятила чай. Соловьев не стал разгружать нарту: неизвестно, примут ли их Богатыревы, не пришлось бы ставить свою палатку. На такой случай они напилили и накололи дров, нарвали два снопа вейника.

Вечером к зимовью подбежала собака. Ее внимание привлекли прежде всего незнакомые псы. Она подбежала к ним и, дружелюбно махая хвостом, начала обнюхивать пришельцев.

— Хорошая примета, — заметил Соловьев, — ежели хозяйская собака с лаской, то ссоры не будет.

Вскоре послышался скрип шагов, из лесу вышли Иван Тимофеевич и Матвей. Стоявшая у избушки нарта не удивила их: не раз навещались к ним инспектора и охотоведы, но когда Богатыревы вошли в зимовье и увидели на скамейке мило улыбающуюся девушку, они опешили — женщина еще никогда не переступала порога этого промыслового жилья, затерявшегося в малодоступных дебрях Сихотэ-Алиня.

— Кого же это к нам бог послал? — С этими словами Иван Тимофеевич протянул руку Наташе, назвав свою фамилию.

— Охотовед Суходольская, — скромно отвечала Наташа. Она пожимала руки охотникам, а исподволь любовалась Богатыревым-старшим. «Прав Перекатов, называя его Ильей Муромцем, ну до чего ж похож!» — думала она про себя.

— Первый раз вижу охотоведа в юбке! — выпалил Матвей, напуская на себя молодецкую развязность.

— Так она же не в юбке, а в штанах, да и носит их лучше тебя, — стараясь урезонить сына, пробасил Иван Тимофеевич и начал снимать с себя серую армейскую шинель.

— Куда же вы путь держите? — снова обратился он к Наташе.

— К вам прибыли, Иван Тимофеевич, по совету Перекатова. Если не откажете, хотим с вами месячишко пожить, — и она мельком взглянула на Матвея.

Тот от растерянности проямлил:

— Тесновато у нас будет, — но тут же устыдился своих слов и смущенно замолчал.

— В тесноте, да не в обиде, — решительно сказал Иван Тимофеевич. — На общих нарах мужикам места хватит, а вам отдельные соорудим.

Пока Богатырев расспрашивал гостью о цели ее прибытия в тайгу, подошли остальные промысловики. Присутствие женщины взбудоражило всех зверобоев: они и рады были ей, и боялись, как бы не прибавила она им хлопот. Но уже с первых минут общения с ней все поняли, что Наташа — самостоятельная девушка, умеющая быть не в тягость окружающим. Да и жизнь леса, хотя и по книгам, знает не так уж плохо.

За общим ужином все расхваливали приготовленный Наташей суп.

— Оставайтесь у нас стряпухой. Мы вам и пай выделим из добытой пушнины, — полушутя, полусерьезно предложил Степан.

Наташа поблагодарила за предложение. Она готова была пустить в ход все свои познания в кулинарии, лишь бы охотники приносили ей как можно больше звериных тушек для анализов и она могла бы наблюдать за промыслом.

ДРЕВЕСНАЯ БЕРЛОГА

Увлеченные пушниной, Матвей и Маркин так и не удосужились сходить за найденным в листовнице медведем. Недостатка в мясе не было, и они решили взять его перед отъездом с промысла. Появление в зимовье девушки возбудило у молодых парней желание как-то проявить себя. И Матвей вспомнил об этой берлоге. И хотя взять медведя представлялось делом трудным, это был подходящий случай блеснуть своей охотничьей удалью. Он предложил Наташе принять участие в охоте.

— Вы на серьезных охотах, поди, не бывали, хотите посмотреть, как добывают медведя? Есть у нас на примете неподалеку берложка, может, сходим?

— С удовольствием, — ответила девушка. — Я и фотоаппарат прихвачу. Но почему вы мне разрешаете только смотреть? Я хочу участвовать. Вы мне должны, как женщине, предоставить право первого выстрела.

— Медвежья охота — дело не женское.

— Не согласна. Я знала колхозниц, убивавших медведей, и даже изнеженные дворянки в старину охотились на этого зверя. К тому же я охотовед.

— Уговорили, так и быть — стрелять будете первой.

Матвей не прочь бы идти на берлогу вдвоем с Наташей, но, по-

нимая сложность предстоящей охоты, он предложил Маркину идти с ними. Тот отказался: стоит ли отрываться от соборевки, попусту тратить время, когда еще неизвестно, удастся ли взять зверя! Соловьев же согласился сразу.

За завтраком Иван Тимофеевич шутил:

— Не взять тебе нынче, Матвей, медведя. Белогрудка — зверь шустрый, гляди да гляди в оба, а ты на Наташу глаза пялить будешь!

— За меня, батя, не беспокойся, а в случае чего Наташа и сама не промахнется,— чуть покраснев, отвечал Матвей.

Встав из-за стола, все торопливо засобирались. Наташа еще с вечера зарядила к своему одноствольному дробовику четыре патрона тяжелыми пулями и положила их в карман куртки. Она всерьез собиралась стрелять по медведю, а кроме того, надеялась сделать несколько хороших снимков: то-то позавидуют ей в институте! Матвей прихватил двух собак, взяв их на поводки: попадется свежий след — уйдут, а на берлоге собаки неожиданно могут понадобиться.

Медвежатники покинули избушку раньше всех. Сперва шли тропкой, потом пересекли ключ и полезли на сопку. Подъем был настолько крут, что приходилось хвататься за кустарник и стволы молодых деревьев. Стало жарко. Заметив, что Наташа устала, Матвей передал ей поводок от Кучума.

— Пускайте его вперед и крепко держитесь за сворку. Он вас на любую сопку вытянет!

Наташа благодарно улыбнулась своему спутнику: идти за сильной собакой было куда легче! Поднявшись на водораздел, охотники пошли вдоль него. Здесь росли высокие кедры и березы, старые дуплистые липы. Особенно обширные кроны были у ребристых берез. Они как шатрами накрывали своими ветками заросли лещины и клена зеленокорого. Пройдя около часа, Матвей повернул на север и начал спускаться в неглубокий распадок. Соловьев и Наташа неотступно следовали за ним.

— Вот видите — старые наши следы,— обратился он к Наташе,— скоро придем.

Впереди показалась могучая лиственница, окруженная пихтами и елями. Ее вершина, поврежденная некогда гнилью, обломилась от ветра и зияла черной дырой.

— Вот и берлога! — указал на нее Матвей.

— Что же вы шумите,— заволновалась Наташа,— медведь может услышать и уйти!

— Он лежит высоко.

Задрав головы, охотники рассматривали медвежью берлогу, находившуюся на высоте не менее двух десятков метров.

— Как же мы его выгоним из такого дупла? — удивилась Наташа.

— Попробуем, — ответил Матвей. Он достал из заплечного мешка топор, вырубил длинную кленовую жердь и со всего размаха несколько раз хлестанул ею по стволу лиственницы. Звонкие удары, казалось, разбудят косолапого, но тот не подавал ни малейшего признака жизни.

— Ну как, ваш аппарат на чеку? — осведомился Матвей. — Сейчас попробую щипнуть его пулей. — С этими словами Матвей отошел от лиственницы. Прицелившись в сплетение толстых суков дерева, поверх которых, по его предположению, лежал медведь, выстрелил. Немного подождав, он послал пулю чуть-чуть ниже входного отверстия. Ударившись о противоположную стенку дупла, она подняла пыль, вышедшую из темного лаза подобно струйке дыма. Но и после второго выстрела все было по-прежнему тихо.

Наташа, с открытым аппаратом ожидавшая появления медведя, то ли от нервного напряжения, то ли от холода, начала дрожать. Она уже не верила, что в этом старом дереве лежит гималайский медведь. А если он там, то какой же это робкий и нерешительный зверь!

Потеряв надежду поднять медведя обычным приемом, Матвей решил залезть на дерево. Заглянув в берлогу, он напугает медведя, заставит его вылезти наружу. Соловьев уговаривал парня не делать этого: сучья у старого дерева крохкие, да и медведь может столкнуть, а упасть с такой высоты — верная смерть для человека. Напрасно убеждала его и Наташа воздержаться от отчаянной затеи. Спокойно улыбаясь, словно дело заключалось в том, чтобы достать несколько шишек, Матвей возразил: риск невелик, по деревьям лазят все ребята, бояться тут нечего. Кстати, у самого дупла отходит в сторону толстый сук, по которому можно удалиться от берлоги и пропустить мимо себя медведя.

— Я полезу, а вы уж тут не зевайте, — смеясь, сказал Матвей. — Надеюсь, Наташа, из винтовки стрелять умеете? Так вот, берите мой карабин и караульте на этом месте, а вам, Соловьев, придется зайти с другой стороны лиственницы.

Сняв с себя рюкзак и удостоверившись, что нож при нем, Матвей подошел к пихте, росшей рядом с лиственницей, и, не снимая кожаных рукавиц, ловко полез на дерево. Добравшись до вершины пихты, он обхватил ствол лиственницы и перелез на него. Мягкие лосиные олочи не давали ногам скользить по шелушащейся коре. Скоро он достиг первой толстой ветки и, прислонившись к стволу, сел на нее, беспечно свесив ноги. Передохнув, начал осторожно подниматься выше. И по тому, как уменьшалась его фигура, Наташа поняла, насколько высоко он забрался. Ее сердце сжималось от страха за Матвея. И зачем только он полез!

Может быть, при других обстоятельствах молодой охотник действовал бы иначе, но внизу стояла Наташа. Он чувствовал ее взгляд, полный тревоги, и это чувство придавало ему уверенность и силу.

Матвей достиг сука, выше которого в полутора метрах находилось черное отверстие берлоги. Из него в любую минуту могла показаться голова рассерженного медведя. Последний раз отдохнув, охотник встал, прошелся по суку, придерживаясь за тонкие прутья, свешивающиеся над головой. «Как бывалый матрос на рее», — мелькнуло в голове Наташи. Убедившись, что у него есть на случай путь к отступлению, он тихонько направился к берлоге. «А что, если медведь тоже пойдет по этой ветви и столкнет меня с дерева? — подумал Матвей. — Нет. Медведь должен торопиться слезть на землю, он боится человека, а я уступлю заранее ему дорогу».

Подойдя к отверстию дупла, он осторожно положил руку на его край и заглянул внутрь. Там было темно, пахло прелью и каким-то особым звериным духом. «Неужели медведя нет?» — Матвей мельком глянул вниз. Ему показалось, что улыбающаяся Наташа фотографирует незадачливого охотника. И тогда он нагнулся над темным колодцем и, набрав как можно больше воздуха в легкие, дунул.

Не успел Матвей выпрямиться, как от громкого рева зверя содрогнулась усохшая вершина пятисотлетнего исполина. Стуча когтями по стенкам дупла, медведь тяжело выбирался наружу. Матвей отошел по суку от ствола и, повернувшись к берлоге лицом, одной рукой ухватился за свисавшую над ним ветвь, а другой — машинально сжал рукоять ножа. Из дупла показались передние лапы, высунулась голова. Маленькие злые глаза на мгновение уставились на Матвея, как бы измеряя расстояние: можно ли достать лапой непрошеного гостя? Затем медведь внимательно посмотрел на землю и полез вверх, пока не освободил из дупла задних ног. Оглядевшись еще раз, он начал быстро спускаться с дерева. Сперва он сползал по той стороне, которая видна была Соловьеву. Но нетерпеливый охотник пошевелил головой, и это движение не ускользнуло от осторожного зверя, и он тут же переместился на другую сторону ствола.

Наташа наблюдала, как появился медведь, как начал поспешно спускаться на землю. Она успела дважды запечатлеть на пленке этот интересный момент, но, когда медведь сполз до половины дерева, вспомнила, что у нее за плечом карабин и что надо стрелять скорее. Ей вдруг стало страшно: а что, если промахнется или только ранит зверя? Тогда медведь набросится на нее. Прижимая к щеке холодный приклад винтовки, она мучительно долго ловила на мушку убойное место зверя. Отдача в плечо от выстрела была столь сильной, что девушка пошатнулась. С ревом укусив себя за бок, медведь разжал лапы и большим черным шаром бухнулся на мерзлую землю, но тут же вскочил и, делая крупные прыжки, помчался прочь.

Засмотревшись на убегающего зверя, Наташа забыла, что в таких случаях следует стрелять вторично.

Медведь убежал недалеко, смертельная рана вскоре сковала его движения, и он ссунулся в снег. Все это видел с вершины дерева Матвей.

— Готов! — крикнул он и начал спускаться. Спрыгнув с последней ветки, он подошел к оцепеневшей Наташе, поздравил с отличным выстрелом и, взяв из ее рук карабин, направился к неподвижно лежащему медведю. Соловьев и Наташа последовали за ним.

— Когда вылезал из дупла, он показался мне медвежонком, а ведь в нем поболее ста килограммов, — заметил Соловьев, переворачивая медведя и рассматривая пулевое ранение в боку.

— Берите пробы, Наташа, да будем накрывать лапником добычу. Шкура по праву принадлежит вам.

Тщательно обложив от зорких вороньих глаз медвежью тушу еловыми ветвями и накормив до отвала собак, которым так и не довелось поработать по опасному зверю, охотники отправились в обратный путь, который теперь всем показался короче.

Бригада была уже в сборе, когда Матвей со спутниками подошел к зимовью. Ждали их с нетерпением, всем хотелось узнать, как вела себя на охоте Наташа.

— Можешь, батя, поздравить нашу гостью. Настоящий зверобой: с первой пули — и по месту, — с этими словами Матвей вынул из рюкзака медвежье сердце и большой ком светло-желтого внутреннего сала.

После ужина долго не могли уснуть. Каждый вспоминал случаи на медвежьих охотах. Только Наташе нечего было вспомнить: это была ее первая охота на такого крупного зверя.

С этого дня все прониклись еще большим уважением к мужественной девушке, хотя Наташа не видела в своем поступке никакого героизма. На охоте она испытывала два чувства: большую тревогу за Матвея и жалость к безобидному зверю, так сладко спавшему в своем недоступном убежище и разбуженному людьми.

МЯГКОЕ ЗОЛОТО

Приближался Новый год. Охотники решили устроить праздничный ужин и угостить Наташу таежными деликатесами. Женское самолюбие не позволяло девушке отстраниться от кулинарных затей, и она задумала приготовить фаршированные блинчики. В канун новогоднего праздника на удлинненном по сему случаю столе, покрытом белой бумагой, стояли миски с холодцом из медвежьих лап и тала из свежемороженого ленков. Загорелые лица собравшихся за столом звероловов светились улыбками, сыпались остроумные шутки, в ответ на которые дружный хохот могучих людей, казалось, раздвинет низкие бревенчатые стены. Все похваливали отварную кабанину, со-

хатиную колбасу. Наташа впервые ела подобные кушанья. Видя, с каким аппетитом уписывает девушка холодец его приготовления, Иван Тимофеевич с улыбкой погладил бороду.

— Вкусно?

— Очень! Хочу еще себе подложить.

— Первейшая закуска, голубушка, не стесняйся, подкладывай. Медвежьи лапы и на царские столы подавались. Слыхал, что и богдыханы дюже охочи до них были. Я этаким холодцом не раз потчевал больших людей, приезжавших ко мне на охоту. А один откушал студня и говорит: «Вот бы угостить таким блюдом моих приятелей! Нельзя ли, Иван Тимофеевич, как убьешь медведя, послать мне лапы?» Отчего же, говорю, можно. И послал. Приезжает на другой год он ко мне, я и спрости: как медвежий холодец, пришелся вашим по вкусу? «Ох, и было же мне, Иван Тимофеевич, с этими лапами! — отвечает. — Я находился на работе, когда твой сын принес сверток и ушел. Развернула жена бумагу и ахнула. Звонит мне по телефону, голос дрожит: «Тут тебе от Богатырева передали, а что — не пойму, уж больно страшное». Это медвежьи лапы, — догадался я, — отменный холодец сделаем, гостей удивим. «Нет, милый мой, я их и в руки не возьму, они на человечьи ноги похожи». Пришлось самому варить холодец...»

Наташа внимательно слушала рассказ и покачивала головой:

— Да, можно представить, как растерялась женщина, получив такой подарок. Ну что ж, а теперь я угощу вас блюдом, которое так любит мой отец. — И с этими словами Наташа взяла с печки сковороду, поставила на стол, сняла с нее эмалированную крышку.

Избушка наполнилась непередаваемо вкусным ароматом. В объемистой сковороде до краев лежали румяные, аппетитные фаршированные блинчики.

— Ай да стряпуха! — воскликнул Иван Тимофеевич. — Такие блины с языком проглотить можно. Матвей! Достань-ка жбанчик. Время, поди, уж к двенадцати. Новый год и нам надо встретить как полагается!

На столе появилась трехлитровая стеклянная банка. Матвей разлил вино по эмалированным кружкам, одну из них протянул Наташе.

— Так много! А я не опьянею? — воскликнула она.

Когда все разобрали кружки, Иван Тимофеевич поднял свою:

— Давайте выпьем за удачную охоту и здоровье нашего охотоведа — Наташи!

Наташа отпила из кружки маленький глоток темно-рубинового, приятно пахнущего вина. Оно оказалось удивительно легким, сладким и душистым. Она снова припала губами к кружке и осушила ее до дна.

— Где вы, Матвей, достали десертное вино? Это, кажется, чер-
ный мускат? — спросила Наташа.

— Дело нехитрое. Когда мы приехали в зимовье, виноград
кое-где не осыпался. Вот я и собрал его. Добавил сахарку, он сам
и забродил. Виноделы рассказывают, что из нашего дикого амурского
винограда вино лучше, чем из крымского. А вот что за чудо — начин-
ка в блинчиках? Как вам это удалось?

— Не будь у вас мясорубки, конечно, у меня ничего бы не по-
лучилось. А фарш, вы знаете, я сделала из рябчиков. В старину такое
блюдо называли тертыми рябчиками.

Ужин длился долго. После сытной еды пили чай с лимонником
и конфетами, припасенными девушкой. Вечер удался на славу. Ната-
ша с особым удовольствием отметила про себя, как легко и хорошо ей
с этими грубоватыми с виду, но душевными людьми. В ее памяти не-
вольно всплыли званые обеды, где подчас царила или излишняя чо-
порность, или легкая развязность, граничащая с пошлостью. Здесь же
все дышало простотой, скромностью и врожденным тактом, а истинно
русское остроумие охотников вызывало у нее порой приступы неисто-
вого смеха до слез.

Январь принес устойчивую ясную морозную погоду — самое вре-
мя промысла пушнины. На снегу все чаще встречались свежие собо-
линые следы. Интересовали охотников не только соболя, они ловили
выдр и норок, колонков и харз. Промысловики расставили около
трехсот капканов и несколько десятков кулемок — самодельных де-
ревянных ловушек. У каждого были свои постоянные путики. Осма-
тривать их охотники ходили с дробовиком или винтовками: на слу-
чай, если попадет белка, рябчик или крупный зверь. Соловьев тоже
насторожил десятка два капканов на соболей вдоль двух ключей. Гей-
кер охотился преимущественно за белками, а при случае брал соболя
«рукавчиком» — ловушкой из рыболовной сетки.

К приезду Наташи Суходольской у охотников накопилось много
соболиных и колонковых тушек. Она размораживала их и поочередно
обрабатывала, фиксируя пробы в маленьких пробирках и пакетиках.
Взвесив и измерив каждую тушку, она привязывала к ней этикетку
и аккуратно складывала в фанерный ящик, хранившийся на морозе.
Когда весь материал был обработан, охотовед тоже стала покидать
избушку. Сначала она помогала Соловьеву осматривать капканы и за-
менять в них приманку, а потом напросилась к Ивану Тимофеевичу.
Тот согласился и повел ее по своим тропам. Подходя к месту, где был
установлен капкан, Богатырев старался издали рассмотреть, цела ли
приманка и не засыпано ли снегом спусковое устройство. Даже при
безоблачном небе такое могло случиться: полуденный ветер сбрасы-
вал с ветвей кухту, и она падала на землю комьями или рассыпалась

крупнозернистым снегом, заваливая ловушки. Приманкой в капкане интересовались многие обитатели леса: ее утаскивали птицы, поедали мелкие грызуны и землеройки. Нередко от их прикосновения ловушка захлопывалась впустую, а бывало, что из капканов и кулемок вынимали вместо пушных зверьков соек и даже сов.

Для осмотра всех своих ловушек Ивану Тимофеевичу требовалось три дня. Разместил он их на трех путиках и возвращался к осмотру каждого через два дня. Как-то Наташа увидела в стороне от тропы кучу еловых ветвей, над которой висела красная тряпочка.

— Это вы, наверное, кабана так укрыли? — спросила Наташа. — А лоскутик зачем повесили?

— Красного цвета все звери боятся, — объяснил Богатырев.

Наташа усмехнулась:

— Долго думали, что и быков раздражают красные плащи то-реро, а потом узнали, что бык совсем не различает красного цвета, его приводит в ярость колебание плаща. Может, и у зверей так?

Они подошли к вывороченному ветром кедру. В его корнях стоял капкан. Заструганная палочка, прикрепленная к нему, сдвинулась — значит, кто-то попался. Богатырев приблизился к выворотню и, потянув за проволоку, извлек замерзшего соболя. Освободив добычу из стальных дужек, Иван Тимофеевич передал ее Наташе, а сам достал из кожаного мешочка свежий кусочек мяса, снова насторожил ловушку и поставил ее на прежнее место. Пышная шерстка на мертвом собольке жила и переливалась смолистыми темно-коричневыми оттенками. Почти не ощущая нежных густых волосков, девушка гладила шелковистый мех с редкими сединками, словно усыпанный изморозью, любовалась им.

Так шли они от капкана к капкану, пока не закончилась тропа.

— Теперь можно и чайку испить. Давай спустимся в ключик. Здесь есть пропарины, а то чай из снега невкусный, — предложил Богатырев.

Развести огонь для него было делом одной минуты. Воткнув наклонно над костром вырезанную ореховую палку, он навесил котелок, наполненный чистой ключевой водой, смахнул с валежины снег и, устроившись на ней, словно на лавке, достал из рюкзака хлеб и вареный свиной окорок.

— Тут до нас завтракал изюбр. Видишь, кору с ильма обглодал, а вот белка кормилась, пустую шишку бросила. Теперь мы с тобой подкрепимся. Проголодалась? Смотрю я на тебя и думаю: моих девок в лес на веревке не затянешь — в город рвутся, а ты — городская, по своей воле в лес пошла. Что тебе в нем проку, да и, поди, стеснительно среди мужиков?

— Вы мне, Иван Тимофеевич, как отец, я вас не стесняюсь. А в лес я пришла по воле сердца. С детства полюбила животных. Теперь хочу изучить их жизнь, повадки, а потом написать книгу. Вот вы

ходите за соболем, чтобы добыть зверька и снять с него шкурку, а я иду и измеряю, сколько он прошел за ночь, что съел, чем интересовался.

В котелке закипела вода. Наполнив большие кружки душистым чаем, путники принялись за еду. Согревшись и отдохнув, они тронулись в обратный путь, не ведая, что их уже поджидает в зимовье Перекатов.

Иван Тимофеевич очень обрадовался прибывшему охотоведу. Они обнялись и по русскому обычаю расцеловались.

— Ну, а вас, Наташа, поцеловать можно? — улыбаясь и пожимая озябшую руку девушки, спросил Перекатов.

— Вам позволить — и другим захочется, а вас тут столько, что мне со всеми не управиться, — отшутилась она.

Когда все возвратились, за ужином Иван Тимофеевич посвятил Перекатова в свои дела:

— Мясных зверей взяли достаточно: и на еду себе, и собакам, и на приманку хватает. Сперва по малоснежью белку хорошо брали, в иной день до дюжины на ружье приходилось. Теперь белка залегла, но все же по три-четыре в день попадает. Пошел в капкан соболь, вот мы и переключились на него. Правда, последние дни и он стал реже ловиться. То ли сыт, то ли приманка не по вкусу наша, вот и отшатнуло его от ловушек.

— А вы древесные капканы не ставили? — поинтересовался Перекатов.

— Так они ж на белку, — заметил Степан.

— Попробуйте на соболей приспособить. Пружина крепкая, удержит его. Ставьте капканы пониже, прямо на стволе кедров или елей. Приманку, конечно, нужно мясную, да меняйте почаще: не идет на мясо зверя, — вы ему рябчиков, приелся рябчик — можно предложить мороженую рыбку. Между прочим, соболь не меньше норки уважает хариуса и ленка. У вас эта рыбешка всю зиму на короеда ловится. Словом, все испробуйте, все силы приложите, а сто двадцать соболей промхозу надо сдать.

— Как подфартит, а то и половины не возьмешь, — робко вставил Маркин. — Тайга зверем нынче обедняла.

— Говоришь, тайга скудеет? Тигров да кабанов меньше стало?

— Тигров, по мне, хоть век не будь. Белки нет, а она для нас — «черный хлеб». Бывало, в иной день по сотне наколачивал, теперь и десятку рад.

— Белки действительно поубавилось, но зато соболя стало во много раз больше. Ты забыл вкус «черного хлеба», потому как соболей десятками берешь. Что — «белый» приелся?

— Соболь и в старину водился, — не унимался Маркин.

— Было, да не столько. А что скажешь о новых зверьках, кото-

рых в наших лесах совсем в старину не видывали? Сколько норок в прошлом году Богатыревы сдали?

— На пятьсот рублей, — вставил Матвей.

— Ну вот, а еще мы для вас ондатру расселили. Скоро бобров промыслять разрешим. Сокрушаться охотнику нет причины: охотоведы заботятся об увеличении пушных богатств.

— Неужто, Олег Константинович, замышляете еще заморских зверей в край завозить? — вмешался Иван Тимофеевич.

— Есть у меня задумка: акклиматизировать на Сихотэ-Алине шиншиллу. Слышали про такого зверька из Южной Америки?

— Откуда же нам знать о нем. А он наших соболей не потеснит? — заинтересовался Иван Тимофеевич.

— Шиншилла — грызун. Питается растениями. Это безобидный зверек с повадками маленького кролика. Похож по виду на белку. Хвост покороче, вес — немного больше. Живет между скал, кормится по ночам. Дымчато-серебристый с голубоватым оттенком мех шиншиллы ценится очень высоко.

— Дороже соболя? — воскликнул Матвей.

— В мире у трех зверей драгоценный мех: калан, шиншилла и наш соболь. Каждый из них хорош по-своему, и по цене они друг другу не уступают.

— Да, такого зверька к нам не мешало бы завезти. Кормов разных вдосталь, разве что харза да колонки обижают его станут, — заметил Иван Тимофеевич.

Перекатов промолчал. Его тоже беспокоил вопрос: сумеет ли шиншилла устоять против многих хищников северных джунглей?

— Ну, а ты, Роман, чего молчишь, сколько соболей взял? — спросил вдруг в упор Перекатов Маркина. Охотник вздрогнул, глаза его забегали, и он, как-то весь сжавшись, промямлил:

— Маловато, место мне досталось пустое.

— Не фартовый он у нас. Старается, да хватки нет, — заметил добродушно Иван Тимофеевич.

От внимательных глаз охотоведа не ускользнула плутоватая растерянность Маркина. «Не скрывает ли этот «неудачник» где-нибудь в дупле добытых соболей», — подумал он, но не высказал своего предположения: ведь сам настойчиво рекомендовал Маркина в бригаду.

— Ну как, Степан, твой волк поживает, идет за кабаном? — спросил Перекатов, желая переменить тему разговора.

— Поначалу вроде бы хорошо пошел, думал, вожак у собак станет, да вот беда: идет за зверем, а догонит — молча душит. В охоте он — большой мастер, но собакам нужно голос подавать, тогда они подваливают. Молчаливого вожака они не понимают. Да что собаки, он и меня за охотника не признает. Учил я его, учил, а чем больше с ним

хожу, тем больше вижу, что не он за мной, а я за ним должен следовать. Сдается мне, здесь в лесу он дичает.

— Вряд ли,— в раздумье проронил Перекатов.— Процесс одичания у зверей и птиц более трудный, нежели их приручение. Дай твоему волку полную свободу — не выживет он в лесу, к человеку вернется.

Подоспел чай. Наташа на правах хозяйки подала кружку Перекатову:

— С чем будете пить, Олег Константинович: с сахаром или конфетами?

— Хороший чай нужно пить без сахара, тогда он аромат не теряет.

Разговор продолжался.

— Долго вы у нас пробудете? — спросил охотоведа Иван Тимофеевич.

— Рад бы погостить, да нужно и у других охотников побывать, а у вас, я вижу, дела и без того ладно идут. В феврале с пушниной, видно, управитесь — и за ловлю живых зверей. Вот только волку челюсти крепко связывайте, а то животных покалечит. Как, Наташа, не мерзнете в тайге? — с улыбкой взглянул на девушку Перекатов.

— Как же можно мерзнуть, когда тигры и индийские куницы здесь превосходно себя чувствуют. Ведь мы находимся на широте Черноморского побережья.

— Да,— усмешливо воскликнул Перекатов,— широта у нас крымская, да долгота колымская! Лето — как в Индии, а зима — как в Сибири.

— Ну что же, «кто не мерз зимой — тому не оценить лета», — сказал один путешественник. У меня спальный мешок на гагачьем пуху, мороз его не прошибает.

Перекатов, подморгнув Наташе, обратился к Матвею:

— Может, споем, Матвей Иванович? «Эх, мороз, мороз! Не морозь меня...» А Наташа подпоет.

— Наш Матвей-то поет,— вмешался Иван Тимофеевич,— да голос его, что у телка, когда он есть просит.

Все рассмеялись, и вечерняя песня не состоялась.

Утром зверобои уходили на свои путики. Наташа, передав Перекатову письмо для своих родителей и поблагодарив его за поданную мысль посетить Богатыревых, распрощалась с охотоведом. Покидал он приветливое зимовье с легкой грустью.

В однодневном переходе от зимовья Богатыревых у невысокой горелой сопки ютилась приземистая подслеповатая избушка, покрытая землей и дерном. Принадлежала она охотнику Подлещуку. Когда-то он работал в торговой системе, был уволен и, не найдя для себя подходящего другого дела, пошел в кадровые охотники. Но постигнуть в совершенстве искусство следопыта не было ему дано. Охотился он в одиночку и кичился своим отшельничеством. «Вдвоем да втроем прожить в лесу зиму — не диво. Приучить себя быть в тайге одному — вот предел человеческого терпения», — часто говаривал он. Однако истинная причина его нелюбимости была далеко не столь романтической.

Подлещук браконьерничал: он утаивал часть добытых соболей от заготовителей и продавал на «черном рынке». Такие махинации проходили для него безнаказанно потому, что отсутствовали свидетели, которыми могли стать напарники по охоте. Их-то и избегал Подлещук. Но, как говорится: добрая слава на месте лежит, а худая — бежит. Многие догадывались о темной торговле, но уличить его пока никому не удавалось.

Все это знал и Маркин. Вот почему в один из январских дней пробирался он нехоженой тропой к избушке Подлещука. В котомке за спиной лежали шесть собольих шкурок. «Бригадир-то и не ведает, какой я «нефартовый», а узнал бы — прогнал с зимовья. Ну да лад с ним. Уговорю соседа взять собольков, тот сумеет сбыть их подороже. Обоим выгода будет», — размышлял Маркин.

Подлещука он застал в барачке. После ужина рассказал о Богатыревых, как не по нутру ему эти праведники. Предупредил о возможности прибытия сюда Суходольской.

— Ты ей тушки соболей не показывай: она их перепишет, а потом с тебя потребует сдать столько же шкурок. Да и вообще, уши не развешивай. Она хоть и девица, а глаз — острый, и в нашем деле кое-что соображает.

Переночевав у своего приятеля, Маркин вернулся лишь на второй день. Отлучку объяснил тем, что гнался за медведем, стронутым кем-то с берлоги, и ночевал-де «на следу под кедрой». Ему поверили: ночевки в лесу далеко утянувшихся охотников — дело обычное. Как он и предполагал, Суходольская укладывала свое снаряжение, готовясь отправиться к соседствующим с Богатыревым промысловикам все с той же целью: обработать тушки животных, собрать сведения о промысле. Помогал ей Матвей. Он вызвался сопровождать охотоведа и был очень рад возможности побыть подольше вместе с понравившейся ему девушкой.

Первым, к кому они направились, оказался Подлещук. Как ему хотелось тут же выставить непрошенных гостей!

— Тесно у меня в барачке, не поместимся, — проворчал он после сухого приветствия.

— Давайте, Наташа, поставим рядом палатку, — предложил Матвей. Девушка охотно согласилась и решительно шагнула к порогу.

— Ладно уж, оставайтесь. Только нары отдельные сделайте, — нехотя согласился хозяин, надеясь, что пришельцы пробудут здесь недолго.

Ночью Подлещук спал дурно, его беспокоила мысль о настороженном у тропы к солонцу самостреле. Будучи плохим охотником и не имея сноровки в скрадывании сторожкого изюбра, Подлещук прибегнул к недозволенному способу охоты. Он привязал у звериной тропы одноствольный дробовик, заряженный самодельной тяжелой пулей, направив ствол на ход зверя. Пойдет олень, заденет шнурок, и ружье само выстрелит. Раненный в грудь или живот изюбр погибнет. Найдет его по следу браконьер, разрубит на мелкие куски и будет ловить на эту приманку соболей. «Как бы не обнаружили его прибывшие. Чуть развиднеется, пойду сниму», — подумал Подлещук.

Под утро пошел снег. Целые сутки тихо падали крупные хлопья. Окружающий лес изменился до неузнаваемости. Когда снегопад прекратился, хозяин барачка заторопился в лес. Удивленная Наташа советовала переждать еще денек: ветер собьет кухту, и они вместе сходят. Но охотник все-таки ушел. К вечеру он не вернулся. Не дождались его и на второй день.

Проклиная в душе гостей, покинул Подлещук свою избушку. Скоро он увидел свежий след табуна, пересекавший его тропу. Сблaзи подстрелить кабана был настолько велик, что охотник изменил своим планам: он устремился по следу, полагая сразу после охоты вернуться к самострелу.

Кабаны долго шли гуськом, оставляя за собой хорошо пробитую в снежных сугробах борозду. Найдя под снегом заросли хвоща, кабаны разбрелись. Всюду виднелись обрывки травы и пятна зеленой слюны. Мягкий снег позволил близко подойти к свиньям. Охотник долго выбирал в спокойно пасущемся табуне самую большую чушку. От грома выстрела звери всполошились, и не успел он перезарядить ружье, как они исчезли. Лишь сопение донеслось из глубины леса, и все стихло. На месте, где только что стояла старая свинья, охотник увидел срезанные пулей шерстинки и, хотя крови не обнаружил, понял, что она ранена. Пройдя некоторое расстояние, он заметил на снегу кровавые капельки. Подранок свернул в густую чащу. Долго преследовал его Подлещук. Кухта сыпалась на него беспрестанно, подтаивала на куртке. Наконец ему удалось настигнуть свинью.

Разделав добычу и укрыв ее лапником, он поднялся на косогор

и тут с досадой отметил, что солнце уже склонилось к западу. «Надо торопиться, а то не успею засветло снять самострел», — подумал Подлещук и быстро пошел. Вот и ключ, вдоль которого вьется излюбленная тропа, но где стоит настороженное ружье — выше или ниже того места, куда он вышел? Подлещук внимательно осмотрелся по сторонам, прошел немного вверх по едва приметной тропе, затем повернул обратно. Он искал глазами накренившуюся старую ель, недалеко от которой находилось смертоносное оружие. Не заметить ее невозможно.

Не знал браконьер, что под тяжестью снега ель рухнула на землю и ориентир исчез. День угасал, и Подлещук забеспокоился: завтра на это место могли прийти люди. Солнце еще золотило высокие вершины заснеженных сопок, а полумрак уже наполнял густые ельники. «Видать, высоко вышел я на тропу», — предположил он и торопливо зашагал по ней.

Много раз видел он, как рыхлый снег, облепляя тонкие лианы, образует причудливые белые гирлянды. Вот и теперь он принял за лиану актинидии преградившую ему путь снежную полоску. Но едва он коснулся ее, перешагивая, как вздрогнул от неожиданно сильного удара в бедро и оглушительного выстрела. Нестерпимая боль пронзила тело. Земля ушла из-под ног. Застонав, он повалился лицом в снег. Сгорая быстро поднялся, но ступить и одного шага не смог.

Прислонившись к дереву и с недоумением обводя взором окружающий лес, он скрежетал зубами от боли и досады. Им овладело отчаяние человека, попавшего в безвыходную ловушку. «Проклятый самострел, — шептал он. — Да, место то самое. Куда же делась ель? Неужто пропаду...» Ощупывая простреленную выше колена ногу, он вымазал в крови дрожащие пальцы. Сняв с плеча рюкзак, он вытянул из колец шнур и туго перетянул им бедро. Кровотечение уменьшилось. Все его тело сотрясал нервный озноб. Очень хотелось согреться, испить горячего чая. Но как развести костер? Разрядив ружье, он попытался, опираясь на него, двигаться на одной ноге, но тут же падал. Ползти можно было только на руках и здоровой коленке, волоча перебитую ногу. Медленно дотянувшись к густой молодой елочке с засохшими нижними ветвями, обломал их, затем, стаскав в кучу несколько валежин, с трудом разжег маленький дымящийся костер. Огонь не согревал. Набрав в котелок снега, он натопил с полкружки горьковатой воды, утолил жажду. Лежа у самого огня на рюкзаке, он обдумывал свое бедственное положение, не теряя надежды на спасение.

«Завтра хватятся... Пойдут искать. Найти нетрудно — след один. Только бы продержаться до утра», — мелькали в голове обнадеживающие мысли. Упорно боролся Подлещук за свою жизнь. Утопая в снегу, он ползал от валежины к валежине, подтаскивал сухие ветви к костру. Сжигал их экономно.

К утру мороз усилился. Вокруг костра на земле не осталось ни одного сучка, ни одной сухой веточки, способных дать пищу огню — от него зависела жизнь. Ползая по снегу, человек обессилел. Он все ниже наклонялся над затухающим огоньком, затем согревал руки над горячими угольками, а когда они превратились в пепел, собрал теплую золу и стал сыпать ее себе за пазуху. Озябшее тело, чуть согревшись, снова начинало коченеть.

В посветлевшем небе гасли звезды, наступил рассвет, где-то вдалеке прокричал ворон, словно ударил кто-то в медный гонг. На земле, накрыв своим телом потухший костер, лежал человек. Он теперь не чувствовал холода. Мокрые от слез ресницы смерзлись. Скорчившиеся пальцы рук сжимали остывший пепел.

Обеспокоенные долгим отсутствием хозяина зимовья Наташа и Матвей отправились на его поиски. Прихватив с собой нарту и собак, они в полдень вышли на след Подлещука. Ночь застала их в нескольких километрах от места его гибели, и только на следующий день они достигли его. Осмотрев тщательно все вокруг, они не стали отвязывать злополучное ружье. Поначалу Наташе казалось, что до прихода милиции нельзя ни к чему прикасаться, но, посоветовавшись с Матвеем, решила не оставлять тело на съедение зверям, тем более что с ними была нарта.

Вернувшись в зимовье, Наташа составила подробный акт о трагическом происшествии. Вечер прошел в тягостном молчании. Чуть свет Наташа и Матвей возвращались в зимовье Богатыревых. В покинутой избушке на нарах лежало бездыханное тело ее хозяина, прикрытое брезентом.

Богатыревы не ожидали, что они столь скоро возвратятся.

— Что случилось? — спросил Иван Тимофеевич, заметив их удрученное состояние. Матвей рассказал о гибели охотника.

— Видать по всему, на свой же самострел наскочил, — закончил он.

Наташа возразила:

— Сами посудите, Иван Тимофеевич, как может охотник забыть о таком опасном месте? Нет, это кто-то другой поставил. Нужно сообщить милиции, найти и наказать виновного.

Выслушав обоих, Иван Тимофеевич в раздумье покачал головой:

— Эх, Наташа, Наташа. Кто пойдет ставить самострел на чужой охотничий участок? Матвей прав, но коль есть сомнение, придется тебе ехать в район и в милиции все обсказать, что сама видела. Пусть едут к нам, а отсюда Матвей проводит.

Непредвиденный случай вынудил Наташу раньше намеченного срока покинуть зимовье на Алой. Но это не огорчало охотоведа: материала собрано вполне достаточно. В течение двух дней они с лабо-

рантом и проводником все пересмотрели и упаковали, хорошенько отдохнули перед дальней дорогой и распрощались с Богатыревыми.

Маркин подумывал сбегать в барачек за своими соболями, да боялся: начнется расследование, не ровен час, обнаружат там его следы и обвинят в случившемся. Пришлось смириться с потерей.

Через неделю районный милиционер с участковым врачом вывезли погибшего на вездеходе. В окончательном заключении по данному делу было сказано, что Подлещук, занимаясь браконьерством, поставил на своем охотничьем участке самострел и по случайной оплошности сам стал его жертвой.

НАЕДИНЕ С ТАЙГОЙ

После отъезда Суходольской и ее спутников жизнь в зимовье Богатыревых снова потекла прежним порядком. Едва брезжил рассвет, зверобой поднимались, готовили обильный завтрак и расходились по своим участкам. Возвращались поздно вечером, опять топили печь, заготавливали на ночь дрова, кормили собак, а после ужина до глубокой ночи снимали с добытых зверьков шкурки. И так изо дня в день. Наташу вспоминали редко, хотя в душе каждого она оставила добрый след. И только у Матвея, сердце которого она тронула больше всех, часто рисовался в памяти ее милый образ. По вечерам он много думал о ней, представляя себе, как успешно работали бы они вместе, изучая жизнь леса; но Наташа окончила институт, а он даже среднего образования не имеет. Это немного огорчало парня, но не настолько, чтоб он перестал мечтать о девушке. Однако в сокровенные мысли свои Матвей никого не посвящал. Бережно хранил он маленькую книжечку, подаренную девушкой в память о совместной охоте на медведя, не раз перечитывая понравившиеся места из «Песни о Гайавате».

Заметив, что сын в свободные минуты берет в руки эту книгу, Иван Тимофеевич обратился к нему:

— Ты бы, Матвей, почитал нам вслух. Поди, об охотниках написана?

— Об охотниках, но только североамериканских. Про индейцев. Да ведь написано в стихах.

— Мы и стихи понимать умеем, — настаивал Степан, — читай!

— Ну, тогда слушайте:

Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивой;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянет,
Но сама с ним неразлучна;
Порознь оба бесполезны!

— Ай да Наташа! Какую книжечку нашему Матвею вручила, знать не без умысла! — лукаво улыбаясь, прервал чтение Степан.

— погоди, не перебивай, — строго сказал Иван Тимофеевич, — тут все правильно написано. Продолжай, Матвей.

Притихшие звероловы с еще большим вниманием стали слушать Матвея. А он читал им о том, как собирался и пошел Гайавата в край диких дакотов, чтобы, женившись на Миннегаге, прекратить распри между враждующими племенами индейцев, как он охотился по пути к своей невесте:

Меж деревьев, где играли
Свет и тени, он увидел
Стадо чуткое оленей.
«Не спloшай!» — сказал он луку,
«Будь верней!» — стреле промолвил...

И пока Матвей не закончил главу, никто не проронил ни слова. Лишь сырые дрова монотонно шипели в печке.

— Продолжу завтра, а сейчас давайте ложиться. Скоро полночь.

День занимался мглистый. В потеплевшем воздухе пролетали редкие снежинки. Матвей быстро шагал по охотничьей тропе. Сегодня ему предстояло обойти дальний путик, преодолеть несколько перевалов.

...Вот и первый капкан. Приманка в нем съедена полевкой. Из второго он вынул огненно-рыжего колонка, третий и четвертый были пустыми, но зато в пятый, стоявший у самого берега незамерзшего ключа, попалась темно-коричневая норка. Молодой зверобой повеселел, хотя насупившееся небо сыпало на него мелкую снежную крупку. Путик вился по густому пихтачу. Заросли местами непроходимы для человека, и, если бы не старая кабанья тропа, пересекающая пихтач с юга на север, не пробраться бы Матвею сквозь эти чащобы. По сторонам от тропы расставлены капканы. Их здесь меньше посещают полевки, но назойливые сойки и кукушки досаждают. Матвею то и дело приходится поправлять спущенные ловушки, обновлять в них приманку. Он сейчас так увлечен своей работой, так внимательно всматривается в лесную чащу, что ему некогда думать о своих близких и даже о Наташе. Его интересуют следы на снегу, царапины медвежьих и тигриных когтей на стволах деревьев, он стремится понять, какое событие в лесной жизни породило тот или иной звук. Он прислушивается к тревожному крику птиц — это они увидели своего предвечного врага. Он думает лишь о том, кто перед ним и кого он слышит, кто и куда прошел, почему. Такая сосредоточенность не располагает к мечтательности. Только по вечерам, лежа на

жестких нарах в зимовье, он может предаваться отвлеченным раздумьям.

Переходя по льду реку, он увидел круглые отпечатки лап: крупный тигр обходил свои владения. Острое любопытство заставило Матвея свернуть с путика и пойти по тигровым следам вдоль реки. Тигр шел ровным шагом, будто его ничто не интересовало. Зная, какие длинные безостановочные переходы делает этот зверь, Матвей вернулся на свою тропу и продолжал осматривать капканы.

Поднявшийся ветер шумел в древесных кронах, усиливая снегопад сдуваемой с ветвей кухтой. Порой на землю обрушивалось такое обилие снега, что в воздухе долго стояла снежная пелена. В эти моменты Матвей укрывался под густыми елями и, переждав порыв ветра, двигался дальше. Ему следовало вернуться в зимовье, но разве оставит он свои капканы, которые не осматривались уже третий день. Дорогую добычу могут испортить полевки, погрызть колонки или харзы. Сколько раз он вынимал из ловушек жалкие останки соболя, норки, съеденных гималайской куницей.

Перевалив через сопку, Матвей вышел к выворотню. Не зря он здесь насторожил стальную ловушку: как и в прошлый визит, он вынул из нее темно-коричневого соболя. Как не обрадоваться такой добыче, как не похвалить себя, что не испугался пурги, не повернул назад!

К исходу дня он стоял у последнего своего капкана в узком каменистом ключе, зажатом двумя остроконечными сопками. В хорошую погоду он успел бы засветло вернуться в избушку: даже когда солнце скроется за горизонтом, яркая вечерняя заря догорает часами. Ее света в лесу достаточно, чтобы разглядеть тропу. Ненастье значительно сокращает световой день, темнеет к четырем часам. Отказавшись от обычного чаепития, хотя развести костер и в непогоду ему ничего не стоило, Матвей повернул к зимовью, но пошел не по тропе, а напрямик через большой перевал. Путь был трудным, но значительно короче.

Более часа поднимался Матвей по крутому склону сопки. Достигнув седловины, он не стал отдыхать: пронзительный ветер, свирепствовавший на вершине, чуть не валил с ног и быстро охлаждал разгоряченное тело. Пришлось брести дальше. Теперь пологий склон пересекался узкими глубокими оврагами.словно на лыжах скатывался вниз охотник и снова карабкался наверх, хватаясь за орешник и тонкие лианы. Спустившись с косогора, он вошел в пихтач, по которому росли редкие дряхлые липы. В одной из них Матвей заметил черное отверстие невысоко над землей. Он решил заглянуть в дупло. На внутренних стенках отчетливо виднелись свежие царапины от медвежьих когтей. По всему было видно, что медведь забрался в дупло липы и устроился в ее корнях. Сняв рюкзак, Матвей достал топор, развязал чехол, надетый для безопасности на его острое лезвие. Кара-

бин он приставил к стволу липы, предварительно сбросив с предохранителя курок. Отыскав глазами в стороне лещиновый куст, направился к нему, вырубил прут и расщепил его конец наподобие вилки. Затем обошел вокруг липы и внимательно осмотрел поверхность ствола. Нашел едва приметную щель, слегка расширил ее топором и, пропустив в отверстие прут, начал им прощупывать дупло. Вот он уткнулся во что-то мягкое, но это могла быть трухлявая сердцевина дерева, осыпавшаяся на дно дупла. Матвей сделал несколько винтообразных движений и резко потянул прут на себя. В развилке оказался клочок черной шерсти.

«Медведь!» — чуть было не вскрикнул Матвей, и сердце его замерло в приятной истоме. Но как заставить зверя покинуть свое убежище? Отшвырнув прут, Матвей несколько раз наотмашь ударил обухом топора по липе. Гулкие звуки разнеслись по лесу, но медведь ничем не выдавал своего присутствия. Тогда Матвей снова взялся за прут. Не выпуская из рук карабина, он с силой несколько раз ткнул в медвежий бок. Зверь ухнул и перекусил назойливый пруттик. Вырубить новый Матвей не решался: отходить от берлоги нельзя, медведь в любую минуту может выскочить. Тогда он выстрелил в щель. Грохот и пороховой дым напугали зверя. Он снова заворочался в берлоге, послышался скрежет его когтей, и не успел Матвей бросить к плечу винтовку, как огромная медвежья голова вместе с широкими передними лапами показались над краем отверстия. В ту же секунду пуля пробила медвежий череп.

Расслабившиеся мышцы не сдерживали более тела зверя, и оно стало медленно сползать на дно берлоги. Если убитый медведь скроется в дупле, какой огромный труд потребуются, чтобы вырубить его из кряжистого комля исполинской липы! Эта мысль пронзила Матвея. Не ожидая окончания агонии зверя, он подпрыгнул, ухватился обеими руками за косматый медвежий загривок и повис на нем. Медведь перестал сползать внутрь берлоги, однако и не вывалился из дупла. Матвею пришлось упереться ногами в ствол дерева и изо всех сил потащить косолапого на себя. Медленно переваливалась тяжелая туша через край дупла и, извлеченная наполовину, рухнула в снег вместе с охотником.

Когда Матвей заложил лапником добытого зверя, лес растворился в ночных сумерках. Первое желание уставшего охотника — переночевать в лесу около убитого медведя. Но поблизости нет сухостояных деревьев, кроме того, пурга усилилась, а ночевка в такую погоду у плохого костра слишком тягостна.

Уложив в рюкзак топор и внутреннее медвежье сало, Матвей достал компас, огляделся и, взяв нужное направление, побрел к своему зимовью. Кромешная тьма окутала охотника. Исчезли все приметы. Кустарник, торчащие во все стороны сучья были опасны для глаз, притрушенный снегом валежник мешал скорому шагу. Будь сейчас

день — Матвей за три часа добрался бы до дома. Но как преодолеть это большое расстояние, если глаза словно завязаны. Идти по берегу Алой — он захламлен валежником, порос густым кустарником, там много высоких травянистых кочек, и за всю ночь не дойдешь. Идти руслом реки — опасно: его покрывает ненадежный лед, есть подперины, угодить в которые страшнее, чем заночевать в лесу без костра.

Но ничто так не восстанавливает силы, не вселяет в охотника уверенности, как удачная охота. Ощущая за плечами потяжелевший рюкзак, Матвей продвигался вперед, повинаясь врожденному чувству ориентировки. Проходя мимо деревьев, он угадывал их породу, и воображение рисовало ему лес, по которому он проходил. Вот густой ельник сменился светлой ясеновой рощей. Это был исток знакомого Кабаньего ключа, впадавшего в Алую выше зимовья. Теперь он не собьется с пути. Самое гиблое место осталось позади. Даже если придется заночевать — есть хорошие сушины.

Промокшие насквозь суконные шаровары и коротко обрезанная шинелишка не согревали. С каким бы удовольствием он сейчас погрелся у жаркого костра, выпил кружку крепкого чая! Но скоротать остаток ночи в каких-то трех-четырех километрах от зимовья он считал позорным для настоящего промысловика. Преодолевая усталость и голод, Матвей все брел и брел, бороздя глубокий снег.

Вдруг он чуть не наступил на спящего в снегу рябчика. Разбуженная птица с таким шумом вырвалась из-под ног, что Матвей вздрогнул от неожиданности и остановился. Очень длинными показались Матвею последние километры, но когда наконец залаяли собаки, почувываящие его, — усталости как не бывало. Затем сквозь деревья сверкнул огонек, запахло дымом. Вот и белое квадратное пятно долгожданной крыши.

Повесив карабин на еловый сук, Матвей скинул рюкзак, отряхнул с себя снег и распахнул дверь. Волна приятной теплоты окатила его, и отступившая было усталость вновь разлилась по застывшему телу.

— Я же говорил, что ему фарт выпал! — воскликнул Степан, заметив на рюкзаке капельки крови. — Рассказывай, кого добыл?

Матвей молчал. Истинные охотники не любят сразу распространяться о своей удаче. Передохнув, он вылил в миску оставленные ему щи и только за едой рассказал, как нашел и добыл медведя.

— Ну как, нынче будешь читать нам про индейцев? — делая серьезный вид, спросил Степан.

— Мне не до шуток, отдохнуть надо, — ответил Матвей. Развязав рюкзак, он извлек из него добычу. Окоченевших зверьков положил на поленья: пусть оттаивают, снимать с них шкурки придется на следующий день. А теперь — скорее развесить у печки сырую одежду и олочи.

С каким наслаждением растянулся Матвей на нарах, прикрытых

вейником и холстиной! Едва коснувшись постели, тут же уснул. Во сне он увидел Гайавату: с вождем индейского племени он обменивался топорами.

ТАК ПОПОЛНЯЮТСЯ ЗООПАРКИ

В середине февраля в зимовье Богатыревых пожаловал районный охотинспектор. Иван Тимофеевич не боялся охотнадзора: законами он не пренебрегал. Но в охотничьей практике иногда возникали такие ситуации, что и честный охотник невольно становился нарушителем. Случилось так и в бригаде Богатыревых.

За неделю до окончания сроков промысла пушных зверей не хватало двух соболей, чтобы выполнить план. Помня строгий наказ Перекатова набрать нужное количество соболей во что бы то ни стало, охотники сняли только половину капканов, а оставшиеся осматривали каждый день. В одну из ночей в ловушки попало сразу пять соболей. Три из них оказались «внеплановыми», лицензий — разрешений на их добычу не имелось. Иван Тимофеевич не стал утаивать их от охотинспектора. Он попросил помочь выхлопотать дополнительные разрешения, но представитель охотнадзора оказался неумолимым. Он решил изъять лишних соболей и составить по этому поводу протокол.

— Зачем же протокол? — спросил Иван Тимофеевич охотинспектора. — Я же не скрыл их от вас.

— Так нужно для порядка, — отвечал тот.

— Какой уж там порядок, знаю — кончится это штрафом, — возразил Богатырев. — Только скажу я вам, трудно по инструкциям зверя добывать. Дали мне однажды лицензию на отстрел лося, а я одной пулей двух сразу повалил: не заметил, как лосиха за быком стояла. Что же, по-вашему, я — браконьер?

— Браконьером я вас не называю, Иван Тимофеевич, но все же это — нарушение. Если хотите, брак в работе, а за брак, вы сами знаете, на производстве с рабочего взыскивают. Вот и с вас придется спросить, тут уж не обижайтесь. И еще, пятнадцатого февраля вы должны были закончить промыслять пушнину, снять капканы и опустить кулемки. А говорите, что они до сих пор в тайге. Опять нарушение.

— Так капканы все подвешены.

— А это мы посмотрим. Придется проверить ваши путики.

На следующий день Иван Тимофеевич повел инспектора в лес, и тот убедился, что кулемки опущены, а капканы в закрытом состоянии висели, подвязанные проволокой к длинным тычкам. Одобрив порядок у Богатырева, он не стал осматривать другие путики. Напоследок придирчиво проверил лицензии на отлов животных. Не найдя

и здесь ничего предосудительного, объявил, что на рассвете отправится в другую бригаду.

За ужином, хваля наваристую похлебку со свиной, он извлек из миски косточку и внимательно рассмотрел ее.

— Косточки-то, Иван Тимофеевич, ведь пороссячи, а сеголеток бить не разрешено. Как прикажете понимать? — И на его продолговатом лице с вислым носом расплылась ехидная улыбка.

Молчавший до этого Степан вспыхнул. Его возмутил тон, с каким обратился этот мелочный блюститель порядка к бригадиру. Если говорить правду, поросенка застрелили сознательно, ради вкусного нежного мяса. Но ни один настоящий охотник не сочтет это серьезным нарушением: все равно в тяжелую зимнюю пору поросята часто погибают от холода и бескормицы. А инспектор, конечно, думает иначе. И Степан вдруг sluкавил:

— Вы же, товарищ дорогой, видели наши разрешения ловить живых кабанов. Во время лова собаки возьми да и задави поросенка. Недоглядели мы. Не выбрасывать же его.

— Это верно. Выбрасывать такой продукт не следует, но и ловить надо стараться только живьем, а то ведь опять брак в работе получается.

— Не брак, а отходы производства, — вставил Матвей.

— Больно ты грамотен, парень. Только, смотрю я, не за что особо хвалить бригаду Богатыревых: потихоньку да где ловко и вы браконьерите. Да уж ладно, ограничусь на первый случай предупреждением, надеюсь, осознаете, — он остановил взгляд на Маркине, который в разговор не вступал, а только подобострастно кивал инспектору. — Правильно я говорю, товарищ Маркин?

— Правильно, правильно, — ответил тот. — Благодарим за ваши замечания.

После ухода инспектора в зимовье еще не раз страстно обсуждался его визит. Больше других возмущался Матвей:

— И чего это он придирался к нам? Планы государственные всегда выполняем, на сторону не продаем. Мы его тут как доброго человека кормили, а он косточку пороссячью нашел в кастрюле и спрашивает: на каком основании?

— Почто на человека серчаешь, — урезонил сына Иван Тимофеевич. — Всяк несет службу по-своему. Мы — за зверем ходим, он — за нами доглядывает. Кто, как не наш брат, сплавляет пушнину на рынок. Любую шкурку купить можно, а то и шапку — соболью альбоморочью. Вот он и поставлен следить да не допускать этого. А что человек он занудный — так это от характера. Гляжу на людей и со зверями иной раз их сравниваю: один — как тигр, другой — что твой изюбр, а третий, смотришь, на колонка похож. Что ж тут поделаешь, ежели от природы он злой да трусливый. В лесу, к примеру, тигр колонка не замечает, не трогает. Для него тот — что есть, что нет.

— Так мы же люди,— возразил Матвей.

— Вестимо, не звери. Это всем понятно. И я, бывает, озлюсь на человека за трусость либо за пакость. А сравню такого с зайцем или росомахой — и зло проходит. Что с него взять.

— А ты сам кто же тогда будешь? — спросил Маркин.

— Я — медведь. Людского скопу не терплю. Мне лесную глушь да дикую ягоду с рыбой подавай. Хоть крепки и длинны мои клыки и когти, да не для нападения они мне даны.

— У тебя, батя, получается, человек каким родился, таким и остался на всю жизнь, и перевоспитать его нельзя,— заметил Матвей.

— Почему нельзя? И зайца можно сделать смелым. Даже на собак будет бросаться. Помню, жил у нас ручной заяц, так он не только на петуха нападал, кошку обижал. Но душа-то у него так и осталась заячьей. Да что мы, братцы, все про инспектора толкуем. Давайте лучше соображать, каких зверей и где будем ловить. Первым делом нужно пару садков сделать, кормов всяких припасти, дужки капканов резиной да тряпками обмотать, чтобы лапы не перебивали...

На следующий день Степан с Матвеем и Кондратом, прихватив волка и трех собак, отправились за кабанями, а остальные занялись сооружением загончиков и подготовкой орудий лова.

Обходя в последний раз свои ловушки, Степан заметил, что в одном из ключей держится табунчик кабанов. Туда он теперь и держал путь. Волка и собак вели на поводках: пускать их можно было лишь по свежим следам. Несмотря на глубокий снег, лыж брать не стали: к табуну можно подойти по тропе. В походе охотники, как всегда, были молчаливы и сосредоточены. Оружие было только у Степана: в лесу можно неожиданно встретиться с медведем-шатунном. Шедший позади Кондрат тащил за собой маленькую нарту, к которой приторочены мешки и запасные веревки. Добравшись до ключа, где жили кабаны, охотники сделали передышку. Двум особо злым собакам и волку стянули челюсти намордниками, чтоб они не порвали молодых кабанов. Оставили нарту и, сойдя с тропы, начали подниматься на сопку по ключу.

Вскоре они вышли на старые кабаньи следы. Брачная пора у кабанов кончилась. Секачи, которые могли «порубить» собак, покинули табун и держались теперь отшельниками. Рассматривая следы, Степан долго шел за кабанями, прежде чем определил, что в стаде ходят две старые свиньи, шесть подсвинков — двухгодовалых кабанов и девять поросят. Снег вокруг был сильно изрыт, свиньи искали желуды и опавшие шишки, поедали хвощ. Табун долго кружил по одному месту. В толчее следов и порывков трудно разбираться, но Степан не пугался. Словно зная, где именно остановились кабаны, шел он по ключу.

Впереди на снегу обрисовались два больших темных пятна. «Гайны!» — тихо сказал Степан. Охотники подошли к кабаньим леж-

кам. Обширные гнезда были устроены на земле, очищенной от снега. Толстая подстилка из сухой и мягкой прошлогодней травы делала их довольно теплыми. Недаром в самые морозные дни свиньи подолгу залеживались здесь. И только голод заставлял их на время покидать постели. В каждом гнезде спала старая свинья со своим повзрослевшим выводком. В стороне виднелось третье гайно. Оно не выглядело столь внушительным и теплым, как первые два. В нем спали под-свинки.

От лежек в разные стороны расходились свежие следы.

— Видать, с час, как встали. Далеко не ушли, — заметил Степан, сдерживая рвущегося с поводка волка.

— Может, собак пустим? — спросил Кондрат.

— Не торопись, подойдем поближе.

Много раз охотился Степан за кабанами, но всякий раз, как выходил на свежий след, учащались удары сердца в его груди, и он испытывал сладкую истому. Собаки, тыкаясь в четкие отпечатки копыт, туго натягивали поводки, рвались до хрипоты вперед. Охотники прибавили шаг. Сперва звери шли без остановки, хватая на ходу кой-где лежавшие на снегу кедровые шишки. Войдя в пихтач, по которому росли огромные старые дубы, остановились, разбредлись, копаясь в снегу, выворачивая на его поверхность коричневую листву вместе с прошлогодней травой. Степан замедлил шаг, прислушался. Он чувствовал, кабаны находятся совсем близко, только бы не напугать их. Миновав особенно густые заросли, охотники остановились.

Все было тихо. Впереди виднелись стволы толстых дубов. Степан долго всматривался в чащу. И вдруг его внимание привлекло едва уловимое движение: вроде маленькая птичка перепорхнула с ветки на ветку. Снова легкое движение — и острый глаз охотника выхватил в чаще неясный контур серой свиньи, присыпанной снегом. Увлечшись едой, она от удовольствия крутила хвостом с маленькой кисточкой на конце, которую Степан и принял за порхающую птичку.

Сделав предостерегающий знак своим спутникам, он жестами показал Кондрату, чтобы тот спустил со сворки Рябчика. Освободившись от привязи, собака ринулась в сторону кабанов, быстро нагнала их и сразу очутилась в центре стада. Незлобивый дурашливый пес не был вязким в преследовании, но зверя не боялся, лез к самой его морде и весело лаял, словно заигрывая с ним. В окружении ошетилившихся поросят Рябчик залаял, чем привел в полное смятение весь табун. Не чувствуя в нем большой опасности и не замечая близости людей, старые свиньи напирали на собаку с тем громким непрерывным хрюканьем, с каким домашние свиньи бросаются на обидчиков своего потомства. Рябчик не атаковал их, но и не убегал прочь. Он кружил около густого орехового куста и лаял без всякой злобы на зверей, а те щелкали зубами, норовя укусить, трусили за ним вслед, сопя и хрюкая.

Сбившись в кучу и не спуская глаз с прыгающего Рябчика, табун потерял всякую осторожность и легко попал в окружение охотников. Как по команде спустили они со сворок остальных собак и волка. Невообразимая паника охватила табун, когда кабаны вдруг увидели и почуяли людей. С громким пысканьем и невероятной скоростью понеслись они по кособогу. Но не всем удалось скрыться. Волк первым с ходу опрокинул на спину подвернувшегося ему поросенка и придавил его лапами, пытаясь вцепиться в горло, да мешал намордник. Второго поросенка задержал Кучум. На третьего напали одновременно две другие собаки. Осмелевший Рябчик схватил зубами беглеца за ухо и потащил его к хозяину. Жалобное верещание огласило лес, но трусливые старые свиньи не пришли на помощь своим детям, попавшим в беду.

Немного потребовалось времени, чтоб связать ноги трем поросенкам, взять на сворки собак и волка, скуливших от азарта и желания расправиться с пленниками. Послав Кондрата за нартой, Степан занялся разведением костра, а Матвей перетащил поросят на подстилку из лапника: пролежав на снегу некоторое время без движения, они могли простудиться. В каждом из них было килограммов по сорок, но Матвей поднимал их с легкостью, словно зайцев.

Вернулся Кондрат. Все расселись кто где смог, оживленно переговариваясь и прихлебывая горячий чай. Из чайника над костром вилась струйка пара, распространяя аромат лимона. В природе уже наметился перелом зимы. И хоть мороз стал более колючим, ослепительное солнце и голубовато-белые снега несли первую весть о далекой весне.

Довольный удачей, Степан подшучивал над собой:

— Когда-то брали мы тигрят, а нынче вяжем поросят!

Подкрепившись и отдохнув, охотники посадили каждого кабанчика в отдельный мешок, впрягли в нарту трех собак и тронулись в обратный путь. К их возвращению Иван Тимофеевич сделал около зимовья сруб, повалив для этого несколько пихт. В него выпустили поросят, предварительно освободив их из мешков и развязав им ноги. Сверху сруб прикрыли тяжелыми плахами. В выдолбленные из липы корытца насыпали желудей и кедровых орехов, положили хвоща, а вместо воды дали снега.

Прошла неделя, и в срубе повизгивали десять прожорливых свинок и кабанчиков. Кормил и ухаживал за всем этим беспокойным хозяйством Иван Тимофеевич. Остальные Богатыревы вместе с Маркиным продолжали ежедневно отлучаться в лес. Звероловам предстояло еще поймать изюбров и харз. Переходов больших не делали, потому что водились эти звери недалеко от зимовья. Собак не брали, и они лениво дремали где-нибудь на солнцепеке.

После обильного мартовского снегопада установилась ясная солнечная погода. Ослепительно сверкали снега. На фоне чистого темно-голубого неба кедры казались почти черными. Истосковавшиеся по дому и своим семьям звероловы с нетерпением ждали дня, когда можно будет наконец выехать из тайги. На совете бригады условились послать Кондрата за трактором, как только будут пойманы изюбры. В первую очередь вывезут живых зверей, а там уж и сами выберутся.

Пока другие выслеживали оленей, Иван Тимофеевич, оставшийся в зимовье, решил изловить харз, повадившихся таскать припасы с одного из лабазов, где хранилось мясо. Насторожив в укромных местах вокруг лабаза несколько капканов, старый охотник каждое утро чуть свет выходил осматривать их. Дужки капканов он обернул чистой холстиной, чтобы ослабить удар и не повредить лапку зверя.

Однажды Иван Тимофеевич не нашел капкана. От места, где он был поставлен, тянулась в снегу между деревьями борозда. «Наконец-то попалась!» — воскликнул Богатырев и направился по следу харзы, тащившей на лапе капкан. Не будь на нем «якоря», зверек ушел бы далеко, но предусмотрительный охотник привязал к нему потаск — небольшой кусок валежины. Он-то и тормозил движение куницы.

Богатырев прошел более километра, прежде чем заметил светло-оранжевое пятно под выворотнем. Скинув с себя шинель, охотник приблизился к затаившемуся зверьку. «Ну-ка, вылезай, голубушка!» — С этими словами он пошевелил прутиком под валежиной. Куница в ответ угрожающе заворчала, свободной лапой отбила прут и даже попыталась наброситься, подобно кошке. Глаза ее горели в бесильной злобе. А человек настойчиво гнал ее из укрытия. Харза наконец выскочила, лязгая капканом, и тут же была накрыта шинелью. Нащупав под сукном голову, зверолов крепко сжал ее. Теперь куница не могла пустить в ход свои маленькие острые зубы. Освободив лапу от капкана, он посадил шипевшего зверька в мешок.

Тем временем Степан со своими спутниками углублялся в заснеженный лес на широких лыжах. Они двигались по жировочному следу изюбра, который то и дело останавливался; вот он топтался у сломленной еще летом осины, объел сохранившиеся кое-где на ней сухие листья вместе с тонкими ветками. Выйдя на солнечную поляну, он улегся под березой. Но покой его был скоро нарушен. До чуткого слуха донесся скрип снега, и он вскочил, насторожил большие уши в сторону подозрительного звука, торопливо втянул в себя воздух. Неуловимый воздушный поток принес к нему запах человека — самый страшный из всех, какие он знал.

Олень вздрогнул. Положив свои семиконцовые рога на спину, он ринулся вниз по косогору, и там, где он пробегал, оставалась снежная канава. Бег по глубокому снегу быстро утомляет, изюбр перешел на шаг. Бока его заметно вздымались.

Он очень боялся людей. Раньше, сталкиваясь с ними, он быстро оставлял их позади на почтительном расстоянии, и его не преследовали. Но на этот раз звук лыж послышался снова, и быку пришлось опять с огромными усилиями скакать, пробивая грудью глубокие сугробы. Своим звериным сердцем он понимал, что опасный враг преследует его неотступно. Испуг перешел в ужас. Он должен во что бы то ни стало отвязаться от погони, перемахнуть через несколько сопков, запутать свой след, скрыться в непролазной чаще. Напрягая всю свою силу, он то прыгал по глубокому снегу, то шел, прислушиваясь к каждому звуку. Его теперь пугали даже слабые шорохи мелких пичужек и белок. Он часто вздрагивал всем телом и резко менял направление бега. Останавливаясь, разворачивался навстречу к своему следу и зорко вематривался в глубь леса, жадно принохивался к воздуху. Спокойная тишина длилась недолго. Проходил час, другой, и снова тревожный скрип снега и шуршание ветвей кустарника, задеваемого ногами охотников, доносился до слуха измученного зверя. Он продолжал уходить дальше.

Пройдя до полудня по изюбриным следам, звероловы остановились на ключе, вскипятили из наколотого льда чай и, подкрепившись, вновь встали на лыжи. Вскоре шедший впереди Степан увидел мелькавшего между деревьями быка.

— Куда бежишь? Все одно захохотаем! — крикнул он.

Охотники остановились. Теперь было видно всем, как пошатывался уходивший зверь. Степан снял рукавицу и вытер вспотевший лоб.

— Может, хватит на сегодня? — обратился он к своим товарищам. — Погоняли изрядно: уже на глаза подпускает.

Возражать никто не стал, потому что все тоже устали. Отдохнув на валежине, охотники повернули к зимовью. А усталый бык, часто поводя запавшими боками, еще долго стоял на одном месте. Убедившись, что опасность миновала, он принялся скусывать мерзлые побеги осины.

Возвращавшихся ловцов встречал Иван Тимофеевич. Из сухих плах он ладил клетку для пойманной харзы.

— Как успехи? — обратился он к подошедшему Степану.

— Гоняли одного бычка. Ходит резво, и глубокий снег не помеха, — отвечал тот. — Завтра думаем на Алюю его перегнать. Ты, я вижу, харзу поймал-таки. Давай помогу садок сделать.

Давно опустившееся за горизонт солнце освещало западный небосклон. В потемневшем небе зажглась одинокая крупная звезда. Мороз еще крепко щипал за открытые уши, но в воздухе пахло

тающим снегом, запахами разогретой хвои и древесной коры.

На следующий день звероловы раньше обычного покинули избушку. Иван Тимофеевич полеживал на нарах, прислушиваясь к писку поползней, а Степан со своей ватагой шел к месту, где они накануне оставили изюбра. След увел их на вершину сопки, поросшей лиственным лесом. Здесь бык проспал половину ночи. По стылой его лежке можно было догадаться, что зверь покинул ее давно и где-то пасется. Возобновив преследование, охотники нарочито громко переговаривались, потрескивали сучьями, чтобы кормившийся зверь издали услышал их. Снова смертельный испуг овладел всем его существом, но убегал он от преследователей уже не с такой прытью. Остановки делал чаще и, даже увидев людей, подпускал к себе их все ближе и ближе. Чувствовалось, что зверь не восстановил утраченных сил за ночь и уходить быстро не может.

Степан решил повернуть быка обратно и заставить спускаться в долину Алой. Оставив гонный след, он стал заходить слева на вершину сопки. Остальные поднялись за ним на водораздел. Здесь охотники развернулись в шеренгу: на левом ее фланге находился Кондрат, на правом — Маркин. Они должны были спускаться с горы быстрых шедших посредине Степана и Матвея, которым предстояло потихоньку гнать быка вниз, как по коридору: уйти от них в сторону изюбр не мог из чувства страха перед свежими лыжнями Кондрата и Маркина.

Расчет Степана оправдался: измученное двухдневной погоней животное покорно шло туда, куда гнали его охотники. Спустившись со склона, Степан ускорил шаг. Впереди замелькал убегающий бык. Теперь он не исчезал из виду надолго, как это было в первый день. Через несколько минут в просветах между деревьями снова мелькал его желтый с темной оторочкой круп. Степан умышленно покашливал, свистел, несколько раз хлопнул в ладоши, от чего изюбр вздрагивал, делал два-три прыжка, но расстояние, разделявшее его с людьми, не увеличивалось, а сокращалось.

Вскоре олень и звероловы брели, не теряя друг друга из поля зрения. Бока зверя часто колыхались, как у загнанной лошади, он высовывал язык от изнеможения. Наконец он остановился: последние силы покинули его. Понурив голову, стоял он в покорном ожидании своей участи.

Степан прислонил к дереву снятый с плеча карабин, скинул рюкзак и, сойдя с лыж, разгреб ногами снег для костра.

— Давай чай варить, — обратился он к Матвею, — а заодно и Кондрата с Маркиными подождем.

Тонкий дымок потянулся от костра к небу, а изюбр все стоял, не сделав ни шагу, стоял совсем рядом с ними, словно домашний, и не спускал с них глаз — больших и черных. Смирившись с неизбежной близостью человека, он не терял гордой осанки дикого благородного

олени. И только когда Степан застучал топором по сухой елочке, срубая ее для костра, изюбр медленно скрылся в зарослях.

— Пальни-ка, Матвей, разок. Пускай ребята поспешают на чай, а то еще утянутся далеко.

Выстрел заставил изюбра отойти еще дальше.

— А где же бык? — заинтересовались подошедшие Кондрат и Маркин.

— Пасется вон за теми елочками, — кивнул Степан. — Давайте почаюем, и на барачек. Завтра скрутим красавца!

Опустошив два котелка чаю, охотники собрали рюкзаки, догнали изюбра, постояли около него и тронулись в обратный путь. Вернувшись на следующее утро, они быстро разыскали недалеко ушедшего быка, прогнали его пару километров и приступили к последнему этапу ловли. За три дня он свыкся с близким присутствием людей, подпускал к себе на расстояние нескольких шагов. Казалось, можно подойти и погладить его по шерсти. Но звероловы знали, как опасно такое прикосновение. Они ни на минуту не забывали, что перед ними был зверь, попадись под копыта которого — затопчет насмерть, да и рога таили в себе немалую угрозу.

И тем не менее нужно было подойти к изюбру вплотную да еще и привязать к шее стяжок. Волочась между ног, он позволит зверю медленно продвигаться в поисках пищи, и в то же время будет сдерживать — не даст уйти далеко.

Скрываясь за стволом толстого кедра, Степан близко подкрался к стоящему изюбру и ловко набросил аркан на его рога. Зверь мотнул головой и ринулся в сторону, но сбросить петлю не смог. Поймав конец волочившейся за зверем веревки, охотники подтянули голову зверя к ближайшей ольхе и привязали. Затем стянули ему передние ноги. Степан свалил молодой клен, вырубил из его ствола двухметровый хлыст и укрепил на одном его конце веревку. Подтащив его к изюбру, он этой же веревкой привязал обрубок клена к шее. Быку освободили ноги и голову, потом отошли в сторону и тронули его прутом. Изюбр попытался прыгнуть в сторону, но болтавшаяся между ног жердина не дала этого сделать, и он медленно побрел, таща ее за собой по снегу.

— Вишь, как мы его захомутали! — засмеялся Степан. — Теперь с таким потаском далеко не уйдет, а мы его быстро, когда надо, разыщем. Ну что, хлопцы, пошли другого зубряка искать: ведь нам пару нужно поймать! — Глаза Степана, сверкавшие удивительно молодым задором, опять щурились в улыбке. Он легко заскользил на лыжах, а за ним поспешили остальные. Изюбр оставался «на свободе».

Не долго пришлось идти звероловам по лесу: попался свежий след самки изюбра. И снова началась погоня, которая кончилась тем же. Через два дня в долине Алой, недалеко от зимовья Богатыревых, паслась пара красивых стройных оленей.

А еще через три дня посланный на лесопункт Кондрат привел целый караван: огромный трактор с грохотом и лязгом тянул за собой на стальном тросе тяжелые сани с полозьями из толстых ясеневых бревен.

Добротные транспортные клетки, заранее сделанные Иваном Тимофеевичем, стояли наготове. В них разместили пойманных животных обитателей леса, пока трактор сходил в долину за оленями и подтащил к зимовью сухую кедрину на дрова. Тракторист не стал глушить мотора: его ждали лесорубы, и он хотел за ночь возвратиться по своему следу.

Непривычный шум стоял в этот день над зимовьем, и не только от трактора. Все оживленно суетились, подавали команды, переставляли большие ящики со зверьем — спешили все погрузить. К вечеру на санях уже стояли клетки с живыми зверями, лежали связанные и укрытые одеялами изюбры, были приторочены объемистые рюкзаки. Последними после короткого раннего ужина сели на сани трое из бригады — Степан и Кондрат Богатыревы и Маркин. Они покидали зимовье. На тракторе их подвезут до лесоучастка. Там они перегрузятся на ожидающую их автомашину и на ней поедут в Хабаровск.

Сокрушая молодые деревца, трактор потянул сани с лесными пленниками. Постепенно растворился в окутанном ночным мраком лесу рокот трактора. Над зимовьем снова установилась звенящая тишина.

Иван Тимофеевич с Матвеем остались одни. Они должны были возвратиться, когда вскрыется река и пройдет первый лед, на лодках. А пока река не тронулась, предстояло сделать еще очень многое: законпатить и подготовить к плаванию халку, вывезти из леса к избушке туши убитых медведей и кабанов. Словом, работы хватит до самой распутицы.

Каждое утро Иван Тимофеевич запрягал в нарту волка, который к этому времени привык тянуть лямку не хуже лаек, и трех собак. Вместе с сыном он отправлялся в тайгу за очередной тушей. Случалось, что за день они не успевали возвратиться в зимовье, и тогда утомленные длительным переходом проводили ночь у костра.

К концу марта снег развезло. По утрам наст удерживал даже груженные нарты, но к полудню проехать было уже невозможно. Покончив с вывозкой, звероловы сложили всю добычу в тенистом месте под елью, нагребли на нее как можно больше снега и обложили густыми пихтовыми ветвями. Теперь им не страшны солнечные лучи. Больше незачем было идти в лес, и охотники занялись приведением в порядок моторки, халки и зимовья. На это ушло еще несколько томительных дней.

Недружно наступала весна. Днем журчали ручейки, а по ночам изрядно подмораживало. Когда снег почти весь растаял на южных склонах сопки, разбушевалась пурга, снова подмерзло. Но как ни

лютовала зима, в середине апреля начался безудержный ход весны. Зашумел ледоход на Алой. Весеннего половодья не бывает на дальневосточных реках; в течение нескольких дней они очищаются ото льда.

Спущенные на воду лодки загружались медленно. Сперва на халку уложили мерзлые кабаны и медвежьи туши, их накрыли толстым слоем сфагнового мха. Затем погрузили мешки с кедровыми орехами и сверху затащили поклажу брезентом. Наконец настал долгожданный день отъезда. Иван Тимофеевич обошел табор: не забыть бы чего. Дверь зимовья он распахнул и привалил к ней бревнышко. Матвей завел мотор. Они осторожно поплыли вниз по течению, сопровождаемые редкими льдинками, изредка поглядывая на оставляемый табор.

Прощай, зимовье, до следующей осени!

КОГДА ВСХОДИТ ЧЕРЕМША

Истосковавшиеся за долгую зиму по своим семьям и домашнему уюту Богатыревы не могли отдаться заслуженному отдыху: приспела пора посадки огородов, нужно было торопиться с закладкой парников. Овощей разных садили помногу, а для того чтобы получить ранние помидоры, рассаду накрывали бумажными колпачками. Так ее не обжигало холодом.

В эту пору промхоз их обычно не беспокоил, поэтому немало удивился Иван Тимофеевич, когда поздним вечером явился к нему Перекатов. Вид у охотоведа был встревоженный.

— Не по охотничьим делам нынче к тебе, Иван Тимофеевич. Беда случилась: ребята маленькие из Корфовской пошли на Хехцир за черемшой и заблудились. Второй день их ищут учителя, родители и комсомольцы. А тут как на грех похолодало сильно, по ночам дожди. Пока искали, один учитель тоже заблудился. Милиция обратилась к нам, просила помочь. Вот я и приехал. Ты на Хехцире каждый куст знаешь. Может, завтра подключишься к поиску? Я понимаю, что занят, но очень нужны твоя помощь, совет.

— В таком деле медлить нельзя, — без колебаний согласился Богатырев. — Мы с Матвеем соберемся в один час, заедем за Степаном. Ты нас на Корфовскую на своей машине и подбросишь.

За полночь машина Перекатова остановилась возле домика директора школы в Корфовской. Приезду известного в крае следопыта он очень обрадовался. Предложив Богатыревым чаю, он коротко рассказал, как ежедневно выходят искать заблудившихся детей много людей, но пока безрезультатно. Обезумевшие от горя родители тоже ищут, но они настолько слабы и растеряны, что за ними приходится следить, как за малыми детьми.

— Теперь мы ищем четырех ребяташек и двух взрослых,— заключил он.

Выслушав директора и подробно расспросив его, в каком направлении ушли дети, Иван Тимофеевич попросил собрать до рассвета возле школы всех, кто может и хочет принять участие в дальнейших розысках. Затем простился с Перекатовым и вместе с братом и сыном направился к школьному зданию. Здесь они прикорнули в одном из классов в ожидании людей.

...В тот день четвероклассник Коля Анойкин поднялся рано. Разбудив свою младшую сестренку Надю, он спросил тихонько:

— За черемшой пойдешь?

— Пойду,— потирая заспанные глаза, ответила девочка.

— Смотри, не хнычь, если устанешь: мы нынче далеко пойдем. Лесник рассказывал, что на Белом ключе много черемши.

— Не буду.— Она быстро натянула чулки, поверх платица — синюю кофточку и, сунув ноги в туфли, уже на ходу поправила косички и повязала беленькую косынку.

Как условились накануне, Коля направился к дому Вовы Карасева. Тот уже завязывал ботинки, готовый присоединиться к компании ребят. Не опоздал и Сережа Лаптев. Его серенькую форменную рубашку перехватывал широкий отцовский ремень с блестящей пряжкой: в школу-то мать не разрешила с ним ходить. Провизию сложили в корзинку, нести которую уговорились по очереди.

Переговариваясь, ребята сначала шли по знакомому шоссе, а через километр свернули на узкую лесную дорогу. Коля считал себя знатоком окружающих мест и дороги, потому что в прошлом году они с отцом ходили на Белый ключ. Дорога становилась все более заросшей и наконец перешла в едва заметную тропу. Весенний лес был наполнен щебетанием, пением птиц. Они то и дело перелетали в кронах деревьев. Проворные бурундуки не раз перебегали тропу, возбуждая у мальчишек желание побегать за ними. Но Коля останавливал: он хорошо знал повадки юркого зверушки, которого руками не поймать. Едва распутившийся лист на березах и осинах не давал еще густой тени. Лес был светлым, пронизанным солнечными лучами, сухим. Воздух наполнен запахом тополевых почек и прелой травы.

— Ой, как много черемши! — воскликнула шедшая позади Надя.— Что же вы прошли? — И она было шагнула с тропинки в сторону полянки.

— Это не черемша,— остановил ее Коля,— а ландыш. Его листья только по виду похожи на черемшу. Вот сорви и понюхай. Они ничем не пахнут, а черемша пахнет чесноком.

Проходя мимо поляны, Сережа не выдержал:

— Давайте цветов наберем!

— Ты что, девчонка? — воскликнул Коля. — Пошли за черемшой, так и будем только ее искать. Понял?

— А я на обратном пути все равно нарву цветов, — возразила брату Надя.

Тропа вилась среди зарослей, лесом, то поднимаясь по косогору, то опускаясь в распадки. Вот ее перегородил поваленный ветром старый толстый ильм. Коля предложил устроить на нем стол и позавтракать. Все его поддержали, поудобней уселись и достали из корзинки хлеб с колбасой.

— Пить хочется. Скоро ключ-то будет? — спросил Вова, собирая остатки хлеба в пакетик.

— А вон слышишь? — И Коля протянул вперед руку. — Это Белый шумит.

Ребята заторопились в указанном направлении и вскоре вышли к лесной речушке. Вымыв руки и лица, они напились холодной прозрачной воды и сразу повеселели.

— Давайте костер разложим! — предложил Сережа.

— Зря я удочку не захватил, — вздохнул Вова, — сейчас уху сварили бы.

— Ну какие же вы непостоянные, — Коля с досадой махнул рукой. — То цветы, то уха. Давайте лучше шагу прибавим. А костры весной разводить нельзя в лесу: может быть пожар, — строго закончил он.

— Айда на сопку! — крикнул Вова.

Ребята разбрелись по косогору. На одной из лесных полянок Коля нашел наконец то, за чем они проделали немалый путь. Свернутые трубкой светло-зеленые листья, пронизывая выцветшую прошлогоднюю траву, торчали из земли тут и там. Мальчик вырывал побеги не торопясь, стараясь извлечь из земли самую нижнюю, бледно-розовую часть, остро пахнущую чесноком. Набрав первый пучок черемши, ребята расположились на земле, достали из корзинки соль и хлеб и принялись с аппетитом хрустеть нежными сочными стеблями. Насытившись, стали собирать их в корзинку.

Неустойчивая погода на Сихотэ-Алине весной. Занимавшийся яркий солнечный день к полудню потускнел. С низовьев Амура потянул холодный ветер, и вскоре небо заволокло темными низкими тучами. Начал накрапывать дождик. Ребята заторопились домой, но как ни старался Коля выйти на знакомую тропу, нигде не мог ее разыскать. Так и кружили ребята вокруг одной и той же сопочки, пока сумерки не окутали лес. Когда уже совсем ничего нельзя было видеть, они нашли большое липовое дупло, забрались в него и тесно прижались друг к другу. Хорошее укрытие от дождя не спасало от холода. Притихшие дети дрожали всю ночь. Едва рассвело, они покинули временное убежище.

Пасмурное небо так низко спустилось над лесом, что тихо плы-

вущие тучи задевали вершины высоких кедров. Окончательно сбившись с пути, ребята и не подозревали, что все дальше и дальше уходят от поселка. Шедший впереди Коля испуганно озирался по сторонам, не теряя надежды выйти из леса, то и дело вскрикивал: «Вот тропа! За этой поляной будет дорога!» Но тропа вскоре исчезла, а за поляной поднимался еще более густой незнакомый лес.

Сереже было так страшно и жаль себя, что он едва сдерживал слезы. Вова насупился и все время вспоминал добрые мамины руки: как бы она его сейчас прижала к себе! Лишь одну Надю как будто не покидало бодрое настроение. Она верила, что ее старший брат непременно найдет дорогу, ведь он все умеет. Проходя мимо цветов, она собирала их в букет, и когда он начинал увядать, бросала его и делала новый.

Давно съедены последние кусочки хлеба. Испытывая чувство голода, ребята начали пробовать побеги трав и кустарников. Большинство из них оказались жгуче-горькими или безвкусными. Проблуждав весь день, усталые и растерянные, дети опять подыскивали ночлег.

...А тем временем их родители вместе с учителями и милиционером вели безуспешные розыски. Вначале они обошли окрестности поселка, затем углубились в лес. Поздно вечером возвратилась поисковая группа, кроме учителя физкультуры. Может, он нашел детей и выведет их на дорогу? Утром он не появился; все решили, что и он заблудился. Тревога усилилась. Кто-то предложил обратиться за помощью к охотникам. И тогда Перекатов привез в Корфовскую Богатыревых. Засветло к школе собралась большая толпа желающих принять участие в поиске. Иван Тимофеевич брал с собой всех, и не потому, что рассчитывал на их помощь в самом процессе поиска. Люди помогут потом, когда найдутся дети: ведь ослабевших ребятшек, которым, возможно, понадобится и скорая помощь медиков, придется нести на руках.

Услышав тревожные приглушенные голоса, Иван Тимофеевич вышел, поздоровался. Его окружили взволнованные лица, все молча вопрошали: «Что делать? Мы готовы!» И он посвятил собравшихся в свои планы:

— На высокие сопки дети не полезут. Будем искать их в распадках и по ключам. Я буду идти в середине. Справа — Степан, слева — Матвей пойдет. Остальные между мной и ими распределитесь. Вперед нас не забегайте. Ко всему прислушивайтесь, присматривайтесь. А след какой увидите или помятую траву, кому-нибудь из нас сообщайте. Спешить не будем. Так цепочкой и пойдем.

Присутствие бывалых людей, их спокойный и уверенный тон ободрили всех. Воспрянули и расстроенные родители — затеплился лучик надежды. Сначала шли гурьбой, но, войдя в лес, развернулись цепью, как предлагал Богатырев. Пробираясь чащобами, люди громко

звали детей, но лес безразлично молчал. В середине дня утомленные тщетным хождением поисковики сделали привал. Иван Тимофеевич развел маленький костер, вскипятил чай.

— Товарищ Богатырев, а медведь не мог на них напасть? — с дрожью в голосе спросила Сережина мама.

— Медведи здесь редки, — отвечал старый охотник. — Звери ребят не тронут, холода надо бояться. Прозябнут. Вишь, весна на исходе, а по ночам — хоть шубу надевай.

— Нам бы только на след их напасть, — сокрушенно проронил чей-то отец.

— То-то и беда, что следа нет, — вздохнул Богатырев. — По траве следить куда легче, да она еще не выросла. Приходится больше на слух надеяться.

После короткого привала поиск возобновился. С наступлением сумерек искавшие хотели повернуть домой, чтобы ранним утром снова отправиться на розыск. Но Иван Тимофеевич остановил их.

— Искать надо и ночью. Вы все у костра оставайтесь, огонь поддерживайте, чай горячий держите наготове. А мы втроем пойдем по разным ключам. К утру вернемся.

Каждый из Богатыревых выбрал себе долину ключа и потихоньку поднимался вверх, постоянно напряженно прислушиваясь. По ночам легкое движение воздуха, струящегося вниз по распадкам, едва заметно. Оно помогает уловить любой слабый звук притихшего леса. Густой мрак наступающей ночи поглотил фигуры охотников, удалившихся от костра. Иван Тимофеевич пошел вдоль Белого ключа. Скоро глаза его привыкли к темноте, и он медленно шагал в сторону истока ключа. Уже большое расстояние отделяло его от костра, а мерцающий огонек на увале, казалось, находился совсем недалеко.

Время от времени Богатырев останавливался, прикладывал ладони к ушам и подолгу прислушивался, стоя на одном месте. Ночную тишину нарушал хор лягушек, но вскоре он стих. «Далеко от воды они не уйдут», — думал следопыт и снова внимательно прислушивался. Его утомленное тело просило отдыха, но, преодолевая усталость, он брел дальше.

Лес поредел. До слуха охотника донеслось монотонное слабое журчание ручья. Но что это? Богатыреву послышался слабый стон. «Может, зверь? Либо ночная птица?» Томительно текли минуты. И вот до его напряженного слуха донесся невнятный, но несомненно человеческий стон. «Это они!» — пронеслась в голове радостная мысль. Он стал громко звать ребят, но никто не отзывался. Лес упорно хранил молчание. Тогда Богатырев начал медленно продвигаться в сторону, откуда, по его предположению, донесся стон. Он зорко вглядывался в каждое светлое пятно, темный контур, тихонько звал детей, кружил по одному месту, но, не находя никого, снова

двигался вперед. «Может, почудилось? Нет, все же это их голоса я слышал. Пойду за людьми», — решил Иван Тимофеевич.

Вернувшись к костру, он застал всех спящими. Огонь едва теплится. Степан с Матвеем еще не возвращались. Разбудив людей, Иван Тимофеевич сообщил:

— Слышал то ли стон, то ли детский плач. Пойдемте и послушаем вместе.

Вспыхнувшая вновь надежда оживила всех. Родители готовы были бежать к истоку ключа и обшарить каждый кустик. Бесконечно долгим показался им путь к месту, где Богатырев впервые уловил тревожные звуки. И найти это место безошибочно мог только привычный зоркий глаз охотника.

Долго стояли люди, прислушиваясь к молчаливому лесу. Нетерпение нарастало, надежда уже в который раз готова была смениться отчаянием, как вдруг радостный крик идущих в стороне заставил всех вздрогнуть: «Слышим! Это они!» Хотя звук уловили не все, настолько он был слаб, Богатырев понял, что он не ошибся и дети находятся где-то поблизости.

Разведя большой костер, охотник навесил чайник. Теперь женщины должны были поддерживать яркий огонь, а мужчины — прочесывать окружающий лес. Вскоре Иван Тимофеевич набрел на детей. Лежали они на ворохе сухих прошлогодних листьев, крепко прижавшись друг к другу. Громкие голоса радости не разбудили их, и только когда Богатырев поднял на руки Надю, она открыла глаза и спокойно спросила:

— Дяденька, а как вы нас нашли?

Остальные ребята были без чувств. Их перенесли к костру, укутали теплой одеждой. Лишь к концу ночи с помощью лекарств и тепла к ним вернулось сознание. Ребят напоили сладким чаем. Слабость у них была такой сильной, что из леса их несли на руках.

В поселке детей поместили в больницу, где все было готово к их приему и куда вскоре Матвей со Степаном доставили еле живого учителя физкультуры. Прощаясь с Богатыревыми, плачущие от счастья родители спасенных детей горячо благодарили и обнимали смущенных следопытов.

НОЧНАЯ ОХОТА

Затяжная холодная весна сменилась жарким летом. Наступила пора охоты на изюбров. Неокостеневшие рога самцов — панты шли на экспорт как ценное сырье для приготовления тонизирующих препаратов. Бригада Богатырева получила задание отстрелять четырех пантачей и выехала на промысел. В глубь дремучих лесов забираться не стали. К лету изюбры спускались с сопок в долины горных ре-

чушек. Здесь росло обильное разнотравье. В заливах и озерцах они лакомились стрелолистом и корневищами кувшинки.

На долбленых лодках — батах, загруженных солью, большим широким чугунным котлом для варки пантов и четырьмя бочонками, охотники двигались на шестах вверх по Подхоренку. На первом бату шел Иван Тимофеевич с Матвеем, на втором — Степан с Кондратом. Собак на этот раз с ними не было: на пантовке они ни к чему, и их не взяли. Поднявшись по реке до Щучьего залива, они причалили к релке — месту давнишнего табора. Здесь неподалеку находились искусственные, ежегодно обновляемые солонцы, рядом с которыми были устроены сидьбы на деревьях — настилы, устроенные в развилках, на которых охотники обычно и караулят зверя.

Поставив палатку, охотники наладили козлы, подвесили чугунный котел и заполнили его до краев водой. Потом начали запасать сухие дрова. Натаскали огромную кучу, потому что во время варки расходуется много. Бочата везли, чтоб засолить в них мясо, и теперь их замочили. После всех этих дел Иван Тимофеевич занялся подготовкой оружия для предстоящей охоты. Он вырезал из сухой липовой ветки две планки и привязал их к стволам карабинов у оснований мушек. С такой белой накладкой легче прицеливаться в темноте. Если охотник возьмет крупную мушку, то под ней появится белая полоска, и он сможет вовремя поправиться, чтоб не зависеть при выстреле.

На второй день после их прибытия на табор Иван Тимофеевич и Матвей хорошо выспались после обеда. Затем искупались в заливе и, переодевшись в чистое белье, направились на солонцы. Тропа вилась меж высоких кочек, пролежала косогором вдоль маленького ключа, тянулась по густому ельнику. Ею пользовались и звери, и люди. На влажной плотной почве виднелись свежие отпечатки узких копыт изюбра: значит, они посещали солонцы недавно. Шли молча. Пахло свежей листвой. Лес оглашался звонким пением дроздов и славок. Большие желтые цветки красоднева вспыхивали огоньками среди зелени трав. Была та благодатная пора, когда не успевший расплодиться гнус еще не донимал.

Охотники вышли на маленькую поляну, посередине которой лежал срубленный несколько лет назад тополь. Выдолбленное вдоль ствола углубление заполняла соль. Изюбры обнаружили ее своим тонким чутьем и ходили к искусственному солонцу. Часть соли дождевая вода перенесла в почву, и звери поедали соленую землю, оголяя корни деревьев. На краю поляны в развилке сучьев ильма едва просматривалась сидьба. Сделанная из двух коротких, но широких плах, прочно прибитых к живому дереву, она хорошо и надежно прикрывалась густыми ветвями. Забраться на нее можно было по перекладинам, прикрепленным к стволу.

Постояв немного возле ильма, оглядевшись по сторонам, Иван

Тимофеевич полез на свою засидку, а Матвей, не проронив ни слова, направился ко второму солонцу. Усевшись поудобнее, Иван Тимофеевич прислонился спиной к стволу дерева, рядом положил заряженный карабин. Легкий ветерок, приятно освежавший лицо, стих. Солнце, опустившееся за лес, еще освещало вершины высоких кедров, а густой кустарник, подступавший к солонцу, растворялся в вечерних сумерках. Затихло пение птиц, и лишь дрозд, сидя на сухой вершине ребристой березы, своей звонкой трелью оглашал засыпающий лес. К полуночи угасла вечерняя заря. На небе зажглись редкие тусклые звезды. Из-за потемневшей курчавой сопки выглянула луна. Заблестели увлажненные росой листья лабазника. Издали доносился монотонный рокот Подхоренка.

Чуткую дремоту охотника прервал треск сломанного копытом сучка. К солонцу шел изюбр. Даже привыкшее к охоте сердце старого зверолова забилось чаще. Он с напряжением стал всматриваться в белеющий ствол поваленного тополя. Вот возле него проплыла неслышно тень зверя, растворившись в густой темноте нависших ветвей. В томительном ожидании прошло несколько минут, прежде чем охотник услышал хруст растираемой на зубах земли, и у самого солонца снова обрисовался силуэт зверя. Вот он в тревоге вскинул голову. Луч луны осветил его большие подвижные уши, комолый лоб. «Самка», — разочарованно подумал охотник. Он не прочь был прогнать неожиданную гостью, но этого делать нельзя: может, в нескольких метрах стоит неслышно подошедший бык. Надо ожидать, пока она сама уйдет. Пожалуй, ни в одном деле не требуется столь большого терпения, как в охоте! Вдоволь наевшись соленой земли, ланка исчезла беззвучно в зарослях.

Немного прошло времени с момента наступления ночи, а восточная часть неба уже начала приметно светлеть. Дремота снова стала одолевать охотника. Он то закрывал, то открывал глаза. Вокруг все дышало безмолвием. Вдруг будто незримая рука коснулась плеча зверобоя. Он широко раскрыл глаза и увидел стоящего на поляне пантача. Гордо поднятую голову изюбра украшали маленькие, словно обрезанные рога. Богатырев понимал, что бык внимательно рассматривает сидбу, и стоит ему чуть шевельнуться, даже моргнуть глазом, как сторожкий зверь, фыркнув, исчезнет. Долго стоял в неподвижной позе изюбр, оцепенел и охотник. Его согнутая фигура сливалась с серым стволом дерева и была похожа на большой кап.

Наконец бык повернул голову и подошел к солонцу, но прежде чем попробовать излюбленное лакомство, несколько раз с шумом втянул в себя влажный воздух, принимаясь к лесным запахам, повертел в разные стороны головой, настораживая свои большие уши, и, не уловив ни в чем опасности, опустил голову и начал быстро лизать спрессованную соль. Охотник дал быку войти во вкус, выждал момент, когда он захватывал языком очередную порцию лакомства,

и осторожно приложил к плечу карабин. Тщательно прицелившись, затаив дыхание, плавно нажал спусковой крючок.

В предутренней тишине как-то особо оглушительно прогрехотал выстрел. Сквозь легкую пелену порохового дыма Богатырев увидел, как вздрогнул изюбр, по-прежнему оставаясь на месте. «Неужто промахнулся?» — пронеслась тревожная мысль, но он тут же вспомнил, что иногда удар пули парализует зверя, и это заставило его молниеносно перезарядить карабин и послать второй заряд в стоящего быка. И тут, в несколько больших прыжков, олень пересек поляну и скрылся за деревьями. Но охотник хорошо знал, что далеко он не ушел, и начал неторопливо слезать с сидьбы. Подойдя к месту, где только что стоял изюбр, Богатырев осмотрел землю. По обе стороны виднелись темные пятна крови. Охотник прошел по следу с полсотни шагов и увидел среди высокого страусопера лежащего рыжевато-го быка. Прежде всего Иван Тимофеевич отделил у него голову, чтоб не повредить панты, и только после этого начал снимать шкуру.

Когда туша зверя была разделана, подошел Матвей. На его солонец пантачи не приходили, и он, услышав выстрелы отца, поспешил к нему на помощь. Бережно уложив в один из рюкзаков голову и наполнив другой мясом, охотники отправились в обратный путь. За оставшейся добычей они послали Степана и Кондрата, а сами приступили к варке пантов и засолке мяса.

Под чугуном Иван Тимофеевич развел костер. Затем аккуратно вырубил неокостенелые рога изюбра с кусочком лобовой кости, ловко обтянул черепную крышку лоскутом кожи, снятой с головы зверя. Теперь панты походили на трофейные рога, украшающие стены в домах охотников.

Глядя на голову изюбра, лишенную короны рогов, Матвей с ноткой сожаления в голосе сказал:

— Жаль смотреть. Каким красавцем был!

— Когда зверь без пользы людям пропадает, тогда жалеть надо. Ты вот на эту красотищу погляди, — Иван Тимофеевич высоко поднял панты. Тугие, налитые кровью, с едва наметившимися отростками рога были покрыты коротенькими густыми серыми волосками, лоснились и поражали абсолютной симметрией.

— В Отечественную войну ранило меня под Курском. Помнишь, тогда я писал вам из госпиталя? Много в том лазарете солдат наших с перебитыми руками да ногами лежало. Подолгу бедняги маялись, а как стали им доктора пантокрин давать, враз кости срастаться начали. Не раз я тогда думал: может, и мои панты на лекарство пошли. Выходит, не зря бил изюбров.

Вода в котле закипела. «Ну, начнем». — С этими словами Иван Тимофеевич взялся за лобовую кость, обернутую кожей, и медленно опустил рога в кипяток. Подержав их так несколько минут, вынул, дал им остыть и снова погрузил в котел. Повторялось это много раз.

Несложная технология варки пантов требовала предельного внимания и большого опыта. Чуть недоглядел — и мягкие панты могут лопнуть, а значит, обесцениться. Этого никак не хотел допустить варщик.

Матвей засолил в бочке изюбятину, сварил суп, поджарил печенку, а Иван Тимофеевич все «колдовал» над пантами. Вернулся Степан со своим помощником. Вынести полностью добычу в один прием они не смогли: в быке оказалось не менее двухсот килограммов. После обильного обеда охотники растянулись на траве.

— Ну что, Иван, мы завтра опять пойдем за мясом? — лениво обратился Степан к брату. — Да и шкуру бы приволоочь надо.

— Валяйте, а я доваривать панты останусь, заодно и табор постерегу.

— Теперь на твоём солонце, Иван, в этом году делать нечего: хоть и закопал ты потрох, а зверь долго кровь чует.

Приятно припекало солнце. В бездонно-синем небе медленно плыли редкие облака. Дремотная истома сковала тело. «И чего это люди в город тянутся: сутолока, пыль, шум. А тут простору столько, зелень кругом, дышать сладко!» — размышлял Степан. Матвей встал и начал собираться на солонец. Степан следил за его движениями. «Съездим-ка и мы с Кондратом на оморочках в конец залива, покараулим, может, какой бычок и выйдет», — решил он.

— Кондрат! — окликнул он племянника, намереваясь посвятить его в свои планы. Но парень не ответил. Он уже похрапывал в палатке.

Степан поднялся и направился к старой липе, под которой были припрятаны две легкие оморочки, сделанные из тонких кедровых досок. Найдя их на месте, он забрался в палатку, подвалился к Кондрату и быстро заснул.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда две оморочки тихо отплыли от берега. Это охотники отправлялись караулить пантачей на заливе. Матвей ушел на свой солонец немного раньше. На таборе остался один Иван Тимофеевич. Он должен был основательно выспаться за ночь, чтобы к утру быть бодрым и полным сил. После ночной охоты, в случае удачи, зверобой могли привезти панты, и не одни. Ему тогда придется весь день их варить, и усталость может подвести.

Щучий залив вился между низкими дубовыми релками, вдаваясь на несколько километров в широколиственный лес долины Подхоренка. Вода в заливе имела коричневатый оттенок. Местами у берегов — мутная: по ночам здесь кормились олени, поедая нежный стрелолист и крахмалистые корневища кубышки.

У одной из отмелей, изрытой копытами изюбров, Кондрат решил остановиться и подождать своей удачи. Степан удалился в глубь залива. Заплыв на оморочке под густой куст прибрежной ивы, нависшей над водой, Кондрат попробовал прицелиться в то место,

где должны кормиться изюбры. Обломав несколько мешавших ему веточек, он положил винтовку между ног и, усевшись поудобнее на куске кабаньей шкуры, приготовился к долгому ожиданию.

Зеркальная поверхность залива отражала неясные контуры прибрежного леса. Изредка на водной глади появлялись круги: это мелкая рыбешка хватала упавшую ночную бабочку. Послышался пошвист птичьих крыльев, и парочка мандаринок опустилась на воду недалеко от Кондрата. Зоркие птицы заметили притаившегося охотника и замерли в напряженных позах. Затем они медленно поплыли к противоположному берегу и принялись искать корм на мелководье.

До восхода луны было еще далеко, когда нетерпеливый молодой охотник, не дождавшись изюбра, выплыл из своего укрытия и, беззвучно пошевеливая двухлопастным веслом, направился к руслу реки. Войдя в узкую извилистую протоку с высокими берегами, поросшими вейником и свидиной, он стал медленно спускаться вниз. Течение прижимало оморочку к берегу, и тогда Кондрат отталкивался веслом. На одном из поворотов протоки течение кружило над глубоким омутом, оморочка остановилась. Осматривая берег, охотник уловил движение крупного зверя в прибрежных зарослях. Взошедшая луна осветила мокрые от росы заросли вейника и прибрежные кусты. Предвкушая скорую добычу, Кондрат приготовился к выстрелу. Скорее бы выходил пантач на чистое место. Стрелять зверя, стоящего в зарослях, он не должен — таков неписанный закон амурских зверобоев. От долгого напряжения руки молодого охотника начали дрожать, а изюбр все не выходил из-за тенистого куста. Видно, он заметил оморочку.

Страстно молил в мыслях охотник невидимого зверя выйти на чистый берег, а уж он с такого расстояния не промахнется, и великоленные панты, к его гордости, окажутся в оморочке. И зверь словно внял мольбе молодого зверобоя, неслышно вышел из-за куста и, раздвигая с легким шелестом высокую траву, остановился у самой кромки обрывистого берега.

Но что сковало движения удалого охотника? Почему не сгибается палец на спусковом крючке и грохот выстрела не сотрясает ночную тишину? Перед изумленным взором Кондрата, высвеченный яркой луной, стоял могучий тигр. Он, как и человек, охотился за изюбром и не ожидал встречи с опасным конкурентом. В те несколько мгновений, пока они рассматривали друг друга, в душе охотника боролись разные чувства: страх и жгучее любопытство, радость созерцания великолепного зверя и желание добыть его.

Победили радость и любопытство: он опустил карабин и, затаив дыхание, наблюдал за тигром. Царственный зверь беззвучно скрылся в прибрежных зарослях, как призрачное видение. Вздохнув с облегчением, Кондрат положил карабин на дно оморочки, взял в руки весло и поплыл к табору.

С пантовки Богатыревы вернулись в конце июня. Теперь они могли продолжить дела в своем домашнем хозяйстве, побыть в кругу семьи. Да недолго длился летний отдых. Снова пожаловал к Ивану Тимофеевичу Перекатов с просьбой поучаствовать в отлове бобров.

Иван Тимофеевич был потомственным охотником. Он помнил рассказы своего отца, да и сам видел в детстве, какими несметными стаями, подобно большим тучам, каждую весну проносились над протоками утки, гуси, лебеди. Можно было без ружья добыть птиц, и деревенские мальчишки охотились на них с палками. Многочисленные гуменники порой становились настоящим бедствием. Садясь на пашни, они подчистую выбирали из земли посеянное зерно, и людям приходилось сторожить свои посевы. А какие стада косуль кочевали по амурской долине! Возами набивали охотники этой дичи. Да и кабанов было видимо-невидимо. Куда все это делось? Не верилось зверобою, что в какой-то степени и он повинен в уменьшении запасов дичи, и, когда его упрекали, возражал:

— Не охотник, а погода да голод бьют зверя и птицу!

Была здесь доля истины. В его угодьях, где велась умеренная охота, после тяжелой многоснежной зимы, неурожаев основных кормов — желудя и орехов — зверя становилось меньше. Такую убыль можно было объяснить уходом животных в более кормные места. Проходило несколько лет, и зверь появлялся снова. Однако последние годы численность белки, косули и кабана не только не восстанавливалась, а продолжала сокращаться. Не раз с грустью задумывался над происходящим старый охотник. Ему хотелось видеть свои родные места нескучеющими. Вот почему так обрадовался он предложению Перекатова и без промедления дал согласие ехать на отлов и расселение бобров. Охотиться на них вряд ли приведется, а вот внуки, видать, доживут до того дня, когда можно будет добывать бобров, и вспомнят они деда Ивана добрым словом.

Всю бригаду Богатырев собирать не стал. На этот раз он ехал с одним Матвеем, прихватив двух собак. Степан с Кондратом были заняты на пасеке: подходила горячая пора медосбора.

Перекатов спешил: ему предстояло до наступления летнего разлива рек организовать отлов бобров и научить охотников технике поимки скрытных полуводных животных. В поселке Светлая горка, куда они прибыли, их ожидали местные охотники. Уложив на лодки клетки для перевозки зверей, большие сачки, лопаты, пешни и палатки, ловцы отправились к Тихой речке.

Вереница моторок следовала за лодкой Богатыревых, на которой плыл и Перекатов. Много лет следил охотовед за колонией бобров на Тихой. Радовался, замечая, как растет ее население. Но для жизни крупных грызунов требовалось много древесной растительности.

Бобры, повалив весь прибрежный осинник, стали испытывать недостаток в кормах. Даже голодая зимой, они ни за что не хотели уходить с насиженных мест. Вот и пришла мысль Перекатову самому расселить их. Место, богатое различными кормами и удобное для жизни бобров, он подобрал. Теперь предстояло выловить несколько семей бобровых и перевезти их туда.

В пути прошло два дня. Вот и бобровая колония. Выбирая возвышенное сухое место, ловцы приступили к сооружению походного лагеря. Поставили несколько обширных палаток. На четырех высоких кольях натянули брезент. Получился хороший навес, под которым предстояло содержать в клетках отловленных бобров.

Покончив с оборудованием бивака, Перекатов отправился с Богатыревым на разведку. Взяли с собой лайку. В первом же извилистом мелководном заливе они увидели две бобровые хатки. Кругом виднелись следы деятельности грызунов: торчали пни осин, «срезанных» бобрами, на земле лежали куски древесных стволов. Местами от берега реки тянулись вглубь торные тропы, по которым четвероногие строители перетаскивали ветви деревьев. Внимательно осматривая берега реки, охотовед обнаружил несколько бобровых нор. Низкий уровень и прозрачность воды в реке позволяли хорошо разглядеть входы в жилище. У каждого входа он втыкал ивовый шест.

Иван Тимофеевич с любопытством рассматривал крупные следы перепончатых лап. Их было очень много на береговых илистых косах. Среди больших отпечатков кое-где виднелись маленькие следы бобрят.

— Ишь, и молодежь уже кормится со стариками, — удивился Богатырев.

— Да, бобрята — крепыши! — И Перекатов рассказал Богатыреву, что уже на второй день после рождения они могут плавать, а в двадцатидневном возрасте переходят на самостоятельное питание растительным кормом.

— А зачем же этому грызуну такие большущие когти? — спросил Богатырев, трогая след старого бобра пальцем. — Поди, от врагов ими защищаться?

— Нет. Когти у него расческой служат. На вторых пальцах задних лап они даже раздвоены. А для защиты — резцы. Ловить станем — береги руки: палец мигом отхватить может.

— Этак напугаешь, ловить твоего бобра не захочешь.

— Ну уж коль тигров не боишься — с бобрами страшно не будет. Поехали на табор.

Вечером у костра Перекатов собрал всех ловцов, объяснил им приемы ловли, рассказал, как и чем кормить пойманных зверей, и распределил людей в четыре бригады. Каждая бригада получила необходимое снаряжение. Сам он тоже будет ловить бобров вместе с Богатыревыми. После ужина охотники долго сидели у костра, слушая

рассказ охотоведа о чудном звере, которого раньше и не знали на Амуре, а теперь будут ловить его живьем и перевозить на другие реки. Пламя высвечивало загорелые лица промысловика. Они никогда не охотились на бобров, но это были те замечательные амурские звероловы, которые охотно пошли бы ловить самого черта, заведись он в окрестных лесах!

Тишина ночи нарушалась криками уток и сов. Изредка доносился глухой звук тяжело падающего дерева: это «рубили» лес бобры.

Утреннее солнце осветило опустевший табор: все охотники разъехались. Перекатов с Богатыревыми выбрали себе едва приметную извилистую лесную речушку, впадающую в Тихую выше табора. Моторка то и дело наталкивалась на затопленные деревья, шла медленно. В одном из кривунов реки подступающий к берегу лес поредел. Показалась обширная поляна.

— Давай причаливай! — крикнул Перекатов Матвею. Лодка с отключенным мотором тихо подошла к крутому берегу. Первыми из нее выскочили две лайки, за ними последовали люди.

— Вишь, как поработали, — заметил Перекатов, указывая Богатыреву на высокие конусовидные пни довольно толстых осин и тополей.

Иван Тимофеевич наклонился над одним из них, осторожно провел рукой по свежему срезу, на котором оставались поперечные рубцы — следы зубов.

— Ну и зубищи, — покачал он головой, — вот сила!

— Да, природа наделила бобров крепкими зубами, растут они постоянно и не затупляются, — пояснил охотовед. — Когда конструкторы узнали об этой бобровой тайне, они сделали самозатачивающиеся резцы для металлорежущих станков.

Вдруг все увидели, что лайки, бегавшие только что по берегу, принявшись к ольховому кусту, стали яростно разгребать землю у его основания.

— Что-то почуяли. Неси-ка, Матвей, топоры да лопату, попробуем копнуть. Иван Тимофеевич, а ты с лодки просмотри дно у берега, вход в нору разыщи. Перекатов подошел к ольхе и начал копать землю в том месте, где только что рылись собаки. Утомившись, он передал лопату Матвею. Перерубая мешавшие корни, тот быстро углублялся в илистую почву. Собаки скулили, путались под ногами, мешали работать.

Вскоре Иван Тимофеевич позвал к себе Перекатова и показал ему на темнеющий широкий вход в бобровую нору. Сквозь прозрачную воду хорошо просматривалась утоптанная полоска, ведущая по дну к зияющему отверстию.

— Нора жилая. Видишь, ею бобры пользуются. Закрывай выход сачком да держи его крепко, а я помогу Матвею. Если бобр полезет,

зови на помощь: один не справишься, звери до тридцати килограммов вытягивают, в воде шустры больно.

Перекатов выскочил из лодки и подошел к Матвею:

— Ну как, докопался?

— Кажись, да. Расширять отверстие боюсь: вдруг зверь полезет. Не успеешь из ямы выпрыгнуть. Не знаю я его.

Срубив длинный тонкий ивовый прут, Перекатов подал его Матвею.

— Пошуруй-ка в норе, а я к отцу схожу теперь.

Недолго шевелил Матвей прутom в норе. Послышалось из-под земли грозное урчание. Собаки залаяли.

— Берегись! Полез! — крикнул Матвей.

В черном отверстии норы показалась темно-бурая шерсть зверя. Матвей отпрянул прочь и в то же время услышал бульканье в воде. Затем он увидел, как Перекатов с отцом стали вытаскивать в лодку большой тяжелый сачок, в котором бился мокрый зверь. Матвей подскочил к ним, собираясь помочь, но опоздал: бобр был уже в лодке. Фыркая и грозно щелкая зубами, он старался выбраться из тесной ловушки.

— Накрывай скорее брезентом! — крикнул Матвею Перекатов. — А теперь давайте перегоним его из сачка в клетку.

Через несколько минут бобр был в клетке.

— Скоро мы его, голубчика, поймали. Вот и положили начало отлову незнакомых вам зверей! Иван Тимофеевич! Не зевай! Сачок держи у выхода из норы: сейчас молодые ползут. Бобры семьями живут. Видишь, собаки с азартом в раскоп рвутся, значит, кого-то чуют.

Богатырев с сачком у норы терпеливо ждал, пока Перекатову и Матвею удалось добраться до гнездовой камеры и выпугнуть трех молодых бобров. Двое из них заскочили в сачок, а третий, воспользовавшись заминкой ловцов, проскользнул и уплыл под водой.

Обрадованный успехом, Перекатов предложил на этом закончить лов. Ему не терпелось узнать, как идут дела в других бригадах. К вечеру они вернулись на табор первыми. Перегнав бобров в более просторную клетку, Перекатов положил им свежих веток, травы и налил воды. Богатыревы в это время подняли сетку, в которую попали несколько ленков и щук. Быстро разделав рыбу, поставили варить уху. Не успела закипеть вода в котелке, как послышалось гудение моторок. Возвращались бригады.

Перекатов вышел на берег. Вернувшиеся ловцы рассказали охотоведу, что им удалось найти четыре семьи бобров, но взяли они только одну: двух старых и пять молодых. Посетовали, что брать их не так-то легко: они прячутся в глубоких отнорках, имеющих отдельные выходы, и выгонять их из подземных жилищ — дело трудное. Глядя, как бережно выгружались клетки с пойманными бобрами,

Перекаатов думал: «Видно, нелегко будут даваться в руки ловцам эти звери. Да ничего, люди со временем наберутся опыта».

Несмотря на разочарование охотников, Перекаатов был доволен: «В первый же день — и десять бобров! Этак за неделю все тридцать выловим». После ужина утомленные и промокшие звероловы замертво уснули. А чуть свет — снова разъехались в поисках бобровых нор и хаток. Однако на этот раз успех изменил всем: как ни старались, никому не удалось поймать ни одного бобра. Перекаатов был склонен поверить, что у бобров существует какая-то неведомая людям способность передавать информацию, и они все, как один, надежно попрятались от ловцов.

На третий день поймали только одного зверя, зато на четвертый охотники взяли шесть, на пятый — три. Дело пошло на лад. Оставив Ивана Тимофеевича ухаживать за пойманными бобрами, Перекаатов вместе с Матвеем отправился на веслах в Светлую горку, чтобы вызвать вертолет. Возвратился он на третий день.

С большим интересом расспрашивал он Богатырева о том, как идет отлов, хорошо ли содержатся и кормятся пленники и не гибнут ли в неволе. Потом они вместе выбрали поляну для посадки вертолета. Найдя подходящую, установили опознавательный знак: выложили на траве широкое белое полотнище старой палатки. Обсуждая предстоящую перевозку, вернулись в табор.

В поисках жилых нор охотники уезжали иногда на два-три дня. Ночевали под открытым небом у костра, возвращались с пойманными зверями на основной табор обычно к вечеру. Под брезентовым навесом ровными рядами стояли клетки. Их было уже чуть меньше тридцати. Днем их обитатели вели себя спокойно, пребывая в дремотном состоянии. Но с наступлением сумерек начинали волноваться, грызли прутья непривычного жилья, стремясь обрести утраченную свободу. Теперь Иван Тимофеевич спал по ночам тревожно. Ему приходилось часто вставать, идти к навесу и успокаивать разбушевавшихся пленников.

На исходе второй недели план был выполнен: в транспортных клетках находилось полсотни бобров. Ловцы собрались все вместе и с нетерпением ожидали вертолета. И вот он прилетел, опустился возле опознавательного знака на луговой поляне, недалеко от навеса. Летчики с любопытством смотрели на подслеповатых зверей — своих необычных пассажиров. Пока пилоты пили чай с лимонником, охотники погрузили в объемистое чрево крылатой машины гору клеток.

С грохотом взревел мотор. Вихри ветра, рожденные длинными лопастями, пригнули траву, подхватили и унесли к лесу обрывки бумаги. Зеленая машина вздрогнула, легко и плавно поднялась в небо и полетела, словно гигантская стрекоза, к горизонту, унося Перекаатова и Богатыревых вместе с живым грузом. Два часа летел

вертолет. А сколько веков прошло бы, пока бобры, расселяясь естественным путем, сумели бы преодолеть это расстояние!

Опустились на берегу Безымянной речки, в том месте, где их поджидали на лодках проводники. Перекатов с их помощью выгрузил переселенцев и распрощался с летчиками. Развозку бобров по реке и ее притокам решили начать утром следующего дня.

Вечером охотовед внимательно осмотрел бобров. Некоторые животные вели себя особенно беспокойно, отказывались от пищи, постоянно метались по клетке. Перекатов решил, не дожидаясь утра, освободить их сейчас же. Клетки перенесли недалеко от табора и оставили их открытыми.

— А мы, ожидая вас, товарищ Перекатов, бобрам искусственные норы поделали,— сообщили проводники.

— Молодцы,— похвалил охотовед.— Только бобрам трудно угодить: они сами строители хоть куда.

С наступлением зари охотники приступили к развозке и выпуску бобров на свободу в тихие старицы, мелководные заливы. Звери не торопясь покидали клетки; принявшись к земле и неуклюже переваливаясь, они безошибочно направлялись в сторону воды. Даже самые густые непролазные заросли их не прельщали. Они явно предпочитали водную стихию всем прочим, в ней только чувствовали себя безопасно и удобно. Бесшумно погружались они в тихие струи воды, как только достигали ее, и исчезали с людских глаз, не скоро появляясь на ее поверхности, чтобы вздохнуть и снова погрузиться в воду, теперь уже надолго.

Когда был выпущен последний бобр, Перекатов подошел к Ивану Тимофеевичу.

— Побывали мы с тобой на бобровом новоселье, пора и домой! Здесь им будет хорошо: корма вон сколько, пугать некому. Объявим заповедник, а Матвея директором поставим.

ДВУНОГИЕ ВОЛКИ

Иван Тимофеевич хоть и часто отлучался этим летом из дома, но про огород не забывал. При каждом удобном случае появлялся на нем, занимаясь то уходом за грядками, то сбором урожая. Особенно тщательно выращивались им бахчевые культуры: он очень любил арбузы. При обильном урожае даже засаливал их впрок, чем немало удивлял заезжих гостей.

В один из свободных дней он завел моторку и направился на свой баштан. Заодно хотел половить немного рыбы. Осмотрев хозяйским глазом свои владения, он взял удочки и направился на залив в уловистое место. В середине дня клева почти не было, но к вечеру начал хорошо браться карась, а с наступлением сумерек карася сменил крупный сом. Увлечшись ловлей, Иван Тимофеевич не заметил,

как в залив вошла оморочка, в которой сидели два человека.

Когда совсем стемнело, он аккуратно сматал закидушки, сложил еще трепещущих карасей в сумку и уже собрался уходить, как вдруг услышал шаги бредущих по мелководью людей. Он пошел им навстречу. Вдалеке обрисовались два неясных силуэта. «Наверное, из рыбоохраны», — решил про себя Богатырев и окликнул:

— Эй, Скачков! Это ты?

Ответа не последовало. «Кто же это может быть?» — недоумевал старый охотник. Он заметил, как двое замерли на месте от его окрика, видимо, не ожидая встретить здесь бодрствующего человека в столь поздний час. Стараясь угадать, кто мог пожаловать на его остров и зачем, Богатырев пошел медленнее. Вот он уловил, как один из незнакомцев сунул руку в карман и вынул какой-то тускло блеснувший предмет. «Фонарик. Сейчас, засветит», — мелькнула мысль, и Богатырев, ожидая, что все прояснится, спокойно зашагал по песку.

Однако свет не появился. Двое медленно вышли на берег. Поравнявшись с ними, Богатырев ни в одном не признал знакомого.

— Вы кто же будете? — спросил он.

— Мы рыбаки из совхоза, — ответил один из незнакомцев. — Тут недалеко рыбачим. Папиросы у нас кончились, может, угостишь хоть махорочкой.

— Я не курю.

— Жаль. Ну тогда заварки дай, что ли.

— Чай имеется, пойдем к шалашу, тут близко.

— Ты что, с компанией здесь рыбачишь? — спросил второй.

— Нет, пока один.

Удовлетворившись ответом, незнакомцы быстро зашагали к его огороду. В стороне от входа в шалаш Богатырев развел костер, пригласив их посидеть у огня, затем достал пачку чая.

— Берите всю, у меня еще есть.

Развалившись у костра, незнакомцы не спешили покидать Богатырева, а он не торопился их провожать. Непонятное сомнение шевельнулось в его душе. От острого глаза следопыта не ускользнула напряженность людей, которую они искусно маскировали развязностью. Казалось, их ничто не интересовало, но стоило Ивану Тимофеевичу отвернуться за чем-либо, как они цепко обшаривали глазами окружающие предметы и самого хозяина.

Вода в чайнике закипела, подбрасывая крышку.

— Может, чайком побалуемся? — предложил Богатырев, высыпая в кипяток с ладони чай. — Свеженький.

— Не откажемся, — ответил один из незнакомцев. Подавая кружку с чаем «рыбаку», Иван Тимофеевич успел разглядеть, какая белая и холеная у него рука. «Таких рук у рыбаков не бывает, — подумал Богатырев, и смутная тревога стала нарастать. — А что, если это револьвер?» — осенило его, и он украдкой взглянул на слегка от-

топыренный карман того пришельца, который доставал так и не засветившийся «фонарик». «Для рыбоинспектора — это табельное оружие, но ведь они рыбаками себя назвали. Нет, тут что-то неладное, сдается, что никакие они не рыбаки», — раздумывал Иван Тимофеевич, отхлебывая горячий чай.

— Как же вы нынче ловить кету собираетесь, заезками альбо аханами?

— Аханами, — с серьезным видом ответил «рыбак», отставляя пустую кружку.

Богатырев ожидал, что несуразный вопрос насчет ловли кеты аханой — крупнокачанной сетью, которой раньше ловили только калугу, — вызовет у «рыбаков» усмешку, но этого не последовало. Значит, они не знали того, о чем их спрашивал Богатырев и что знал любой истинный рыбак на Амуре. «Так вот какие это «рыбаки», — старый охотник понял, что тревога его небезосновательна. — Их надо непременно в сельсовет доставить», — и он стал обдумывать, как это лучше сделать.

В том, что незнакомые люди не те, за кого себя выдают, Богатырев был теперь уверен. Да и какие добрые люди станут бродить ночью на безлюдном острове. «А что, если это преступники? Они хорошо вооружены, и мне одному с двумя не справиться. Да и думать долго тоже нельзя, уйдут». И он решился.

— У меня тут сетки стоят, съезжу-ка погляжу их, — как можно беспечно сказал Богатырев, — а вы пейте чай, костер поддерживайте. Я скоро вернусь.

— Валяй, дед, проверяй. Выходит, ты тут браконьерничаешь потихоньку? Не бойся, мы не донесем! — крикнул вдогонку Богатыреву один из «рыбаков».

Выплыв на середину протоки, Богатырев вихрем понесся в поселок, выжимая из мотора все возможное. Через час группа милиции вместе с Богатыревым шла на быстроходном катере к острову. Высадив в разных его концах милиционеров, катер подошел к месту, откуда отчалила моторка. Небольшая группа вместе с офицером последовала к шалашу за Богатыревым.

Костер давно погас, но пепел был горячим. «Рыбаков» и след простыл.

— Если они не ушли с острова, то мы их скоро возьмем, а если переплыли протоку, труднее будет, — заметил лейтенант. Он хорошо знал Богатырева и рассчитывал на его помощь. Прекрасный следопыт был весьма кстати в такой операции. — Пойдемте, Иван Тимофеевич, туда, где вы с ними встретились, — предложил офицер.

Уже забрезжил рассвет, когда милиционеры, выйдя к заливу, нашли то место, где причаливала лодка. Следов вокруг было много.

— Ушли, — с огорчением вздохнул лейтенант. — Теперь нужно быстрее обшарить берега протоки, может, далеко не уплыли. Вы,

Иван Тимофеевич, оставайтесь на огороде. Тут наши ребята прочесывают остров. Они выйдут к вам. Объясните им все и подскажите, как лучше продолжать осмотр.

Катер ушел, Богатырев снова разжег большой костер, но сел не у огня, а на пороге шалаша. Так он сидел, пока не взошло солнце. К костру подошли два милиционера. Одежда на них была мокрой от росы. На поводке они держали огромную овчарку. Увидев Богатырева, улыбнулись:

— Ну где же ваши «рыбаки», Иван Тимофеевич?

— А вы думаете, они не сообразили? Вас у костра ожидать станут? Остров большой, укрыться есть где. Лейтенант сказал, чтобы вы этот остров прочесали до конца, а он на катере по протоке ушел.

Оставшись снова один, Богатырев не стал сидеть без дела. Он решил внимательно осмотреть залив. Хотя по его берегу прошли пограничники, но они не знают о всех разветвлениях, скрытых густым ивняком и вейником. Разыскав свою крохотную оморочку, он взял шест и, стоя на вертлявой лодчонке, начал тихо продвигаться по правому рукаву залива, зорко всматриваясь в каждую точку, в каждое место с примятой травой.

Долго петлял он узкой канавой залива. Вот и его конец. Тихо, безжизненно вокруг. Лишь юркие камышевки перепархивают с ветки на ветку, с тревожным треньканьем заглядывают в глаза следопыта. Старый зверолов не спешит. В его руках поблескивает карабин, с которым он не расставался даже летом. Чувствует он себя как на любимой медвежьей охоте: зверь может появиться неожиданно.

Кусты тальника столь густы, что проплыть на оморочке сквозь них невозможно. Их подтопила высокая вода. Но зато как хорошо и безопасно здесь можно укрыться. Богатырев долго вглядывается в заросли. Вдруг что-то неуловимое привлекло его внимание. Он остановил взор, но не сразу обнаружил круглую черную точку. Как хорошо ему знаком этот тусклый, с блестящим ободком зрачок, несущий смерть. Но почему он уставился на него из пустого куста? Хладнокровно продолжает вглядываться охотник, и через несколько мгновений за кустом обрисовалось застывшее в страхе лицо человека. В нем Иван Тимофеевич без труда узнал одного из «рыбаков». Тот стоял среди нависшего куста по грудь в воде. Нижние полы куртки были подвернуты, и концы их зажаты в зубах. Одной рукой незнакомец поддерживал куртку, а другой направлял пистолет в грудь охотника.

— Меня не напугаешь, — спокойно проговорил Богатырев, — вы окружены. Вылазь из кустов. Да не вздумай стрелять, все равно промажешь.

Долгой показалась Богатыреву эта минута. В любое мгновение мог грохнуть выстрел, на который готов был ответить старый зверолов.

— Не выдавай, старик, — взмолился незнакомец. — Я тебя не

трону. Ты меня не видел. Вечером уйду, — торопливо говорил он. — Тебе в шалаш пять тысяч положу.

— Ну ладно, хватит. А где твой приятель?

— Он в лодке лежит. За кривуном. Нас пока не нашли. Слышь, дед, не выдавай, Христа ради прошу. Мы уж отблагодарим: на весь век тебе хватит.

Как хотелось Богатыреву оборвать эту гнусную мольбу врага. Но он сдержался. «Теперь «волки» обложены, — с радостью подумал он, — не стоит торопиться».

— Ладно уж, сиди в своем логове до ночи, а там видно будет. — С этими словами Богатырев повернулся спиной к незнакомцу и погнал оморочку кормой вперед. «Ну, как пальнет в спину?» — пронеслось в голове. Но тишину ивовых зарослей нарушали лишь всплески проснувшейся рыбы. Выплыв из залива в протоку, Богатырев быстро заскользил в поисках катера: только бы не разминуться!

Милиционеры к этому времени обошли остров со всех сторон, просмотрели омывавшие его протоки. Лодки неизвестных нигде не было. Катер возвращался к Богатыреву. Заметив его в оморочке, моторист подошел на малом ходу, дабы волной не опрокинуть утлую скорлупку.

— Кажется, ушли от нас «рыбаки», — сокрушенно махнул рукой лейтенант. — Ребята весь остров прочесали, но пока никого не нашли.

— А я их изоблавил!

— Неужто правду говорите? — обрадовался командир.

— Один из них, что енот, в затопленный тальниковый куст залез, чтобы собака след не взяла, и оттудова на меня «пушку» наставил, когда я к кусту подплыл на оморочке. Просит не выдавать. Деньгу большую обещает.

— Ай да Иван Тимофеевич! Ну и молодец! Покажите-ка, где они прячутся. — Лейтенант вынул из планшета карту и развернул ее перед Богатыревым.

— Видишь залив, где я с ними впервой встретился? Он раздваивается. В конце правого рукава густые кусты и топи. Вот тут они и будут сидеть до ночи.

— Ясно. Сейчас мы спланируем, как их взять. А вы, Иван Тимофеевич, спускайтесь-ка в каюту да вздремните, ведь вторые сутки пошли, как не спите.

— Ты обо мне, лейтенант, не беспокойся. Будете их брать, я понадоблюсь. Твои ребята — молодежь, больно горячи да смелы, а тут выдержка, терпение нужны.

Ровное гудение дизеля убаюкивало. Сказалось напряжение прошедших суток, усталость вдруг навалилась на Богатырева, и, не в силах больше бороться с дремотой, он решил прикорнуть в каюте, пока катер доберется до места. Наказав старшине сразу же разбудить его, как прибудут на место, он спустился вниз, прилег и мгновенно погру-

зился в глубокий сон. Он так крепко уснул, что не слышал, как прыгали с палубы на песок милиционеры, как лаяла собака, как прозвучало несколько выстрелов. Операция по задержанию преступников прошла успешно. В перестрелке был ранен лишь один из них, тот, который держал пистолет и отстреливался на бегу. Ему прострелили руку.

Проснулся Богатырев лишь тогда, когда палуба катера загремела от множества кованых сапог, топтавшихся по ней. Выйдя наверх, он увидел лейтенанта.

— Иван Тимофеевич, узнаете своих «гостей»? — показал тот на незнакомцев. Угрюмые, сгорбившись, в мокрой одежде, сидели они на палубе, тесно окруженные работниками милиции. Рука того, что целился в Богатырева, была стянута бинтом.

— Какую же рыбу собирались вы ловить в наших реках? — спросил Богатырев. — Не мы, так другие вас все одно обезвредили бы. Задержанные молчали.

СНОВА НА ПРОМЫСЕЛ

Вернувшегося домой Матвея ожидало письмо Наташи Суходольской. В нем девушка сообщала о завершении своей работы над диссертацией и желании встретиться с ним. Надев новый костюм и повязав яркий галстук, Матвей направился в город в отделение Научно-исследовательского института охоты и звероводства, где работала Суходольская. Наташу он застал в просторной лабораторной комнате за переборкой коллекции соболиных черепов. Увидев смущенного Матвея, она быстро пошла ему навстречу, протянув вперед обе руки.

— Матвей! Как хорошо, что зашли. Письмо мое получили? Я так хотела вас видеть. Ну садитесь, — засуетилась она и придвинула ему стул. — Рассказывайте, как вы там живете, как здоровье Ивана Тимофеевича, как расселяли бобров с Перекатовым.

— Да что рассказывать? Живы, здоровы. А про бобров вы уже знаете? — Матвей старался держаться непринужденно. — Мы с отцом бобров первый раз видели. Перекатов — специалист по ним. Помогали мы ему, как умели.

— А я звала вас вот зачем. Есть у меня к вам предложение: в нашем институте освободилось место лаборанта, может, согласитесь пойти к нам поработать.

— Подумать надо, — ответил Матвей, не находясь, что сказать.

— Ну хорошо. Чтобы было над чем думать, я вас немного ознакомлю с нашей лабораторией. Но прежде хочу предложить вам мой отчет о поездке в бригаду вашего отца. Будете читать?

Матвей утвердительно кивнул головой, и Наташа протянула ему толстую папку.

— Можете взять его с собой. Там и фотографии приложены. Есть

среди них та самая охота. Помните высокую берлогу? Ивану Тимофеевичу покажите, ему будет интересно. А теперь идите сюда.

И Наташа стала показывать ему альбомы полевых обследований охотничьих угодий, лабораторное оборудование, коллекции тушек птиц и мелких грызунов. Рассматривая этикетки, Матвей спросил:

— Что-то тут не по-русски все написано. На каком языке?

— На латинском. Все звери и птицы имеют свои названия на латыни, так условились ученые всего мира.

— Вы знаете этот язык? — восхищенно посмотрел Матвей на свою собеседницу.

— Не совсем, но названия зверей и птиц прочитать могу. Вот, например: лепус тамидус — заяц-беляк, канис люпус — волк...

— Как же я буду работать у вас, когда читать по-латински не умею?

— В ваши обязанности это не будет входить. Вы будете коллекционировать и препарировать зверей, мне помогать.

— Добыть я любого зверя смогу, а препарировать не сумею, — решительно заявил Матвей.

— Это нетрудно, я быстро вас научу. Вы уже умеете шкурки со зверьков снимать...

— Знаете, Наташа, думаю, что рано мне еще в ваш институт. Подучиться надо. Я серьезно решил идти заочно в охотоведческий техникум, стать охотоведом. Вот тогда я смогу вам помочь по-настоящему. А пока буду простым охотником. Вы приезжайте к нам на Алюю. Наша бригада нынче тигров ловить будет.

— Тигры — это интересно, но ведь моя тема — соболь...

— Мы и соболевать будем. Нам шкурки, а вам тушки, — засмеялся Матвей, но, встретившись с погрустневшими глазами девушки, смолк.

— Как хорошо, Матвей, что вы решили стать охотоведом. Учиться заочно будет трудно, но я охотно и с удовольствием стану помогать. На первый случай вот вам два учебника.

— Как-нибудь осилим. Охоту практически я знаю хорошо, даже тигров с отцом ловил! — не без гордости воскликнул Матвей.

— Знать технику охоты для охотоведа обязательно нужно, но это, Матвей, далеко еще не все, — возразила Наташа. — Вы должны уметь оценивать охотничьи угодья, а для этого нужно знать ботанику и почвоведение. Помимо этого, без знания зоологии и экологии вам тоже трудно будет заниматься и таким вопросом, как воспроизводство промысловых животных. Вы обязаны освоить пушное товароведение, так как главной продукцией вашего хозяйства станет пушнина. И, наконец, вы должны хорошо разбираться в экономике промыслового хозяйства. Ведь промхозы, которыми руководят охотоведы, могут успешно развиваться в том случае, если они рентабельны.

Вот и получается, что охотовед — это геоботаник и биолог,

товаровед и техник, зверовод и экономист. А вы пока хорошо владеете лишь техникой промысла. Собак вы тоже, конечно, любите, но и в собаководстве требуется знание хотя бы основ генетики. Как видите, Матвей, профессия биолога-охотоведа не такая уж простая. А сейчас я составляю для вас список проб и черепов, вы их соберите, пожалуйста, для меня.

Слушая Наташу, Матвей начинал хорошо понимать, что ему до охотоведа еще далеко, но с такой помощницей он с радостью будет преодолевать все трудности наук, и он снова стал настойчиво приглашать Наташу посетить этой зимой их охотничью избушку на Алой. Уж у него найдется время и возможность быть для нее и лаборантом и препаратором.

— Возможно, я к вам и приеду. Передавайте большой привет от меня отцу, да и всем остальным. А это вам на память,— и она протянула Матвею книгу «Жизнь леса».

— Спасибо, Наташа. Я буду ждать, приезжайте! Меня тут Перекатов в директора бобрового заповедника прочил. Да какой из меня директор! Подходит охотничий сезон, и такая силища меня снова в лес потянула, что и на цепи не удержишь. Нет, пока семьи своей нет, побегаю я с отцом по сопкам за черными собольками да за тиграми. Побуду рядовым охотником. Не всем же руководить. Кому-то и добывать мягкое золото надо.

Пожав на прощание руку Наташе, Матвей вышел из института. На лице его сияла улыбка.

В начале осени в Краснореченском охотничье-промысловом хозяйстве состоялось общее собрание кадровых промысловиков. Подобные собрания проводились ежегодно. На них слушали сообщения о результатах прошедшего сезона, намечали планы на будущее.

— Промысловая разведка,— говорил, обращаясь к охотникам, Перекатов,— принесла хорошие сведения о местах скопления белки и кабана. В охотугодьях много соболя и норки. Ваши потребности в капканах и боеприпасах мы удовлетворим полностью. В этом году мы завезем бригады на промысел вертолетами. Перед вами стоит задача — в самый короткий срок собрать богатый урожай тайги: пушнину и мясо. Перевыполнение плана добычи соболя, выдры и енота строго запрещается. Учтите и еще одно обстоятельство: продления сроков охоты не будет. Ранневесенние шкурки не прочны, да и нет смысла убивать зверей, переживших самые суровые месяцы зимы. Закончим пушной промысел, приступим к отлову зверей для «Зооцентра». Нынче нам планируют трех тигров. Отлов их мы решили поручить бригаде Богатырева,— Перекатов остановился взглядом на Иване Тимофеевиче и улыбнулся ему.— Осталось немного времени до начала промысла. Давайте хорошо подготовимся к нему и выполним свои обязательства перед государством!

РАССКАЗЫ

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

В низовьях Амгуни на притоке, вытекающем из большого озера, раскинулось старинное русское село Раздольное. Испокон живут в нем рыбаки и лесорубы, но деление это условное: нет рыбака, который бы зимой не рубил лес, а лесоруба, который осенью не лавливал бы рыбу.

На краю села — дом лесника. Толстые лиственничные бревна, прорезанные пятью окнами в деревянных кружевах, не потускнели от времени. Будто солнечные лучи, пробегаая по срубе, так и остались

на нем, и стоит он, отливая золотом в ясную и пасмурную погоду.

Жена у лесника давно умерла, оставив дочь Елену. Лесник баловал ее, приносил из тайги зверушек и птиц. Дочь выросла и стала учительницей в местной школе, но привычка ухаживать за животными осталась.

Однажды лесник принес домой лебедя.

— Может, Елька, выходишь птицу, — обратился он к дочери. — Крыло у нее перебито. Слыхал я, что лебедь к человеку привыкает, ручным становится, ежели к нему с лаской.

Очень обрадовалась Елена. Отец не держал никакой домашней живности, кроме лайки, с которой ходил в лес. Привязав собаку, она пустила лебедя во двор, насыпала в кормушку овса, налила воды в корытце. Волоча по земле правое крыло, лебедь отошел в дальний угол к сараю и начал клювом очищать помятые перья. Были они не чисто белыми, а имели дымчатый оттенок, словно испачкались в саже. Конец клюва и лапы отливали черным глянцем. Голову, покоящуюся на гибкой шее, украшали живые сторожкие глаза.

— Лебедь-то молодой, — заметил лесник, — доверчивый, а вот не ест. Гордая, видать, птица. К ветеринару снести бы его надо.

— Зачем к ветеринару? Я его лучше хирургу покажу.

Однако нести лебедя в больницу Елена постеснялась. Она пригласила молодого врача к себе, и тот не смог отказать миловидной учительнице. Он пришел к леснику после дежурства, внимательно осмотрел поврежденное крыло птицы, перевязал и, улыбнувшись, сказал:

— Кость цела. Заживет — летать будет.

Со всей нежностью девичьей души привязалась Елена к лебедю. Словно за ребенком, ухаживала за ним. Вдоволь кормила зерном и свежей сочной травой, часто меняла воду в корыте. И Снежок, так назвала она лебедя, начал поправляться. Когда видел Елену в белом платье, то ходил за ней по пятам.

Хирург Разумов, направляясь на дежурство в больницу, не раз останавливался возле дома лесника и спрашивал, завидя молодую хозяйку:

— Ну как, Елена Дмитриевна, поживает ваш Снежок?

— Хорошо, Александр Степанович, — отвечала она. — Видимо, скоро и повязку с крыла снять можно?

— Не торопитесь делать это. Я посмотрю «больного», а тогда и решим.

В первый же свободный день Разумов снова внимательно и осторожно осмотрел крыло Снежка.

— Отлично! — воскликнул он. — Лучше не бывает. Можно снять повязку, рана зажила. Смотрите теперь за ним хорошо, улетит он от вас. Поверьте, инстинкт к странствиям окажется сильнее привязанности.

Радость на лице Елены сменилась тихой грустью. Глаза ее ласково следили за удаляющейся птицей.

— Ну что ж, чему быть, того не миновать. Но только не хочется верить в скорую разлуку, уж очень я привязалась к лебедю.

— Ах, Елена Дмитриевна! Если бы я мог стать для вас таким же предметом внимания и ласки, как Снежок, я бы навечно остался в Раздольном.

Елена в смущении опустила ресницы, понимая, что он шутит.

Шло время. Крыло у Снежка зажило настолько хорошо, что он уже не волочил его. Охорашиваясь, лебедь взмахивал им, как вполне здоровым, поправлял и укладывал на нем перья.

Невдалеке от околицы находилось небольшое озерцо. Елене казалось, что ее питомец очень тоскует по водному раздолью, и она решила отнести Снежка на это озерцо. При виде воды лебедь заволновался. Вырвавшись из рук хозяйки, он с нетерпением заспешил к воде. Как красив и гармоничен был его бело-дымчатый силуэт, плавно скользивший по водной глади на фоне темной прибрежной зелени!

Залюбовавшись лебедем, Елена присела на высокую кочку, задумалась. Ей вспомнились чудесные сказки детства о лебедях, уносивших на крыльях братца Иванушку, о прекрасной царевне-лебеди. Она не слышала шагов подошедшего сзади охотоведа и слегка вздрогнула, когда он произнес:

— Здравствуйте, Елена Дмитриевна! Охраняете своего лебедя? Стерегите, стерегите. Охотников у нас много, подстрелят невзначай.

— Да неужто найдется такой, у кого рука поднимется? Законом и сердцем запрещено убивать этих красивых птиц.

— За всех поручиться нельзя.— С этими словами Березин опустился на землю подле Елены.

— Куда это вы ходили с ружьем? Ведь охота запрещена.

— Вот поэтому и пришлось прихватить ружье. На охоте за зверем без ружья обойтись можно, за браконьером — без ружья делать нечего. У меня неподалеку солонцы, вот и решил проверить, не ходит ли на них кто. Вы и впрямь, я вижу, пасете лебедя.

— Да вот приходится беречь от вашего брата — охотника, да от собак. А то, гляди, и волк подскочит. Нынче их много развелось при вашем покровительстве,— усмехнулась Елена.

— Вы, Елена Дмитриевна, всегда идеализируете природу и делите животных, как и людей, на добрых и злых?

— А что, разве это неверно? — недоуменно спросила она, подняв на охотоведа свои большие голубые глаза.

— Нет, неверно. В вашем представлении голуби и косули наделяны святой кротостью, они у вас — символ миролюбия, нежной

робости, а тигр и волк — олицетворение жестокости и коварства. Не так ли? А присмотритесь-ка к ним поближе! Увидев крадущегося тигра, не станешь сомневаться в его намерениях, а вот самец косули может играючи подойти к самочке и вонзить ей в бок острые рога — вот где настоящее коварство! Ведомо ли вам, что голуби, посаженные в клетку, способны убить друг друга?

— Какой же вы злой, Березин! — Елена решительно поднялась, давая понять, что такой разговор делается для нее несносным.

Охотовед простился с Еленой. Удаляясь, он досадовал, что не так повел разговор и вызвал гнев ее вместо расположения.

Тем временем Снежок, вволю накупавшись и наплававшись, вышел на берег, принялся охорашиваться, перебирая перья своим клювом, ярко-желтым у основания и черным в конце.

— Ну что, друг мой, пойдем обедать? — С этими словами Елена направилась к селу. Лебедь послушно следовал за ней. Возможно, что белое платье девушки напоминало ему собратьев, и потому он не отставал от нее.

Накормив Снежка вареной пшеницей и мелко искрошенными листьями капусты, Елена занялась домашними делами.

С этой поры Снежок каждый день стал бывать на знакомом озере. То важно шествовал вместе с Еленой по знакомой ему теперь дороге, то поднимался на крыло и перелетал ложбину, отделявшую озеро от околицы, подолгу плавал и купался без всякой охраны.

Начались заморозки. Лесник вместе с охотоведом и врачом решили поехать на медвежью охоту. Обсудить охотничий маршрут, проверить, все ли предусмотрено, собрались в доме лесника.

— Рановато мы нынче едем. Комаров и мошки еще много в лесу — загрызут, — сокрушался Разумов.

— Мошке и мороз нипочем: свирепствует! — согласился лесник. — Да нам не привыкать, выдюжим. А то, может, у Ельки репуди-ну возьмем?

— Кто как, а я не люблю мазаться репудином, — заметил охотовед.

— Березин не верит в химическую защиту, — улыбнулась Елена, — но тут на биологическую рассчитывать не приходится. Нет таких животных, которые пожирали бы мошку.

— Есть! — возразил Березин. — А стрекозы! Они до мошки охочи! Развести бы стрекоз, так их лягушки уничтожают. Правда, лягушками питаются многие змеи, да и у змей немало врагов. Например, душат их норки, а на тех в свою очередь нападают таймени да филины...

— Постой, постой, — прервал Разумов. — Неужели в природе все только и делают, что пожирают друг друга?

— Не совсем так,— спокойно ответил Березин.— В природе постоянно идет жестокая борьба за существование. Проявляется она не только в том, что одни животные нападают на других. Наравне с этим часто можно наблюдать взаимопомощь, терпимость друг к другу. Многие звери охотно питаются муравьями, а как одолеют их клещи, бегут к муравейникам, ложатся на них и покорно принимают «муравьиные ванны»: муравьи снимают с них паразитов. Всем кажется, что волки беспощадны. А один ученый наблюдал дерущихся волков. Он пишет, что побежденный подставляет победителю самое уязвимое место — шею, и тот не наносит ему последнего удара. Вот вам пример поразительной сдержанности у хищников, на которую не способны «миролюбивые» травоядные. Волк может быть великодушным «рыцарем», а косуля — беспощадно жестоким убийцей. И это объяснимо: природа, дав хищнику смертоносные клыки, наделила его инстинктом сдержанности, отказав в таковом травоядным.

— Вы опять начали хвалить своих кровожадных волков,— возразила Елена,— а я их все равно терпеть не могу!

Поддерживая в споре дочь лесника, врач добавил:

— Мне думается, что в оценке волка охотоведы из одной крайности впадают в другую. То они считают этого зверя бичом всего живого, то называют его чуть ли не селекционером. Роль санитара еще в какой-то степени допустить можно, но доверять отбор — это уже чересчур! Да и чем же тогда будете заниматься вы, охотоведы?

— Что же, не станем говорить о волках. А как, по-вашему, мышь — полезна или вредна?

— По-моему, тут не может быть двух мнений: хоть и безобиден на вид этот зверек, но вреден и опасен. Мышь не только переводит корма, но и разносит инфекцию...

— Так думают многие, но мы, охотоведы, никак не можем согласиться с этим. Большинство ценных пушных зверей — соболи и горностаи, лисицы и песцы, колонки и хорьки — перевелись бы, не будь мышевидных грызунов — их основной пищи. А тому, что у нас меняются взгляды на роль животных в природе, удивляться не стоит. Просто мы идем в ногу с открытиями науки, глубже познаем тайны поведения животных. Конечно, бывают в наших делах и ошибки. Взять, к примеру, уссурийского енота. Мы считаем его полезным: этот кроткий зверек дает человеку теплую пушистую шкурку, целебный жир, да и мясо съедобно. Переселили его на Запад, а он стал там разорять птичьи гнезда, потому что не хватает привычного корма: лягушек, рыбы, ягод. Вот и объявили енота вредным зверем. Одно и то же животное в зависимости от условий может быть и полезным, и вредным...

Лесник обычно в подобные споры не вмешивался. Не потому,

что плохо разбирался в природе, ему казалось, что обе стороны по-своему правы.

— Хватит, братцы, спорить. Время позднее. Утром грузимся и — к нерестилищам. — С этими словами лесник встал и направился во двор. Здесь он привязал лайку Тайгу: без нее ранний выезд мог не состояться.

Прощаясь с Еленой, охотовед вздохнул и крепко сжал ее маленькую ладонь.

— Зорко следите за Снежком, Елена Дмитриевна. Наступает пора осенних перелетов: как бы его не сманили лебеди.

— Снежок удивительно привязался к своей хозяйке, — заметил Разумов. — Но охотовед на этот раз, кажется, абсолютно прав!

После отъезда отца Елена стала еще больше уделять внимания своему питомцу: баловала его ягодами, зеленым горошком, подолгу гуляла с ним подле озера, даже обзавелась двумя гусями, считая, что они скрасят одиночество ее любимца. Белые гуси относились к лебедю с большим уважением, сразу признали в нем вожака, но Снежок с горделивым пренебрежением относился к их почтительному заискиванию.

Осень позолотила лиственничные боры, подступавшие к Раздольному. По утрам в ярко-голубом небе проносились косяки гусей. Они летели над самым селом, перекликаясь со своими отяжелевшими домашними родственниками. Снежок спокойно рассматривал их карим глазом, повернув голову к небу правой стороной, словно вслушиваясь в гортанное гусиное гоготание. Но однажды, когда на реке появились первые льдины, в стороне от села медленно проплыл в небе лебединый караван. Неторопливо взмахивая огромными крыльями, лебеди изредка переговаривались на своем музыкальном языке, услышав который, Снежок преобразился. Куда девались его величавость и степенность! С плотно прижавшимися к телу перьями и вытянутой шеей он побежал к реке. Гуси, следовавшие за ним, отстали, а он, набирая скорость, широко распахнул крылья и, когда достиг края обрывистого берега, резко взмахнул ими и тяжело поднялся в воздух. Сперва он учащенно, судорожно работал крыльями, но вот встречные потоки воздуха, ударив снизу, подхватили его и высоко подняли в небо.

Никто из людей не видел, как огромная белая птица исчезла за приречным лесом. Напрасно Елена весь вечер искала Снежка, расспрашивала своих учеников, всех, кто возвращался с реки или из лесу: никто не видел лебедя. И тогда она вспомнила предостережение охотоведа. Елене было обидно: ведь она так любила, так внимательно ухаживала за лебедем! А он улетел от нее столь неожиданно, что она даже не смогла с ним проститься. Ей было жаль Снежка: сможет ли он, догнав других лебедей, преодолеть с ними громадное

расстояние до стран вечного лета? Ведь он еще так слаб и так доверчив к людям!

А Снежок летел над Амгунью. В нем проснулся могучий инстинкт странствующих птиц. Он наслаждался воздушной стихией, но малотренированные крылья его не были подготовлены к длительному полету. Потеряв из виду лебедей и не слыша их криков, он еще долго летел над рекой. А затем, когда силы его иссякли, спланировал на первое попавшееся озеро.

Недалеко от озера, где сел Снежок, на берегу укромного залива Амгуни расположились охотники. Лесник и его молодые друзья подкарауливали на нерестилище медведей. Нерест кеты заканчивался, и косолапые рыболовы сновали вдоль берегов, прокладывая торные тропы. На них-то и поджидали зверя охотники. Охота усложнялась тем, что медведи, как правило, рыбачили ночью, а днем отдыхали в лесной чаще. Пришлось перестраиваться и охотникам: ночью они караулили, а днем отсыпались. И, как это часто случается в жизни, счастье пришло к наименее опытному охотнику. Вернувшись на табор, Разумов рассказал, что медведь подходил к нему, ловил рыбу под самым берегом. Было слышно, как он фыркает в воде, шлепает по гальке. Только вот прицелиться в него врач никак не мог: то мешал кустарник, то было слишком темно. В конце концов медведь почуял его и убежал.

— Везет же тебе! — не скрывал зависти охотовед. — А ко мне, вот сколько сижу, ни один зверь не подходит. А вокруг следов свежих много.

— Не отчаивайся, — ободрил его лесник, — охотника девятая заря кормит.

— Долго ждать ведь нам нельзя: пойдет плотная шуга — на лодке не выберешься. Схожу я сегодня подальше.

После обильного завтрака все уснули. Первым поднялся охотовед. Он развел костер, навесил ведро и, когда закипела вода, опустил в него картошку, а затем несколько крупных кусков рыбы. Уха получилась на славу. Ели долго и сосредоточенно. После обеда все начали собираться на свои места. Охотовед выбрал отдаленную протоку, до нее было ходу часа полтора, но как подобраться к нерестилищу, чтобы не оставить следа и тем самым не напугать зверя? Долго раздумывал Березин и наконец решил пойти к озеру с одноместной резиновой лодкой. Там, надув ее, он спустится по вытекающей из озера проточке в Амгунь к нерестилищу.

Забросив за плечо карабин, Березин простился со своими приятелями. Солнце клонилось к тальникам, когда он тихо подошел к озеру. Каково же было его удивление, когда увидел там одиноко плавающего лебедя. «Сейчас заметит и улетит», — подумал охотник, выходя

из-за прикрытия. Если бы ему нужно было подкарауливать зверя на озере, он никогда бы не спугнул лебедя. Звери хорошо знают: там, где плавают эта зоркая птица, не может быть опасности. К удивлению охотоведа, лебедь не собирався улетать. Он глубоко погружал в воду свою голову, доставая со дна что-то съедобное.

«А может, это Снежок? — мелькнула мысль. — Но как он попал сюда, за две сотни километров от Раздольного?» Сняв рюкзак, Березин достал резиновую лодку, надул ее и спустил на воду. «Неужели не улетит?» — подумал он и начал подгребать маленькими веслами-лопаточками. Но лебедь не только не улетал, он плыл навстречу. Приблизившись к птице вплотную и внимательно разглядев ее, Березин убедился, что перед ним Снежок. Поймать ручного лебедя и посадить его в лодку не представляло сложности, а для того чтобы он не вырвался, охотовед поместил Снежка в просторный рюкзак, выставив наружу его голову. Затем он стал спускаться из озера по речушке, прислушиваясь к каждому всплеску, всматриваясь в каждое темное пятно на берегу.

Издали доносился невнятный рокот переката на Амгуни, где находилось большое нерестилище, на которое часто выходили медведи. Солнце спустилось за сопки, но на небе долго еще не зажигались звезды. Притормаживая лодку, чтобы она плыла возле самого берега, охотник положил карабин на колени. Ему очень хотелось закурить, но разве можно было рисковать. Он хорошо знал, что из всех чувств обоняние у медведя — самое сильное.

Впереди показался широкий просвет. Деревья расступились, и маленькая речушка слилась с Амгунью. Усилившееся течение подхватило лодку и вынесло ее на стрежень. Берега Амгуни также были пусты. Неудача дальнего захода на этот раз не огорчила: ему посчастливилось найти Снежка, за которого ему, конечно же, будет очень благодарна Елена.

Быстро мелькали берега, поросшие высокими тополями. Где-то рядом просвистели крылья летящих навстречу крохалей. Темнота окутывала реку. Теперь, даже если бы медведь стоял на чистом берегу, его невозможно взять на мушку.

Вдруг эхо далекого выстрела нарушило тишину реки. Березин вздрогнул. «Видать, оборвалась медвежья жизнь», — подумал он и стал грести, ускоряя и без того быстрый ход лодки. Огонек костра показался очень близким, но прошло с полчаса, прежде чем охотовед подплыл к биваку. Лесник с врачом сидели у костра, перебирая в памяти сцены охоты.

— Поди, завалили зверя, а я тоже не с пустыми руками, — и охотовед положил перед костром рюкзак, из которого высывалась длинная шея и голова лебедя.

— Да как же ты, охотовед, мог руку поднять на эту священную птицу? — возмутился врач.

— Поднял, и притом сознательно. Ведь это же наш Снежок. А вот как он сюда попал, для меня — загадка.

— В самом деле Снежок! — изумился хирург, просовывая руку в рюкзак и осторожно ощупывая крыло лебедя.

Теперь все трое, обступив, рассматривали его, словно впервые видели перед собой эту птицу. Молчание прервал лесник.

— Чему тут дивиться, что Снежок слетел со двора. Время-то самых перелетов. Вот только как Березину подфартило его найти, чудно! Жить ему теперь с нами до конца. Ну, давайте ужинать, что ли!

— Скажите: убили вы медведя? — спросил охотовед.

— Да вроде бы, — уклончиво ответил лесник. — Целил-то я ему в убойное место. Завтра пойдем проверим.

Чуть свет, прихватив Тайгу, приятели направились к месту вечерней охоты лесника. Подойдя к нерестилищу, спустили со сворки собаку. Вскоре ровный лай Тайги, несшийся с одного и того же места, оповестил людей, что она нашла медведя и зовет их к себе. Медведь ведь ушел недалеко. Лежал он в кустарнике, уткнув нос в сырую землю. Теперь предстояло снять с него шкуру, расчленив тушу.

Смирившись, как ей казалось, с безвозвратной утратой Снежка, Елена с нетерпением поджидала возвращения охотников и была очень обрадована, когда во двор вбежала Тайга, приветствуя хозяйку громким лаем. Елена поспешила к берегу. Ей хотелось поскорее увидеть отца, но вместо него навстречу шел охотовед, бережно неся в руках что-то.

— Это вам, Елена Дмитриевна, — и он протянул ей рюкзак. — Берите, не бойтесь!

Елена неохотно приняла подарок. Любые охотничьи трофеи не обрадовали бы ее. Но когда, положив на землю, она развязала рюкзак и оттуда выглянул Снежок, Елена вскрикнула от удивления и, приблизившись к лебяжьей голове, нежно поцеловала ее.

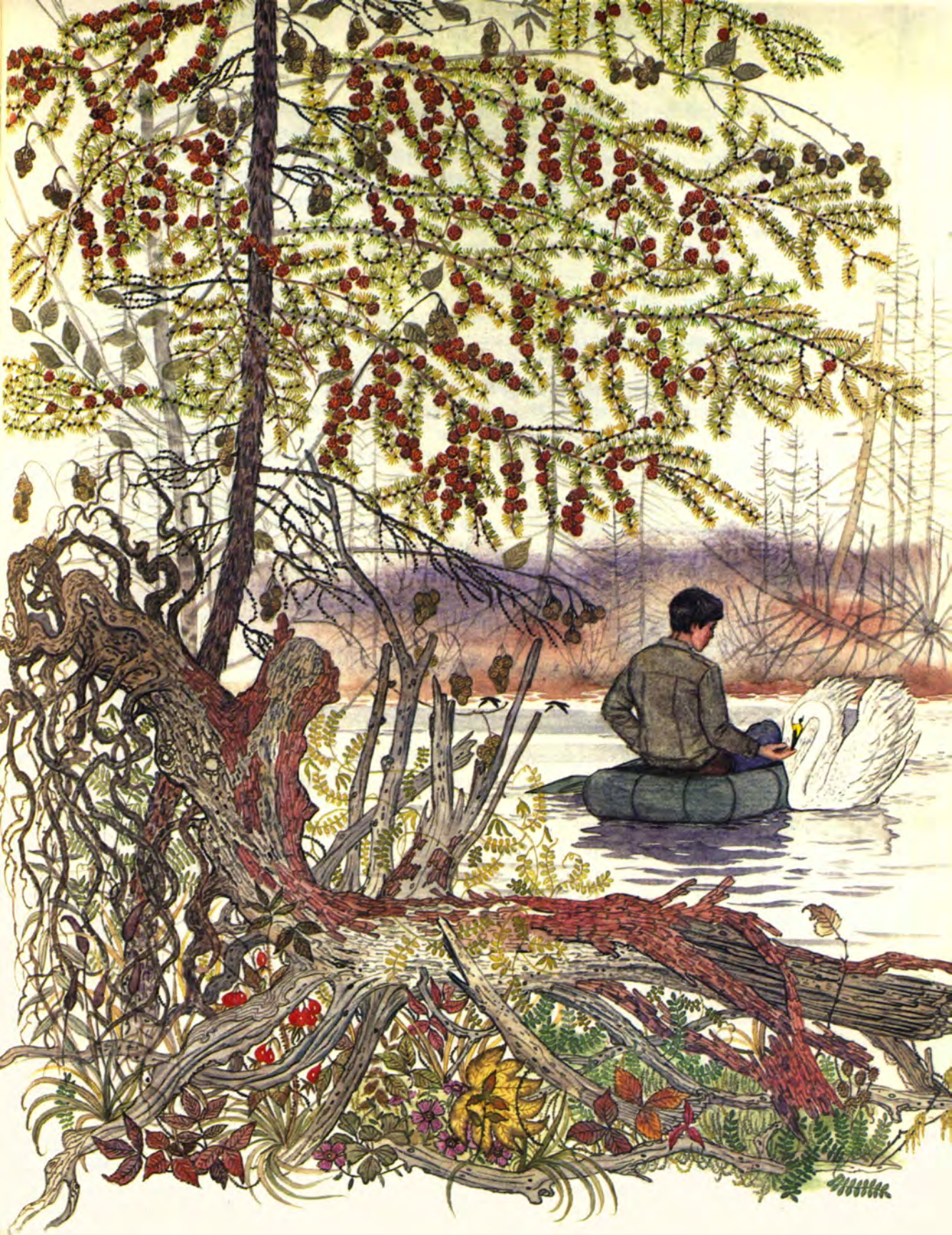
— Милая моя птица, ты опять вернулась ко мне?!

Тем временем лебедь выбрался наружу. Расправив крылья, он обмахнулся ими и с достоинством, присущим всем лебедям, зашагал во двор к своей кормушке. Гуси приветствовали его громким гоготанием, низко опустив головы.

— Как же вам удалось найти его?

— Да я, по правде говоря, и не искал. Случайно встретились на озере. Вот и пригласил его вернуться домой.

Впервые на охотоведа смотрели огромные голубые глаза, полные благодарности и доверия.

Наступила зима. По утрам из кирпичных труб поселка поднимались в безоблачное небо высокие белые столбы пара, смешанного с дымом. Скрипели на все лады под ногами прохожих дощатые тротуары. Мороз был так силен, что даже куры и гуси не решались выходить во двор из своих теплых птичников. Снежок, хотя и страдал от лютой стужи, ежедневно покидал на несколько часов теплое убежище, прохаживаясь под окнами дома. Стоя на одной лапе, он, казалось, дремал, щурясь на солнце.

Лесник был занят в тайге отводом лесосек, и все заботы по хозяйству легли на плечи Елены. Иногда ее навещали врач и охотовед, и тогда они возвращались к своему давнему спору: есть ли разум у животных?

Однажды субботним вечером в дом лесника зашел Березин.

— На днях я лечу в Нимелен, предстоит трудная работа, до самой весны. Вот зашел попрощаться.

— Проходите, присаживайтесь. Я сейчас самовар поставлю. Да расскажите, чем вы там заниматься будете.

Слушая неторопливый рассказ гостя, Елена поняла, что не безразлична к судьбе охотоведа. Она исподволь рассматривала загорелое лицо Березина, открытый высокий лоб, слегка раздвоенный подбородок, умные колющие глаза, большие, крепкие руки, умеющие делать все. Елена представила, как ему подолгу приходится жить в лесу одному, и это ей казалось пределом мужества.

Как будто прочитав мысли Елены, охотовед встал. В его взгляде застыл немой вопрос. Ресницы девушки дрогнули и быстро опустились. Наступило неловкое молчание.

— Засиделся я. Доброй вам ночи! — торопливо простился Березин.

Через день рокот вертолета, поднявшегося с околицы, оповестил Елену, что охотовед улетел к далеким заснеженным хребтам.

Пришла весна. По Амгуни плыли голубые льдины. И хотя в оврагах лиственницы стояли еще в глубоком снегу, их ветви покрылись зеленой дымкой. Теперь Снежок почти не заходил в летнюю кухню, где зимовал. Он беспрестанно купался с гусями в лужах, возбужденно махал крыльями, зорко всматривался в небо, когда над Раздольным пролетали гуси или утки. Однажды утром над Амгунью появились лебеди. Они летели углом, оглашая землю трубными звуками. «Я здесь, а ты где?» — будто спрашивал вперёдидетящий. Как взволновался и насторожился Снежок, заслышав родные ему звуки! Он снова устремился к обрывистому берегу реки. Распахнув свои могучие крылья и оттолкнувшись от земли, поднялся в воздух. Набрав высоту, он во всю силу своих легких протрубил клич улетающим собратьям, и те отозвались на его призыв. Ускоряя полет, Снежок

уверенно скользил в голубой вышине. Все слабее и слабее доносилась оттуда его ликующая песня. В ней слышалось холодное завывание ветра, журчание весенних ручьев, тоска и радость. Долго летели лебеди. Снежок догнал их, потому что караван снизился над пустынным таежным озером для отдыха. Теперь никакая сила не смогла бы разъединить его со стаей. Радость наполняла его маленькое сердце, и он трубил и трубил. Это была его первая, но не последняя песня!

— Елена Дмитриевна, чем это вы так расстроены? Что случилось? — с тревогой спросил Березин учительницу, быстро вошедшую в его комнату.

— Опять пропал Снежок, помогите разыскать!

Охотовед накинул на плечи тужурку, и они направились к реке. Багряная заря отражалась в зеркальной поверхности залива. Пахло влажной свежестью. Где-то в вышине звучали тоскливые голоса перелетных птиц.

— Елена Дмитриевна, стоит ли искать лебедя? Пусть живет на свободе. На ближайшем озере его примут в перелетный караван, и, как знать, может, он найдет там себе лебедушку.

Березин заглянул в потемневшие глаза учительницы. Елена оперлась на крепкую руку спутника, и они молча побрели вдоль засыпающей реки.

ПОСЛЕДНИЙ БАРС

На склонах Буреинского хребта — там, где он упирается в Амур крутыми сопками, с давних времен водились барсы. Случалось, что приходили они из Маньчжурии вслед за кочующими стадами косуль. Богатые копытными зверями леса обеспечивали им сытую жизнь, но не была она спокойна. С каждым годом увеличивалось число охотников, и как ни осторожны были эти чуткие звери, все чаще и чаще попадали они под пулю или в руки звероловов. Ни один охот-

ник не смог бы выследить летом барса: мягкие бархатистые лапы этой исполинской кошки почти не оставляли следов на земле, серовато-желтая же окраска меха с ярким узором черных пятен по всему телу делала зверя незаметным. Когда он неподвижно лежал на земле среди травы и кустов, даже зоркие олени, подходившие на близкое расстояние, не замечали своего смертельного врага — так хорошо сливалась его окраска с окружающей местностью.

Никто не знал, когда появился в истоках Биджана этот барс. Возможно, он пришел из-за Амура по сковавшему реку торосистому льду, а может быть, и родился здесь. Только чувствовал он себя в этих лесах неплохо и не собирался покидать облюбованных мест.

Барс был очень терпелив. Он мог подолгу просиживать у звериных троп, подстерегая свою жертву. Однажды он вышел на охоту осенней темной ночью. Но это не было помехой: как и все кошки, он предпочитал ночной поиск. Найдя кабарожью тропу, барс лег около поваленного дерева на живот, вытянув свое мускулистое тело, и замер в ожидании. Долго и терпеливо прислушивался он к каждому легкому шороху, но вот уже заалел восток, а на тропе никто не появлялся. Барс намеревался было покинуть засаду, как вдруг в стороне от тропы показалась кабарга. Огромными прыжками кинулся хищник ей навстречу. Отпрянув в сторону, ошалелая кабарожка понеслась птицей, перемахивая двухметровые кусты, но скорость нападающего зверя была столь стремительна, что не прошло и двух минут, как барс догнал и ударом передних лап крепко придавил к земле свою жертву.

Позавтракав, он взобрался по скалистому обрыву на труднодоступную, поросшую высокой травой и кустами боярышника каменистую площадку и заснул крепким сном. Лишь с наступлением вечерних сумерек он спустился к ключу, утолил жажду и отправился на прогулку. Голод не мучил его, но по пути он все же задавил несколько полевок. Скрытая ночная жизнь, недосыгаемое для охотников и собак место дневного отдыха способствовали его безопасности. Лишь следы на снегу могли привести на это логово собак и охотников. Других врагов в лесу у барса не было. Хотя по силе его превосходили крупные бурые медведи и тигры, но в ловкости уступали и не хотели связываться с ним.

Невдалеке от владений барса, в маленькой охотничьей избушке, выстроенной прошедшей осенью, жили два приятеля — молодые охотники. Добывали они белок да рябчиков, мечтая в душе убить медведя или большого кабана, чтобы скорее утвердиться в звании настоящих таежных охотников. Оба работали в колхозной полеводческой бригаде и теперь находились в отпуске. Была у них собака Бельчик. На охоту ходили вместе — так было веселее, а если попадется берлога, то вдвоем брать зверя сподручнее.

— Колька, вставай! Вишь, небо светлеет. Белка на кормежку пошла, — будил своего друга русоволосый ученик комбайнера Петька.

— А мы ее будем брать, когда она с кормежки пойдет на лежку, — с этими словами Николай накинул на плечи коротко обрезанную шинелишку, снял с печки котелок и отправился к ключу за водой.

Позавтракав, приятели взяли на поводок Бельчика и направились в лес. Поднявшееся над деревьями солнце пронизывало своими лучами просыпающийся темно-зеленый кедрч, освещая яркими пятнами ослепительную белизну свежего снега. Голубое прозрачное небо, простиравшееся над седыми вершинами сопок, было безоблачно и чисто как после дождя. Эта чистота и яркость красок, прозрачность воздуха создавали величественную торжественность в душе молодых охотников. Праздничное, радостное настроение охватило их.

Поднявшись на сопку, они подстрелили двух белок и одного рябчика, полюбовались лесными далями и начали спускаться в кедровую падь. Идущий впереди Петр остановился:

— Смотри, Николай, табун чушек пропорол по своей старой тропе. Видать, недалеко где-то живут. Может, последим?

Приятели постояли в раздумье около тропы, к которой тянулся Бельчик, — он прищупывал свежие следы и ожидал, что его спустят с поводка.

— Давай попробуем, — наконец согласился Николай, перезаряжая дробовой патрон в своей «ижевке» на пулевой.

Быстро шагая по торной кабаньей тропе, молодые охотники стали догонять ушедший табун. Спустившись в падь, тропа повернула под прямым углом на восток и снова пошла в гору. Она проходила смешанным высокоствольным лесом, захламленным поваленными ветром старыми деревьями. Подойдя к вывернутому с корнем кедру, охотники остановились. Неизвестно кем напуганные кабаны запрыгали в разные стороны. Маховые следы говорили о том, что за кабанями кто-то гнался.

Внимательно осмотрев окружающую местность, охотники установили, что на поваленном кедре, лежавшем около самой тропы кабанов, их подстерегал какой-то зверь. Пропустив часть табуна, он бросился в самую гущу испуганных свиней, схватил первого подвернувшегося подсвинка и утащил его в ключ.

Но что это был за зверь?

Сперва подозрение пало на медведя, затем, рассмотрев внимательно следы, молодые охотники решили, что на кабанов напала тигрица — след был круглый и не особенно большой.

— Возможно, она с тигрятами, вот бы поймать! — высказался Петр. Николай подвел к следу Бельчика. Шерсть на загривке лайки поднялась дыбом.

— Эх ты, кабанятник! На тигриных следах хвост поджимаешь. Да, с тобой тигра не взять, — сокрушенно вздохнул Николай.

Идти за смертельно испуганными кабанями было бессмысленно, преследовать же тигрицу охотники не решались: собака явно боялась

тигров, да и ружья были слабоваты. Решили подняться снова на сопку поискать белок и идти в зимовье.

Вечером после обильного ужина охотники снова вернулись к разговору о тигрице.

— А что, Николай, если махнуть завтра в зимовье дяди? — предложил Петр. — Прямоком и десяти километров не будет. Охотится он с двумя товарищами, собаки у них отличные. Тигров живьем ловили.

— Может не пойти твой дядя. Скажет: след старый, либо не поверит нам.

— Ну и что, по дороге охота хорошая, зря время не проведем!

Легли пораньше, а чуть свет тронулись в зимовье Трофимова, что стояло на Каменном ключе. День выдался погожий. Идти по мелкому снегу — одно удовольствие. А тут то белка уркнет, то рябчик крыльями о ветки хлопает. Друзья и не заметили, как наступил вечер. До Каменного ключа оставалось не более часа ходьбы. Зашло солнце, но долго еще на небе не угасала вечерняя заря. Идти по лесу было легко. Только подойдя вплотную к избушке, ребята увидели струйку голубого дымка, тянущуюся из железной трубы, — охотники вернулись и готовили ужин.

Немало удивился Трофимов, увидев своего племянника, о котором знал, что тот охотился вдалеке.

— Уж не заблудились ли вы, хлопцы? — обратился он к ребятам, приветливо улыбаясь.

— Нет, дядя Андрей, мы тигру нашли. Возле нашего барачка живет. Видать, у нее тигрята есть. Она им кабанов таскает. Сами видели. Следы свежие. Вот мы и пришли известить.

— Может, поймаем? — робко вставил Николай, вмешиваясь в разговор племянника с дядей.

Охотничий промысел не был основной профессией Трофимова. Работая комбайнером, он лишь на три месяца уходил в леса с давнишними товарищами по охоте. Промышлял он все, что попадалось, — от белки до медведя и от кабарги до лося. Ловил Трофимов и тигров. Ему на эту зиму было дано задание взять двух тигрят, но следы амбы не видел. Он уже не надеялся поймать «владыку джунглей» и потому очень обрадовался неожиданному известию племянника.

После ужина охотники составили план действий. Заключался он в том, что все вернутся в барачек Петра и попытаются выследить тигрицу. Если даже она четырехлетнего возраста, то взять ее живьем, а если у нее дети, то и переловить тигрят. Приамурские звероловы не решаются брать тигров в возрасте более четырех лет. Лишь однажды, по ошибке, Трофимов навалился на пятилетнего тигра. Зверь поломал рогульки, ранил ловца и ушел невредимым.

Промысловики не делают просторных охотничьих избушек. Крепкие морозы, да еще с ветром, заставляют строить барачки кро-

хотными, с низкими потолками, площадью на два-три человека. Чтобы войти в такое жилище, приходится сгибаться и пролезать в маленькую дверцу на четвереньках. Но зато дров для отопления требуется немного. Ведь далеко не все деревья годятся на дрова. Для приготовления пищи хороши усохшие на корню кедры и ясени, а для отопления нужны сырые дрова из ясеня и березы. Эти породы вырубаются в первую очередь вокруг избушки, и хотя стоит она среди леса, за дровами приходится иногда ходить далеко.

Долго не могли уснуть охотники. Загасив свечу, лежали они на нарах, перебирали в памяти виденное за день. Поднялись рано. Завтрак состоял из гречневой каши, вареной кабанины и крепкого чая. Подперев дверцу избушки колом, пошли за Петром и к вечеру были в его барачке.

— Ну, Петр, показывай, где видел тигровый след, — обратился поутру Трофимов к своему племяннику.

— Недалеко он — часа полтора ходу.

Придя к поваленному кедру, Трофимов внимательно осмотрел следы, затем подошел к месту, где был схвачен кабан. Разглядывая кустарник, он снял с острого сучка маленький клочок шерсти, положил его на ладонь и подозвал к себе товарищей.

— Шерсть-то не тигриная, да и след маловат. Никак барс поохотился на кабанов. Что-то ты, Петр, оплошал: следы путаешь. — Видя расстроенное лицо племянника, Трофимов улыбнулся: — Не горюй, еще научишься, а вот за барса спасибо. Давненько не видывали мы в этих местах тигриных братьев. Думал, уже перевелись. Ан нет, глядишь, еще пятнистого братъ придется. Сейчас осторожно за ним походим. Собак не пущать.

Теперь впереди шел Трофимов. Вскоре следы привели охотников в пихтач. Здесь, укрывшись от всевидящих ворон, барс поедал свою добычу. К ней он возвращался дважды, от подсвинка остались голова да ноги. Пройдя по следу несколько километров, охотники убедились, что барс обосновался в приглянувшемся ему районе, ходит на больших кругах и не намерен покидать уголья, столь богатые копытными зверями.

Вернувшись в избушку, охотники решили денек передохнуть и хорошенько подготовиться к преследованию зверя.

— А ну, как этот барс окажется дюже крупным и попрет на нас, стрелять его можно? — задал вопрос Николай. Он впервые участвовал в ловле крупных хищников, но слышал, что старых тигров не берут — зверь сильный и постоять за себя сумеет.

Трофимов усмехнулся:

— Ты, паря, и впрямь собираешься пальнуть по зверю. Однако придется у тебя пулевые патроны заменить на холостые. Теми стреляй сколько хочешь, если уж дюже страшно покажется. — Но видя, что Николай не верит в серьезность его наставления, Трофимов

добавил: — Барс слабее и трусливее тигра. Даже старый на человека не идет. Этого зверя в любом возрасте скрутим. Но он на ногу быстр. Доведись ему собаку в лесу встретить — задавит и съест, а вот навальтятся на него три-четыре смелые тигрятницы — теряется, наутек идет альбо на дерево лезет. Словом, сам увидишь.

Товарищи Трофимова неоднократно участвовали в ловле тигров. Довелось и Петру однажды помогать дяде связывать лапы тигренку. Лишь для Николая это было первое «боевое крещение», поэтому он задавал так много вопросов и волновался больше всех.

Настал день выхода. Все было предусмотрено: в рюкзаки положили запас продуктов, котелки, топоры, прихватили шерстяное одеяло. Собак вели на поводках. Решили взять и Бельчика: пусть натаскивается, хоть лаять будет, и то хорошо.

Выйдя на след барса, охотники прошли целый день, но так и не обнаружили его дневной лежки. Заночевали в лесу на берегу родничка с прозрачной вкусной водой.

На второй день след повел охотников по обрывистому склону сопки. Люди карабкались по камням, хватаясь руками за кусты и лианы. Выйдя на узкую изюбриную тропу, охотники остановились передохнуть. Отсюда открывался живописный вид. Бескрайнее темно-зеленое море необитаемых лесов расстилалось перед ними. Вершины длинных сопки, словно огромные волны с белыми гребнями, катились к горизонту. На сопке гулял ветер. Стоять без движений было холодно. Тропа привела в скалистое ущелье, поросшее колючим кустарником. На одном из его склонов снег в затишном уголке, огороженном камнями, растаял, обнажив кусок земли, густо усыпанный опавшей листвой.

— Вот где он отдыхал! — воскликнул идущий впереди Трофимов, показывая на лежку зверя и маховые следы, уходящие к вершине сопки.

— Видать, спугнули, — заметил Петр. — Пускать собак, что ли?

— Ни в коем случае! Место неудобное, разбиться можно.

Повеселевшие охотники устремились по следам барса вверх, а он, как бы желая отвязаться от преследователей, полез на самую кручу, прыгая с камня на камень, переходя по едва заметным выступам отвесные скалы. Выйдя на самую вершину сопки, барс постоял у геодезической вышки и, убедившись, что его не оставили в покое, начал спускаться в седловину по противоположной стороне горы. Можно было обойти вершину сопки, но Трофимов решил подниматься по следу. Вытирая вспотевшие лица, охотники упрямо карабкались все выше и выше.

— Пойдешь по таким кручам — барса не захочешь, — ворчал старый приятель Трофимова Семенов.

С вершины господствующей сопки виднелись белоснежные гряды центрального Буреинского хребта, убегающие на север. Там

заканчивались владения тигров и начиналось соболиное царство. Пронзительный леденящий ветер поторапливал разгоряченных охотников, и они, быстро оглядев горные дали, начали спускаться в седловину, поросшую густым кедром. Сойдя с кручи, Трофимов остановился, пощупал следы.

— Идет спокойно, видать, нас не чует. Снег тут неглубокий и место ровное, самый раз пустить собак. Ну что, Семенов, пушай своего первого.

Охотник подвел грудастого кобеля, дал ему понюхать след и отстегнул ошейник. Видя, с какой стремительностью кинулся вдогонку за зверем Алчан, остальные собаки заскулили, принялись рваться с поводков.

— Отвязывай остальных! — подал команду Трофимов.

Обгоняя друг дружку, лайки бросились вслед за Алчаном. В лесу стало тихо, лишь верховой ветер невнятно гудел где-то в вершине горы.

— Ну, братцы, тронулись!

Пройдя быстрым шагом седловину, охотники вышли на пологий склон сопки, поросший высокоствольным смешанным лесом, прибавили ходу. Теперь они почти бежали, не упуская из вида следы своих собак.

— Дядя Андрей! — крикнул, остановясь, Петр. — Никак лают!

Все остановились. Прислонив ладони к ушам, стали вслушиваться в монотонный гул леса.

— Чтой-то не слышать. Тебе, Петька, поди, причудилось. Ан нет, вроде взаправду голоса левее следа.

Вскоре все услышали далекий прерывающийся лай собак. Переглянувшись, охотники поправили лямки рюкзаков, забросили ружья за плечи и побежали на лай. А он то замирал вдали, то приближался, словно собаки гнали невидимого зверя навстречу людям.

Николай бежал последним. И не потому, что недоставало сил. Он мог обогнать своих товарищей, да не было у него опыта, поэтому не сводил глаз с Трофимова, подражая ему во всем. Слышимость лая стала столь ясной, что, казалось, вот-вот появятся сами собаки. Охотники остановились.

— Надо вырубать вилашки. — С этими словами Трофимов шагнул к зеленокорому клену и одним взмахом топора отделил его от корня. Затем он срубил верхушку двух толстых ветвей, расходившихся врозь. Получилась надежная рогулька. Остальные охотники также вооружились рогатинами. Собаки лаяли на одном месте. Передохнув несколько минут, охотники начали подходить к остановленному зверю.

Барс, притаившийся на толстой колодине, увидел Алчана давно и приготовился к «встрече». К счастью, тот бежал в стороне от следа. Подпустив собаку поближе, барс в три огромных прыжка догнал

своего врага и готов был уже вонзить в пса выпущенные когти, когда сзади на него набросились две подоспевшие лайки. Развернувшись к ним, барс подставил свой зад Алчану и тут же почувствовал на своей шкуре острые зубы собаки. Заметавшись между злобными верткими псами, барс сразу утратил царственную осанку. Куда девались смелость и отвага сильного хищника! Видимо, так же должен чувствовать себя большой паук, упавший с ветки в муравейник.

Громко лающие и атакующие со всех сторон собаки вскоре привели барса в окончательное замешательство. Обуреваемый только одним желанием — убежать от этой оголтелой собачьей своры, барс пустился в постыдное бегство. Накоротке он бежал быстрее собак, но вскоре потерял скорость и снова попал в окружение разъяренных преследовательниц. Найдя поваленный кедр, он заскочил на его вершину и, спрятавшись среди густых и толстых сучьев, притаился. Теперь хищник был неуязвим, но и сам потерял возможность активно обороняться.

Трофимов увидел собак, снующих около вершины кедра, и понял, где прячется барс. Держа вилашку наперевес, он вышел из-за укрытия и медленно стал приближаться к выворотню. Остальные охотники следовали за ним.

С появлением людей собаки осмелели еще больше. Они грызли мешавшие им ветви и лезли в заросли с нетерпеливым желанием вцепиться в пятнистого зверя. Видя приближающихся охотников, барс не выдержал и, выпрыгнув из укрытия, пустился наутек, собаки понеслись вслед. Желая подбодрить их, Трофимов на бегу дважды выстрелил вверх.

— Ребята, не отставай! — кричал бригадир, продираясь сквозь кусты лещины.

Но охотники не нуждались в понукании. Вид мелькавшего среди деревьев зверя придавал им столько сил, что неслись они словно на крыльях, едва касаясь земли. Стрельба, крики охотников, разжигавших охотничий азарт собак, приводили барса в замешательство. Эхо выстрелов заставляло его резко менять направление бега, и он бросался то в одну сторону, то в другую. Собаки снова окружили его. Теперь они норовили вцепиться в бока зверя. Отбиваясь лапами, он успел сильно поцарапать Алчана, но злобный пес, не обращая внимания на кровь, заливавшую его голову, смело лез в битву и успел дважды укусить своего врага. Увидев окровавленную собаку, Трофимов забеспокоился: чего доброго, собак перебьет и уйдет.

— Братва! Давайте скорее окружать его. Стреляйте по деревьям!

Беспорядочный залп из пяти ружей привел барса в паническое состояние. Потеряв надежду отбиться и убежать от наседавших с оглушительным лаем собак, он со всего хода заскочил на ствол ребристой березы, затем быстро полез вверх и притаился в развилке толстых сучьев. Задирая головы, собаки с лаем закружились под деревом.

Охотники остановились — теперь спешить незачем. Отдышавшись, они все сгрудились около бригадира.

— Загнали кота на «телеграфный столб», кто хочет — закури-вай! — усмехнулся Трофимов, хотя в его бригаде никто не курил.

— Что же делать будем? — беспокоился Николай. — Как его на такой высоте достанешь?

Передохнув, охотники подошли поближе к дереву, на котором сидел барс. Съежившийся от страха, он казался им маленьким и не столь страшным зверем. Собаки то лаяли, то поскуливали, нетерпеливо помахивая хвостами и не спуская глаз с дерева. После некоторого молчания Трофимов предложил согнать барса с дерева выстрелами и, когда собаки вцепятся в него, прижать рогульками. Но этот прием не удался.

— Ну, Петр, полезай-ка на дерево да турни его оттуда.

— Он меня скорее сбросит.

— Так ты на соседнее лезь, там тебя не достанет.

Ребристая береза, на которой сидел барс, была старым тридцатиметровым деревом. Рядом с ней росли почти такая же белая береза, ель и ясень. Внимательно осмотрев все стоящие рядом деревья, Петр решил лезть на белую березу. Скинув рюкзак, он вынул топор и свалил сухую молодую елку, тщательно очистил ее от веток и на конце привязал веревочную петлю. Затем срубил сырую ель, ветки обрубил на четверть от ствола, прислонил ее к березе и, словно по лестнице, поднялся метра на четыре. Затем, обхватив руками и ногами ствол дерева, полез вверх. Трофимов подал ему шест. Перекинув петлю через плечо, Петр быстро долез до первой развилки сучьев и уселся отдохнуть. Товарищи внимательно следили за каждым его движением, подавали советы. Поднявшись на вершину дерева, Петр оказался выше барса. До зверя было не более пяти метров. Петр видел, как с нервной дрожью ползли вверх губы хищника, обнажая белые острые клыки, но они теперь были не страшны охотнику. Подняв жердь, Петр положил ее на спину барса, но тот ударом лапы скинул ее с себя. Тогда Петр, накинув петлю на руку, чтобы не упустить жердь на землю, начал действовать ею как копьём. Раскачиваясь на своем тонком суку, он толкал барса в бок, стремясь скинуть его на землю. Зверь рывал, хватал зубами конец шеста, тянул его к себе, отбиваясь от него передней лапой, но Петр не переставал наносить барсу чувствительные удары. Борьба человека и зверя, проходившая на высоте четырехэтажного здания, наконец завершилась победой охотника. Барс не выдержал и с ревом быстро начал спускаться с дерева, где его поджидали собаки и люди. Но только он коснулся земли, как все собаки разом вцепились в него. Отбиваясь передними лапами и зубами, барс не заметил, как к нему подбежали звероловы. Они сбили его с ног рогульками и крепко придавили к земле.

— Николай! Оттаскивай собак, вяжи к дереву! Рвут окаянные

зверя! — кричал бригадир, наваливаясь со всех сил на кленовую рогульку.

Тем временем Петр слез с дерева. Подбежав к охотникам, он придавил вилашкой шею барса к земле. Бригадир набросил на оскаленную пасть зверя петлю и крепко стянул его челюсти. Затем с большой осторожностью связал лапы. Теперь можно было бросать рогульки. Нарубили лапника, настелили на снег, накрыли одеялом и сверху положили барса. Нервная дрожь сотрясала его мускулистое тело.

— Ну что, братцы, не мешало бы подкрепиться. Заварим кашу, что ли? — обратился к охотникам бригадир. — А то ведь топать до барачка с тяжелой ношей далеко.

Перекусив и напившись чаю, охотники связали узлами концы одеяла, просунули под ними жердь и понесли пленника в избушку, сменяясь на ходу. Не ведал только старый зверолов, что на сей раз взял он последнего буреинского барса. Никто в этих местах не встречал больше его круглых аккуратных следов.

РЫСЬ

Она была одета в теплую пушистую шубку палево-дымчатого цвета, по которой отчетливо проступали черные пятна. Короткое, на длинных ногах туловище можно было назвать грациозным, но словно обрубленный хвост и квадратная голова делали ее неприглядной. Длинные черные кисточки волос на ушах в сочетании с хорошо выраженными баками придавали ее морде свирепое выражение, особенно усиливающееся в ту минуту, когда она пристально смотрела своими желтыми немигающими глазами на какой-нибудь предмет. Распространенное мнение о теплолюбивости кошек она не оправдывала: легко переносила даже сорокаградусные морозы.

Рысь ведет ночной уединенный образ жизни, поэтому редко попадает на глаза людей. Этому способствуют хороший слух и острое зрение.

Родилась рысь весной в высокоствольном лесу. Кроме матери в ее воспитании принимал участие и отец, приносивший в логово пойманных рябчиков и поросят. С летом ушло и детство. Зимой она еще следовала за матерью, которая, убив косулю или тельца изюбра, громким криком подзывала к себе своих детей. Но в конце зимы мать оставила детей и уединилась с отцом в глухом лесном ключе. Началась самостоятельная жизнь. Молодую рысь потянуло к странствиям. Она легко переплыла большую реку, долго шла низиной по заболоченным лесам и, облюбовав северные склоны невысоких сопок, поселилась в густом ельнике.

Охотясь в сумерках и по ночам, она добывала полевок и гнездившуюся на земле птицу. Но больше всего рысь любила зайцев; жаль только, что их было очень немного, а порой они и вовсе исчезали. В дождливые годы зайцы и мыши переводились, и тогда рысь вынуждена была нападать на кабарожек и косуль и даже на молодых самок изюбра. Охотилась она и на поросят, но обычно за них заступались старые свиньи и секачи, клыков которых рысь боялась.

Однажды, идя по гребню сопки, рысь вышла на кабанью тропу, по которой только что прошел табун. Резкий запах желанной добычи дразнил обоняние голодного хищника, и рысь прилегла на поваленном дереве в ожидании, не пробежит ли по тропе отставший от табуна поросенок, с которым легко можно справиться. Долго лежала рысь в своей засаде, прежде чем услышала слабый шорох на тропе. Обычная терпеливость ее иссякла, и она решила пойти навстречу идущему к ней в лапы поросенку. Поднявшись из-за крутого косогора на бугор, она оцепенела от неожиданности: по кабаньей тропе вместо ожидаемого поросенка осторожно шагал охотник, кравшийся за ушедшим табуном. Немигающие совиные глаза рыси встретились на мгновение с глазами охотника, и прежде чем он успел вскинуть к плечу ружье, рысь прыгнула в сторону и, не задев ни одного сучка, растаяла в лесной чащобе, как призрак. Это была ее первая неожиданная встреча с человеком.

Наступил март. Исчезли под глубокими сугробами полевки, не было и зайцев. Теперь рысь караулила на звериных тропах робких кабарожек. Лежать на снегу было не только холодно, но и бессмысленно: на белом фоне она казалась черной, легко заметной. Поэтому рысь охотно ложилась на валежине или полуповаленном дереве, лишенном снега, и терпеливо ждала свою добычу.

Как-то вместо кабарожки к ней приблизился молодой изюбр. Он показался ей не особенно крупным, и рысь прыгнула на спину оленю и запустила свои острые зубы и когти в его загривок. Кровь брызнула из-под ее клыков, но олень не упал. Развернувшись, он в

ужасе шарахнулся в сторону, неся на своей спине цепкого ездока. В чаще, проносясь под ветвями, он скинул рысь и умчался прочь. Но попробовавшая теплой крови рысь впала в неистовое возбуждение. Несмотря на неудачу, она пошла по следу оленя. Глубокий снег, проваливавшийся под тяжестью изюбриных копыт, лишь слегка оседал под широкими лапами хищницы. К концу ночи рысь догнала изюбра. Почувяв своего преследователя, олень снова убежал от рыси, но с каждым броском он все ближе и ближе подпускал к себе своего врага...

Взошло солнце. Кружившиеся над лесом черные вороны оповещали мир о найденной ими пище: под кедром лежал растерзанный рысью изюбр. Выев половину бока у своей жертвы, рысь ушла на лежку, оставив большую часть недоеденной добычи воронам и колонкам. В природе ничто не пропадает даром!

...Медленно поднимаются на сопку друг за другом два охотника. Их широкие, подшитые камусом лыжи почти не проваливаются в рыхлом снегу. На сворках понуро бредут собаки, не похожие ни на лаек, ни на гончих. Им так хочется побегать в лесу. Отпусти их хозяева хоть на минуту, они сразу найдут кабанов или увяжутся за изюбрами. Но их привели в лес за другим: охотникам нужно поймать живую рысь для зоопарка. Они уже третий день ищут след этого нелюдимого зверя. Но что это за вмятины на снегу под дряхлым тисом? Один из охотников подходит к следу и подзывает другого.

— Рысь,— шепчет он,— след теплый, никак, отдыхала. Вспугнули мы ее.

— Давай пустим собак,— предлагает другой.

И вот, освободившись от надоевших поводков, собаки, тычась носами в отпечатки рысних лап и виляя хвостами, умчались в лес.

Тяжело было пресытившейся рыси уходить от собак. Задержавшись у огромного выворотня, она попыталась дать бой своим преследователям, но собаки оказались столь сильными и напористыми, что чуть не повалили ее. Не охладили их и болезненные удары широких лап рыси с выпущенными острыми когтями. Окровавленными мордами тыкались они в своего врага, норовя вцепиться клыками и оглашая лес хриплым лаем.

Что было силы спешили охотники на лыжах к месту схватки, но не успели. Вырвавшись от собак, рысь огромными прыжками понеслась по косогору. Собаки следовали по пятам. Они проваливались в снегу глубже рыси, но были неутомимы в преследовании. Рысь поняла это и, спасаясь от свирепых псов, заскочила на старый дуб. Ровный лай с одного места говорил охотникам, что собаки загнали зверя на дерево; теперь можно было не торопиться.

Один из охотников, достав из запячного мешка топор, вырубил длинную жердь и шел с ней наперевес, как с пикой. Подойдя к дереву, на котором укрылась рысь, они привязали собак и стали гото-

виться к поимке зверя. Сделав на длинной веревке петлю, они достали просторный мешок, мягкие вязки и матерчатый колпак на голову зверя. Один из них полез на дуб, в развилке сучьев которого устроилась рысь. Добравшись до первых сучьев, он взял в руки поданный шест и, приладив к его концу петлю, попытался набросить ее на голову зверя.

Шипя и фыркая, рысь отталкивала от себя шест, сдергивала лапой настороженную петлю, но охотник настойчиво добивался своего. Один раз рысь так сильно ударила лапой по шесту, что выбила его из рук человека. Пришлось все повторять заново. Потеряв терпение, охотник толкнул зверя шестом в живот. Испугавшись, рысь поднялась выше, уцепилась за основной ствол дерева всеми четырьмя лапами. Не медля, поднялся за ней охотник и, ловко набросив на ее голову веревочную петлю, кинул на землю шест.

— Затягивай! — крикнул он стоявшему на земле товарищу, и тот рванул на себя веревку.

Убедившись в том, что петля хорошо облегла шею зверя, охотник слез с дуба.

— Теперь давай тянуть! — скомандовал он.

Нелегко было оторвать рысь от шероховатой коры дерева, сдернуть ее на землю. Отчаянно сопротивляясь, она не хотела разжать своих светлых цепких когтей, но веревка врезалась в ее шею, тянула вниз. Задыхаясь, рысь стала медленно сползать, грозя людям и собакам оскаленными клыками. С какой ненавистью сыпались желтые искры из ее расширившихся черных зрачков. Сколько в них было злобы к людям и ненависти к собакам!

Еще рывок — и бухнувший в снег зверь, накрытый телогрейкой, придавлен к земле. Навалившиеся охотники быстро связали рыси лапы, ловко надели на ее голову колпак и посадили пленницу в мешок. Бешено колотилось сердце в рысиной груди. Но не было сил и возможности сопротивляться. Она была теперь во власти человека и смирилась с этим.

ТИГРОЛОВ

Взглянув на Ивана Павловича, сразу и не определишь профессию этого человека. В его внешнем облике столько доброго спокойствия, неторопливости и даже застенчивости, что можно скорее принять его за пчеловода или садовника, чем за представителя самой редкой профессии — тигролова.

Голубые, всегда улыбающиеся ласковые глаза, большая, пышная серебристая борода, широкое, открытое, типично русское лицо, располагающее к себе и взрослого и ребенка. Слушаешь его мягкий грудной голос — и не верится, что перед тобой гроза тигров; но крепкие руки, мускулистые и развитые, как у борца, дают знать о большой

силе, необходимой охотнику в рукопашных схватках с могучим и ловким зверем.

Небольшой бревенчатый дом Богачева стоит на песчаном берегу Амура. В разливы простая рыбацкая лодка Ивана Павловича подходит почти к самому крыльцу — так близко от усадьбы плещутся амурские волны.

Частенько в этот дом наведываются многочисленные друзья Ивана Павловича — охотники и журналисты, художники и ученые, лесники, пионеры. Любовь и уважение к себе Иван Павлович завоевал не только своей отвагой — он поймал тридцать шесть тигров, — но и безграничной добротой к людям. Заблудился ли ребенок в лесу — Богачев разыщет, заболел ли кто — принесет домашнего лекарства: медвежьей желчи или пантов, а то женьшень добудет. Много раз проводил он через горы экспедиции, находил среди марей вынужденно севший самолет, задерживал нарушителей границы. И никогда не хвалился своими подвигами. А начнут, бывало, при нем расхваливать его заслуги — смутится, покраснеет, словно юноша.

Летом вокруг богачевского дома зеленеет огород. Длинные грядки огурцов и томатов чередуются с посадками сладкого перца и синих баклажанов. В низине среди кочанов сочной капусты багровеет свекла, чуть подальше, поблескивая полосатыми боками, лежат арбузы. И все это у реки — тут рукой подать до Амура. Любил Иван Павлович порыбачить, брал он на перемет пятикилограммовых сазанов и верхоглядов, ловил сетью желтощек и страшноватых змееголовов.

Но ни огород, ни рыбная ловля не увлекали Богачева так, как охота. Эта не проходящая с возрастом страсть каждой осенью отрывала его от семьи и теплого крова, бросала в глухие уссурийские дебри. Жена Ивана Павловича давно уже смирилась с нелегкой участью подруги зверового охотника, подолгу пропадавшего в тайге и оставляющего на ее плечах всю заботу о детях и хозяйстве. Лишь редкая скупая слезинка на глазах женщины выдавала ее волнение и тревогу за мужа, когда он, бывало, готовился в дорогу. Старательно и любовно укладывала она в котомку алюминиевый его котелок, ложку, кружку, спички, мешочки с сухарями, солью, сахаром и чаем. Все надо было уложить так, чтобы при ходьбе мешок не гремел и его удобно было нести. Больше всех не хотели расставаться с дедом маленькие внучата, любившие его не меньше, чем своих отцов. Иван Павлович уговаривал их без уменьшительных и ласкательных слов, словно взрослых.

Большая семья Богачевых жила дружно: добрый, податливый нрав был у хозяина. Лишь в одном Иван Павлович был упрям и не любил менять своего решения — это когда дело касалось охоты.

Стоило только выпасть пороше, как никто уже не мог уговорить его посидеть дома, даже если ему нездоровилось.

— Ничего, в лесу сразу поправлюсь! Ишь, снежок какой мягкий повалил, надо идти...

Приходилось и мне бывать с Иваном Павловичем на зверовых охотах. Об одной из них я и хочу рассказать.

В Приамурье я приехал молодым охотоведом и сгорал от желания пойти на охоту за тиграми. Уже тогда я знал по рассказам местных натуралистов, что дальневосточный длинношерстный тигр — самый крупный представитель тигриного рода, достигающий четырехсот килограммов веса, но по натуре это «миролюбивый» зверь. Случаев людоедства за ним не наблюдалось. Моей мечтой было добыть тигриную шкуру, но Богачев не разделял таких планов.

— Хотите, пойдем на ловлю тигров? Стрелять тигрицу нет смысла, она через год-два снова тигрят принесет.

Предложение это было заманчивым. Оставалось ждать зимы, когда можно разыскать тигриный выводок.

В тридцатых годах тигров на Дальнем Востоке стало мало, и звероловам приходилось платить по двадцать рублей за одно лишь сообщение о свежих следах этого зверя. И вот в конце декабря со станции Облучье пришла Богачеву телеграмма: «Нашел след трех тигров. Авдеев». Сборы были поспешными. Иван Павлович взял с собой племянника Прокопия. В купе транссибирского экспресса Хабаровск — Москва сразу завязались охотничьи споры.

— Не возражаю, природа Индии, конечно, пышная и красочная, — говорил молодой фотокорреспондент. — Там охота на тигров-людоедов экзотична. Охотники в белых кителях и пробковых шлемах вооружены многозарядными карабинами — «манлихерами» — и садятся для безопасности в стальные клетки, прикрепленные к спинам слонов. Но нужны ли при этом смелость, отвага и мужество? Если и нужны, то только загонщикам-индусам.

— Ну, положим, охота в джунглях всегда опасна, — возражал пожилой актер, зашедший в наше купе. — Это не то что в тайге. Да и вообще как-то не верится, чтобы в Сибири, в царстве снегов и морозов, водились тигры и их можно было ловить голыми руками!

— Не в Сибири, а на Дальнем Востоке, — невольно вырвалось у меня. — И зря не верите. На экранах страны скоро пойдет фильм, в котором увидите, как наши охотники берут тигра вот именно голыми руками, если не считать бинтов для вязки лап да небольших рогулек, срубаемых иногда на месте схватки со зверем.

В разговорах дорога пролетела незаметно.

Мы приехали в Облучье и пробыли там два дня. Кроме Авдеева, к нам присоединился Ференцев — опытный местный зверолов.

Необычная одежда и наличие оружия привлекли внимание милиции. Нас вызвали в отделение.

— Неужели вы Богачевых не знаете? К чему эта формальность! — возмущался я.

Сухощавый неторопливый милиционер, как бы подтрунивая над моей нетерпеливостью, спокойно возражал:

— Человек состоит из двух элементов: души и документов. Мне-то известны Богачевы, но проверить разрешение на оружие мы обязаны. А для какой цели тигров ловите?

— Для зоопарков. Наши зверинцы выменивают на этих тигров за границей и слонов и львов... — объяснил Иван Павлович.

Наконец мы очутились в тайге. Следы тигров были обнаружены Авдеевым в истоках реки Сутары. Километров пятьдесят мы проехали на попутной машине, а дальше пробирались на нартах. Роль ездовых собак выполняли у нас пять тигрятниц. Пестро окрашенные, с отвислыми ушами, они скорее напоминали обыкновенных дворняжек, чем зверовых лаек. Кормом служила им сушеная кета. Продукты, боеприпасы и палатки были приторочены к саням. Самим нам пришлось идти пешком, иногда мы помогали собакам на крутых подъемах тянуть нарты.

Богачев был одет в куртку из серого солдатского сукна и такие же шаровары. Ноги его плотно обтягивали кожаные носки — олочи, сделанные из мягкой лосины, внутри выстланные травой, за теплоту и прочность названную китайцами травой-шерстью. Шапку носил Богачев из дымчатой цигейки. Цвет его одежды до того был схож с серыми древесными стволами, что, когда он стоял спокойно, его фигура сливалась с общим фоном зимнего леса, и зверолов становился невидимым.

В лес мы вышли с рассветом. Дневные переходы у нас не превышали пятнадцати километров. На третий день Авдеев вывел нас на тигриный след. Высоко уходили в небо темно-зеленые, словно с подстриженными вершинами, кроны кедров, между ними башнями стояли дуплистые вековые липы и тополя в три-четыре обхвата. Местами деревья были обвиты виноградом. На снегу, между деревьями, виднелись отпечатки круглых четырехпалых лап «владыки джунглей» — тигра. Изредка среди валежника пробегала крупная охристая гималайская куница. Несмотря на зимнюю стужу, лес оглашался птичьими голосами: перекликались дятлы и голубые сороки, распевали снегири.

Обычно с наступлением сумерек мы ставили палатки где-нибудь около горного ключа.

Что может сравниться с красочностью северных зорь? Люди с юга не знают их. Там, едва солнце зайдет за горизонт, наступает тьма. Здесь же вечерняя заря горит часами, то полыхает на небе красным, расплавленным золотом, то переливается радужным цветом перламутра и жемчуга. Словно куски янтаря, повисели над лесом облака. Стихла голоса птиц...

Вот и готов ужин. Разливаем в миски дымящийся суп и, громко хрустя сухарями, перебираем в памяти все виденное за день.

— Кабанных и изюбриных следов много, — размышляет вслух Богачев. — Должно быть, тигры поблизости: кормиться есть чем.

— А что, разве тигр не распугивает кабанов и изюбров? — спрашиваю Ивана Павловича.

— Нет. Иной раз диву даешься: тигры на сопке живут, и тут же рядом табуны кабанов пасутся, изюбры ходят. А вот волчьего следу не увидишь. Тигрица волков, что кошка мышей, всех выловит. Тигр кабана тихо берет, скрадом: подползет против ветра поближе, два-три прыжка — и повис на нем. Запустит свои клычищи в загривок, треснут шейные позвонки у кабана, и дух из него сразу вон, едва пискнуть успеет. А если тигр промахнется, то не преследует. Подойдет к кедру, запустит в кору когти, поцарапает дерево от злости — и пошел искать другой табун.

От железной печки в палатке становится жарко. После сытного ужина сон наступает быстро, и беседа обрывается на полуслове.

На шестой день поисков мы увидели свежий тигриный след. Даже при легком прикосновении к нему снег осыпался с краев лунок и на ощупь, как говорят охотники, казался «теплым». Все наклонились над следом.

— Тигрица с двумя тигрятами, — определил Богачев.

Нужно обладать большими навыками следопыта, чтобы различить вмятины отпечатков разных пальцев и безошибочно установить количество зверей, прошедших след в след. Тигроловы начали совещаться. Выслушав всех, Богачев сказал, что нам надо перевалить в соседний ключ, переночевать там, а наутро налегке попытаться с собаками догнать тигров.

Переходя ключ, кое-где незамерзший, Иван Павлович сломил сухой длинный пустотелый стебель дудника и, опустив один его конец между трещинами льда, другой взял в рот, быстро напился.

Наши предположения о близости тигров подтвердились находкой полусъеденной кабаньей туши. Секач не успел еще промерзнуть: тигры оставили свою трапезу до утра.

Дальше идти было нельзя. Мы спустились в первый попавшийся ключ, стали устраиваться на ночлег со всеми предосторожностями: деревьев топором не рубили, разговаривали вполголоса, дрова пилили в палатке. Плотно накормив собак, крепко привязали их порознь, расчистив снег для лежек.

Всех волновала предстоящая схватка со зверем, умеющим постоять за себя, и только Иван Павлович казался мне совершенно равнодушным. Он деловито осматривал вязки — короткие концы веревок, сделанные из мягкой пеньки и бинтов. Прокопий с Авдеевым раскладывали по котомкам патроны: их завтра потребуется много. Приготовления были закончены, но спать не хотелось. До утра оставалось много времени. Я попросил Ивана Павловича рассказать все, что он знает о тиграх, и беседа затянулась до поздней ночи.

Богачев стал перебирать в памяти свои личные наблюдения, накопленные за пятьдесят лет охоты в уссурийских дебрях.

— Легче всего было бы ловить маленьких тигрят — до года, но мать их не водит за собой, — говорил он. — Пищу на логово приносит. Логово найти трудно. Если тигрица погибает, то годовалые тигрята не выживают. Находил я замерзших тигрят. Были они худыми — кожа да кости, без матери от голода пропали. Меня часто спрашивают: как ловим тигров? Берем мы двух- и трехгодовалых тигрят, которых мать начинает приучать к охоте. Другой «котенок» более ста килограммов вытягивает, лапы и башка у него, как у взрослого. Старого тигра не поймаешь. Он собак всех перебьет сразу. И для человека опасен. Правда, один раз с братом мы взяли взрослую тигрицу — лет пяти, руку она мне повредила, да и сама околела от натуги.

— А на человека здешний тигр не нападает?

— Нет. Как пришли мы на Амур да начали стрелять тигров, а потом и живьем ловить научились, зверь стал бояться. Ушел в глухие места, даже скот не трогает.

— Полным хозяином этих лесов стал?

— Не совсем, — усмехнулся Богачев. — Крупный бурый медведь его иногда обижает. Как-то на Кафэне я следил тигра. Шел он по следам большого медведя. Смотрю, свернул в сторону, обошел полукругом — и навстречу. Ну, думаю, схватил косолапого, ан нет, не вышло: на снегу медвежья и тигриная шерсть клочьями валяются, кустарник весь в крови. Следы — в разные стороны: медвежий в сопку потянулся, тигринный — в ключ. Присмотрелся я к снегу — лапу переднюю тигр волочит. На этот раз ему от медведя досталось. Потом от удэгейцев слыхал, что в верховье Кафэна живет хромой тигр. Да, тигр с медведем недружно живут: молодых медведей тигр убивает и съедает, а старым и сам на обед попадает. Не раз приходилось находить задавленных медведем тигрят.

Слушаю рассказы Ивана Павловича, а сам думаю о завтрашней охоте: сумеем ли настигнуть тигров? Ведь для этих зверей не существует больших расстояний, когда они, почуяв опасность, уходят.

Проснулись мы на рассвете. Приготовили обильный завтрак. Собак кормить нельзя: отяжелеют и не будут злыми. Собрали котомки. Иван Павлович говорит медленно, спокойно, словно напутствует:

— Двухгодовалые тигрята — килограммов по семьдесят. Они в беде друг другу не помогают, но мать будет защищать своих детей. Так что имейте это в виду: как бы нам не стравить собак тигрице — без них мы ничего не добудем, — нужно подальше ее угнать. Это сделает Ференцев. Намордник надевать буду я. Прокопий вяжет правую переднюю, Авдеев — левую переднюю лапу. Ну и вы помогайте, если сможете, — и он дольше обычного задержал на мне свой взгляд, как бы прощупывая, годен ли буду на такое дело.

— Остерегайтесь брать за лапу низко, чтобы на когти не по-

пасть. Если зверь в кого зубами вцепится — терпи, лапу ни за что не выпускай. Когда собаки тигра задержат, подходите осторожно из-за укрытия да поближе ко мне держитесь, не бойтесь, не съест!

Солнце еще не успело оторваться от горизонта, когда мы покинули палатки, ведя на сворках собак. На южном крутом склоне сопки, у большой отвесной скалы, с карканьем кружились вороны.

— Видят поживу, да кого-то боятся, — и с этими словами Богачев направился к скале.

Вскоре мы стояли у тигриного логова, рядом валялись жалкие останки двух поросят. На вершину седой от инея сопки уходили маховые, совсем свежие следы. Видно было по всему, что мы испугнули отдыхавшее тут недавно тигриное семейство. Собаки, повизгивая, рванулись на поводках, почуяв близость зверя.

— Стреляй, ребята! — громко крикнул Богачев и тут же разрядил винтовку в воздух.

Все последовали его примеру. Беспорядочная стрельба и крик людей огласили лесные просторы. Все стремительно бросились по тигриним следам. Тигрица неслась огромными прыжками, тигрята, не поспевая за ней, прыгали в сторону. Богачев подозвал Ференцева:

— Отгоняй матку! Пробежишь метров двести — начинай стрелять. Километра два прогонишь — бросай, подваливай на лай собак.

Ференцев исчез. Свернув по одиночному следу молодого тигра, Богачев прибавил шаг. Пройдя с километр, он остановился.

— Пускай собак, — и с этими словами он отвязал своего Рябчика. Собаки пестрыми клубками, прихватывая след, замелькали в чаще.

— Нажимай! — подбадривал Богачев.

От быстрой ходьбы становится жарко, расстегиваю ворот. Пот крупными каплями падает со лба на снег. Старый зверолов бежит впереди. Мы едва поспеваем за ним, сменяя перебежку на шаг.

Скатившись в ключ и поднявшись на стрелку, все остановились как вкопанные: с вершины сопки доносился раскатистый лай собак. «Прихватили?» — пронеслось у каждого в голове, и, не дожидаясь команды, мы все разом бросились навстречу этому лаю, перепрыгивая через валежник, ломая кусты, спотыкаясь, тяжело дыша.

Казалось, что собаки лают где-то близко, но мы пробежали немалое расстояние, а лай будто отодвигался. Сперва я бежал рядом с тигрологами, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветки колючего кустарника, но чем круче становился подъем, тем труднее было поспевать за ними. От усталости и быстрого бега у меня подкашивались ноги, в голове стучало, не хватало воздуха, темнело в глазах, но я был готов скорее умереть, чем отстать от товарищей. Хватаясь за кусты, отталкиваясь от деревьев, я уже скорее карабкался, чем бежал. Власть охотничьего инстинкта толкала вперед, хотя сил уже не было.

Собаки надрывались где-то рядом. Теперь, кроме их голосов, слышалось громкое звериное рыканье.

Я остановился, чтобы оглядеться и отдышаться.

Немного впереди, около кедра, стоял Иван Павлович. По выражению его лица я понял, что он видит зверя и обдумывает план действия. Но вот он поманил нас жестом и быстро стал сбрасывать с себя куртку.

— Держитесь плотнее ко мне, — шептал он. — Когда дам ему в зубы пиджак, хватайте разом и прижимайте к земле.

Осторожно, пользуясь прикрытием толстых деревьев, Богачев стал подходить к тигру. Я шел за ним, стараясь разглядеть страшного зверя. Почуввав нас, собаки с еще большим азартом стали наседать на своего врага. Шагнув из-за ели, я сразу увидел тигра. Он казался взрослым зверем. «Неужели это тигренок? Нет, нам не взять его!» — шевельнулось сомнение.

Длинная шерсть на изогнутой спине зверя стояла дыбом. Увидев людей, он глухо рывкнул и, не обращая внимания на обступивших со всех сторон собак, крупными прыжками понесся на нас. Чье сердце не дрогнуло бы при виде бегущего навстречу рассвирепевшего тигра? Невольно укрываюсь за дерево. Две собаки, повиснув в мертвой хватке на тигриных боках, тормозят его движение. У меня захватило дыхание, когда Иван Павлович шагнул навстречу подбежавшему зверю и сунул ему в оскаленную пасть приклад винтовки, обмотанный курткой.

Словно в живое тело, запустил тигр клыки и когти в пропахшее потом сукно. Этого момента только и ожидал Богачев. С юношеским проворством он бросился на тигра. Вцепившись железными пальцами в его загривок, всей тяжестью своего тела придавил тигриную голову к земле. Но не удержаться бы старому тигролову на полосатом звере, если бы охотники не поспешили ему на помощь.

Тигриная туша исчезла под грудой охотников и собак, навалившихся на него. Прокопий с Авдеевым быстро наложили вязки на передние лапы. Казалось, охота закончилась. Но не тут-то было!

Собравшись с последними силами, увеличенными испугом, тигр порвал путы, стряхнул с себя людей и, выскользнув из рук, пустился наутек. Собаки бросились за ним. Подняв со снега упавшую во время борьбы шапку, Иван Павлович перевел дух.

— Все равно скрутим!

Подбежал Ференцев. Как опытный зверолов, он сразу понял, что произошло.

— Может, вилашки вырубим? — предложил он.

— Обойдемся и так. Пошли догонять!

И вот мы опять бежим за Богачевым. Теперь малая робость сменяется в моей душе большой злостью и желанием во что бы то ни стало овладеть зверем. Вдалеке слышится лай собак: они снова

«посадили» зверя. Спешим к ним изо всех сил, но когда до тигра остается около сотни метров, Богачев останавливает всех:

— Передохнем маленько.

Удары сердца отдаются в ушах, снимаем котомки, приготавливаем вязки.

— Ну, двинули, — говорит Богачев и уверенно идет к тигру, мы жмемся к нему: в куче чувствуешь себя сильнее, да и зверя можно схватить всем сразу.

На этот раз тигр уже не с такой быстротой нападает на нас. Его шкура местами вымазана кровью, зрачки расширились и мерцают зеленоватыми огоньками, дыхание порывисто. Видно по всему, что зверь изнемогает в борьбе, но наше утомление еще больше. Опять отчаянная схватка, в которой люди, собаки и зверь сплелись в один клубок.

Вот тут-то и сказался расчет, которому Богачев придавал большое значение. Каждый быстро и уверенно делал то, что ему было поручено бригадиром. Вскоре передние лапы были крепко стянуты Прокопием и Авдеевым. Мы с Ференцевым держали задние, Иван Павлович придавил голову. Когда лапы были связаны вместе, Богачев осторожно стал набрасывать петлю на раскрытые челюсти тигра, которого в это время трое охотников удерживали за шею. Предчувствие скорой победы подняло у всех настроение.

Вижу, что тигр вертит головой и не дает Богачеву затянуть челюсти, пытаюсь помочь тигролову:

— Иван Павлович! А мне что делать?

— Держите за хвост!

И только после того, как я, не раздумывая, выполнил приказание бригадира, все рассмеялись.

Но разве можно было обидеться на любую шутку в такую радостную минуту!

— Ну, вот и спеленали котенка, — вздохнул облегченно Богачев. — Теперь расходись, ребята!

Словно пробуя крепость веревок, тигр рванулся несколько раз, а затем закрутился по снегу мохнатым желтым колесом. Собаки всполошились, норовя снова вцепиться в своего противника. Пришлось их переловить и всем надеть намордники. Быстро нарубили мы пихтового лапника и осторожно положили дорогую добычу на мягкую зеленую постель.

Задымил костер. Сидя полукругом возле огня, мы ждали, когда в котелке закипит вода, в которой плавала для запаха кора лимонника.

— Чай не пьешь — какая сила! — шутил Иван Павлович. — К вечеру, может, второго догоним.

Отдохнув и подкрепившись вареной кабаниной, двинулись догонять тигров, оставив Ференцева стеречь пленника. Но сколько ни пускали собак, догнать тигренка не смогли. Как видно, мать увела его

с собой. Темной ночью, еле живые, мы вернулись к Ференцеву. До утра продремали у костра, а чуть свет побрели в обратный путь.

Добычу везли на двух связанных вместе лыжах. Так закончилась наша охота — одна из самых обычных для Ивана Павловича Богачева.

Мне она запомнилась надолго, и сколько бы потом мы ни бродили с ним по лесам, передо мной неизменно вставали впечатления первой ловли тигра, во время которой я по-настоящему узнал и полюбил этого страстного и мудрого охотника.

ДРЕВЕСНЫЙ РАЗБОЙНИК

Менгуза жила в глубоком дупле дряхлого кедра. Это была старая непальская куница — хозяйка древесного яруса смешанного леса. На ветвях высоких деревьев она чувствовала себя так превосходно и уверенно, будто имела крылья. Вытянутое тело Менгузы было немного длиннее метра, и при этом на хвост приходилось две трети длины тела. Яркой и пестрой окраской наделила природа куницу: грубый блестящий волос верхней части ее головы, лап и хвоста был черно-бурым, спина — темно-желтой, грудь — золотистой, а подбородок — чисто-белым. Но даже под лучами солнца, когда Менгуза затаивалась, растянувшись вдоль толстого кедрового сука, она так

сливалась с коричневой окраской древесной коры, что становилась совершенно незаметной. Длинные стройные лапы Менгузы были вооружены светлыми острыми когтями, позволявшими ей легко взбираться на деревья, даже лишенные коры.

В лесу стояла та благодатная пора, когда все четвероногие отдыхают от гнуса и зноя. На земле лежал первый снег, но это еще не была зима. Приятно пригревало солнце, пахло увядшими травами и смолистой корой, пели, словно летом, дубоносы. Казалось, что вся природа нежится под ласковыми лучами яркого осеннего солнца. Пресыщенные на редкость большим изобилием пищи, дремали хищники. Сновали доверчивые и игривые белки, лениво копались в земле кабаны. Наступали сумерки. Сквозь почерневшие ветки кедров виднелся багряно-золотистый кусочек неба, но жизнь в лесу не замирала: на смену дневным обитателям леса появились ночные — заяц и белка-летяга. Да и Менгуза предпочитала охотиться ночью. Выйдя из теплого гнезда, она спустилась на землю и крупными прыжками направилась на северный склон сопки. Здесь росли густые ельники. С нижних усохших ветвей свешивались бородастые лишайники, любимое лакомство кабарожек — маленьких безрогих оленков.

Менгуза долго бегала по кабарожьим тропам, принюхивалась к земле, искала свежие следы. Наконец нашла и устремилась вдогонку. Не подозревавшая опасности кабарга пощипывала лишайник, прыгала на валежник, разгуливая по стволам поваленных ветром деревьев. Услышав шелест бегущей куницы, кабарожка насторожилась. Рассмотрев врага, она пустилась вскачь в противоположную сторону. Как легко и грациозно уходила кабарга от опасности! Птицей перелетая над кустами в рост человека, спешила она к знакомому пихтачу, надеясь укрыться в его непролазной чащобе. Прихватывая тонким чутьем след, мчалась за ней вдогонку Менгуза. И хотя кабарга бегала значительно быстрее Менгузы и прыгала выше и дальше, расстояние между ними после длительного преследования начало сокращаться. Изнемогая от усталости, кабарга спустилась в застывший ключ и забежала в ветровал. Здесь и настигла свою жертву Менгуза. Будь кабарожка совершенно здоровой, может, и хватило бы у нее сил убежать от куницы, но недавняя болезнь истощила ее.

Убив кабаргу и насытившись, Менгуза с трудом затащила остатки жертвы под выворотень, затем наелась снега, утоляя жажду, и направилась к гнезду. Три ночи ходила она к своей добыче, справиться с которой ей помогли колонки и вездесущие сойки.

Недалеко от убежища Менгузы у самого ключа стояла крохотная избушка охотника Усова. Ее высота немного превышала рост человека, поэтому входивший должен был пригибаться, а затем протискиваться в узкую дверь. Маленькое подслеповатое оконце скупо освещало грубую обстановку охотничьего жилья: нары, устланные лапником

и сухим вейником, жестяную печь в углу и крохотный столик, заваленный кусками засохшего хлеба, немытой посудой, пустыми гильзами. Около избушки виднелся лабаз — незатейливый помост из ряда жердей, закрепленный на деревьях, своими кронами закрывавших его от снега. На лабазе охотник хранил хлеб, сахар, крупу и мясо. Рядом лежал мешок с высохшими шкурками белок и колонков. Просыпался Усов рано. Потемну ходил за водой на ключ, готовил к завтраку неизменную похлебку и крепкий чай. На четыре стороны от избушки уходили в глубь леса путики — протоптанные в снегу тропы. На них были расставлены кулемки, замаскированные капканы. За день всех ловушек не обойти, да к этому и не стремился охотник. В кулемки попадали чаще всего колонки и норки, но иногда охотник вынимал из них и дорогую добычу — соболя. Добытых зверьков приносил в избушку, снимал с них шкурки, высушивал на правилах. Беличье мясо съедал сам, а тушки колонков разрубал пополам и клал в кулемки. Получалось у него, что колонки ловятся на колонков. Поначалу белок было много. Усов приносил их по два десятка в день. Затем их стало значительно меньше.

Менгуза тоже любила белок. Найдя гайно, она проникала внутрь и хватала спящую хозяйку. Да с некоторых пор охота на белку перестала быть удачливой: редким стал этот обычный в этих местах зверек. Исчезли и кабарожки.

Однажды, пересекая путик, Менгуза наткнулась на только что попавшего в кулемку колонка. Дурно пахнущее мускусом мясо рыжего зверька ее обычно не привлекало, но на этот раз Менгуза была так голодна, что от колонка вскоре осталась только передняя часть, придавленная бревном кулемки. После этого случая Менгуза часто направлялась вдоль путика, если ее охота протекала неудачно. На путике всегда можно было утолить голод если не попавшим в ловушку зверьком, то приманкой, которую Менгуза научилась вытаскивать из ловушек для себя. Огорчению охотника не было предела. Он то ставил на Менгузу крупный капкан, то ходил по ее следам в надежде встретить и подстрелить нахального грабителя. Но каждый раз получалось так, что поставленный на Менгузу капкан спускали другие звери, а выследить и догнать куницу, ночной нарыск которой достигал двадцати километров, было Усову не под силу.

Как-то охотнику удалось подстрелить у самой тропы двух косуль. Подвесив их на дерево, он хотел приберечь добычу до своего выезда из леса. Но через неделю оказалось, что одна из коз изрядно изъедена куницей. Проклиная непрощеную гостью, Усов принес капкан, поставил его под початой косулей и притрусил козьей шерстью. Чтобы куница не утащила за собой далеко капкан, он привязал к нему проволокой полence.

Отлежавшись после сытной трапезы, Менгуза направилась снова к косулям. Стояла тихая лунная ночь. В лесу было светло. Хорошо

виднелся вчерашний след. Бесшумно прыгая с валежины на валежину, Менгуза пробиралась к чужой добыче. Вот и косули. Подвешенные за нижние сучки дерева, они были недоступны колонкам и волкам, но от медведей и куниц добычу не спрячешь. Легко взобравшись на дерево, Менгуза прыгнула на ту косулю, что поближе, и, повиснув на ней, принялась за ужин. Насытившись, она решила спрыгнуть прямо на землю и угодила задней лапой в капкан. Почувствовав под пятой железо, Менгуза молнией метнулась в сторону, но дужки капкана успели сомкнуться на одном из ее пальцев. Круто развернувшись, хищница с ожесточением накинута на «врага», но капкан держал крепко. Тогда Менгуза поползла, волоча его за собой. Выбившись из сил, она отдыхала на снегу, а затем снова продолжала ползти. Когда поленце застревало в валежнике, куница оборачивалась, в бешенстве грызла капкан и снова тащила его под косогор.

Всю длинную ночь Менгуза не переставала бороться с ненавистным «врагом». Ущемленный палец одеревенел и потерял чувствительность. Тогда Менгуза отгрызла его и поспешила скрыться в своем гнезде.

Обойдя путик, Усов решил проверить ловушку. Еще издали он увидел, что капкан утащен. Обрадованный охотник зашагал по следу Менгузы в надежде догнать и убить ее. Каково же было его огорчение, когда, спустившись по косогору, он нашел капкан с зажатым в нем пальцем куницы. Вернувшись к косулям, охотник снова приготовил хороший сюрприз для ночного вора, но Менгуза, как будто догадавшись об этом, больше не появлялась.

Больная лапа мешала ей предпринимать далекие походы, и она время от времени обходила путики и «собирала» дань с охотника. Немало съела харза даровых колонков. Выведенный из терпения Усов решил во что бы то ни стало выследить и убить проклятую куницу. Он знал, что если харзу и удастся выследить, то она не полезет на дерево, а попытается уйти по земле. Загнать же ее на дерево сможет только собака. Пришлось идти в деревню за лайкой. Теперь на охоту Усов ходил с Бельчиком, ведя его сзади на поводке. Не каждая собака умеет ходить по лесу на поводке. Но Бельчик был хорошо воспитанным зверовым псом.

Как-то, осматривая утром свои ловушки, Усов заметил наконец мелькавшую в чаще Менгузу. Быстро отвязав Бельчика с привязи, он показал ему направление и приказал взять зверя. Догнав куницу, Бельчик с ходу попытался схватить ее за длинный хвост, но промахнулся. А Менгуза тем временем заскочила на высокий кедр и затаилась в густой кроне. Подозвав к кедру охотника громким лаем, Бельчик начал крутиться вокруг дерева, задирая вверх морду и нетерпеливо поскуливая. Обойдя кедр и тщательно осмотрев каждую его ветвь, Усов так и не обнаружил спрятавшуюся там харзу. «Ничего, теперь ты от меня никуда не уйдешь», — проговорил охотник,

обращаясь к невидимой Менгузе. Отойдя в сторону, он решил выстрелить в верхнюю часть дерева наугад. После выстрела что-то там слегка шевельнулось, и в темном переплетении сучьев показался силуэт сидящей куницы. «Так вот ты где спряталась! Сейчас я тебя угощу!» — и с этими словами охотник снова выстрелил. Но пуля, попав в мерзлый сук, пошла рикошетом.

Испуганная Менгуза быстро поднялась на самую вершину сорокаметрового кедра и без колебаний, широко распластав лапы и распутив длинный хвост, прыгнула вниз. Даже бывалый Усов не ожидал от нее такой прыти. Увидев летящую к земле харзу, Бельчик замер, задрал кверху морду и предвкушая момент, когда его зубы вопьются в шею зверя. Ловко планируя, куница отлетела от дерева на добрых два десятка метров и, мягко шлепнувшись в рыхлый снег, метнулась в бурелом. Опрометью бросился Бельчик к месту падения куницы, но ее и след простыл. Возвратясь к охотнику с вывалившимся из пасти розовым языком, пес тяжело дышал и с жадностью хватал снег.

В один из февральских дней Усову посчастливилось найти берлогу и убить медведя. Нарубив жердняка, он закатил на него медвежью тушу, затем прикрыл ее еловым лапником и развесил сверху стреляные гильзы и красные тряпочки для отпугивания хищных зверей. Вскоре на место удачной охоты Усова пришла Менгуза. Нисколько не испугавшись незнакомых предметов, она до отвала наелась медвежьего мяса и вернулась в гнездо. По ее пахнущим мясом следам к туше пришли еще две харзы и также изрядно полакомились. Усов, не подозревая о грабеже, не торопился проведать свою добычу, оставленную в лесу. А харзы до того обнаглели, что пировали не только ночью, но и днем. Снующие по лесу звери привлекли внимание кружившего в небе беркута. Орел снизился и в момент, когда Менгуза вылезала из-под лапника, закрывавшего медведя, камнем упал на нее.

Обычно беркут хватал свою жертву одной лапой за голову и, сжимая ей челюсти, не давал кусать себя. Но тут то ли он не рассчитал, то ли Менгуза успела увернуться, но первая хватка пришлась не по месту. И хотя беркут, сжав спину куницы, когтями стал быстро наносить ей сильные удары клювом по голове, Менгуза изловчилась и впилась зубами в орлиное крыло. Видя, что с куницей ему не совладать, орел хотел подняться в небо. Раскрыв свои метровые крылья, он взмахнул ими, но взлететь не смог — правое крыло не повиновалось. А Менгуза все глубже и глубже вгрызалась в незащищенный орлиный бок, из которого лилась кровь. Беркут рвал клювом шкуру куницы, судорожно хватая ее лапами, но ничего не мог поделать. Он терял кровь, а с ней и силы, задыхался от удушья. Тем временем Менгуза добралась до его шеи. Хрустнули позвонки — и поникла гордая орлиная голова. Затем харза перекусила сухожилия на лапах побежденного врага и, выскользнув из его разжавшихся когтей, мед-

ленно побрела к своему гнезду. Молодым куницам, пришедшим ночью к месту сражения, мясо беркута показалось более вкусным, чем мерзлая медвежати́на, и к утру от царя птиц осталась куча разбросанных на снегу перьев.

Заканчивая зимний сезон охоты, Усов потерял всякую надежду застрелить или поймать Менгузу. Но однажды он увидел ее на дереве...

Случилось как-то кунице охотиться днем. Не сумев схватить на земле замешкавшуюся белку, Менгуза начала преследовать ее на деревьях. С быстротой птиц неслись звери по ветвям, перепрыгивая с дерева на дерево. Иногда они спускались на землю и мчались по валежинам, кружились вокруг выворотней. Когда белка бежала по земле или по толстым сучьям, Менгуза догоняла ее и едва не хватала за спину. Тогда белка прыгала на тонкие ветки, сгибавшиеся под тяжестью куницы, но хорошо выдерживающие ее легкое тельце, и уходила от страшного преследования. В пылу погони Менгуза несколько раз срывалась с молодых деревьев, падала без всякого вреда для себя на землю и снова настигала свою жертву. Чувствуя, что в кедраче от куницы ей не уйти, белка направи́лась в молодой ольховник, росший по берегам заболоченного ключа. На голых деревьях она была вся на виду, но гнаться за ней по тонким, покрытым гладкой корой веточкам стало трудно для Менгузы. Перепрыгивая на далеко стоящую ольху, Менгуза не удержалась на слегка обледеневшем стволе и заскользи́ла вниз, судорожно цепляясь когтями за кору. Один из сучьев ольхи, причудливо изогнувшись, образовал коварную развилку. В нее-то и попала шея куницы. Напрасно пыталась она высвободить голову, отогнуть защемивший ее шею сук Менгузы, конечно, не догадалась. Исцарапав кору и вконец обессилив, Менгуза затихла, вытянувшись вдоль ствола и зачоченела, словно кем-то повешенная за свои воровские дела.

Долго рассматривал Усов куницу, хотел было в нее стрелять, но, увидев шапку снега на ее голове, понял, что зверь безжизнен. Вынув топор, он срубил ольху, положил окоченевшую Менгузу в рюкзак и направился к избушке. «И со зверем приключаются несчастные случаи», — подумал зверолов, шагая потемневшим лесом.

АМБА

Летний муссон гонит с неоглядных просторов Тихого океана тяжелые дымчатые тучи к горам Сихотэ-Алиня. Цепляясь за раскидистые вершины темно-зеленых кедров, они замедляют свой бег и проливаются обильными дождями.

Под нависшей скалой, поросшей папоротниками и зелеными мхами, куда не залетают тяжелые дождевые капли, лежит тигр. В знойный день Амба с удовольствием искупался бы в тихом заливе Катэна, но в холодную дождливую погоду он чувствовал отвращение к воде. Облизывая шершавым языком влажную шелковистую шерсть, Амба принюхивается к сырому воздуху. На скалистой круче много от-

стоев — каменистых выступов над самой бездной. К ним иногда прибегают изюбры, спасаясь от хищников.

Амба недавно пришел в урочище Катэна, и его четвероногие обитатели еще не знали о появлении «владыки джунглей». Он не ел четвертые сутки, а дождь все не переставал. Вскоре до его слуха донесся легкий топот копыт и шуршание кустарника. Так мог бежать только напуганный изюбр, но почему в стороне шуршали кусты? Мучимый любопытством, Амба вышел из-под навеса и направился к тому месту, где, по его предположению, пробежал какой-то зверь. Тонкое обоняние хищника уловило свежий запах копыт изюбра. Но к ним примешивался другой запах, который всегда выводил из равновесия тигра, — пахло волками. Это они гнали изюбра. В загоревшихся глазах Амбы сверкнули зеленоватые искорки раздражения. Широко зевнув, он бесшумно заскользил за убежавшими зверями.

Волкам не пришлось долго гнать изюбра. Заскочив на обрывистый выступ скалы, соединявшийся узкой перемычкой с горой, бык обернулся головой к единственному проходу и стал поджидать своих преследователей. С трех сторон его окружала пропасть, и только с одной к нему на площадку могли проникнуть враги. Он низко опустил свои рога, угрожающе поблескивающие восьмью острыми концами-пикиками. Но самым страшным оружием для волков были передние копыта изюбра, разившие насмерть.

Вскоре к отстою подоспели двое волков. Видя, что опоздали, хищники расселись около скалы, облизываясь при виде быка, столь близкого и недоступного для них. Волчица было сунулась к изюбру, но тут же отскочила, лязгнув зубами. Острое копыто чуть не раздробило ей голову. Голодным волкам не хотелось оставлять оленя, и они улеглись под кустами у него на виду. Серые разбойники не раз подолгу осаждали изюбррей на отстоях, доводя их до изнеможения. Не уйти бы от волчьих зубов и этому, если бы не Амба, желтой тенью мелькавший между стволами деревьев.

Тигр издали увидел стоящего на утесе изюбра. Он неторопливо, как опытный охотник, рассмотрел подходы к отстою. Прямо идти было нельзя: место открытое, и олень увидит его. Припадая к земле, Амба стал обходить кругом отстой, скрываясь за гребнем увала. Мягкие подушечки его широких лап с втянутыми когтями, соприкасаясь с мокрыми листьями и травой, не производили никакого звука. Он крался так бесшумно, что даже сам не слышал легкого шелеста своих шагов. Ветки кустарника, задевая за бока, скользили по шелковистой шерсти. Тигр медленно проплывал среди зарослей, как месяц среди туч.

До отстоя оставалось недалеко, когда Амба заметил лежавших на земле волков, внимание которых было сосредоточено на изюбре, переминавшемся с ноги на ногу. Олень вкуснее худого жилистого волка, но тигр без колебания решил схватить волчицу, лежавшую

поближе к нему. То ли заговорила в нем предвечная вражда кошки и собаки, то ли голодная нетерпеливость толкнула Амбу на это. Нацелившись на волчицу, тигр еще осторожнее подползал к ней, переходя от одного прикрытия к другому, а когда до жертвы оставалось не более двадцати метров, он припал на несколько мгновений к земле, подобрал задние лапы, сжав мышцы до дрожи во всем теле, и прыгнул. Десять метров пронеслось его тело в воздухе, прежде чем коснулось земли. Волки бросились врассыпную, но было поздно. На втором прыжке тяжелые лапы Амбы опустились на волчью спину, и не успела волчица огрызнуться, как ее позвонки хрустнули и разошлись в мощных тигриных челюстях. Воспользовавшись бегством своих врагов, изюбр спрыгнул с отстоя и опрометью бросился в спасительные заросли.

Амба нес в зубах волчицу так же легко, как кошка мышь. Ему не хотелось ужинать под дождем. Вернувшись к своему сухому логову, он не торопясь съел переднюю часть волчицы, облизал лапы и задремал. Разбудил его тревожный крик сойки. Занимался солнечный день. Амба спустился к ключу, напился прозрачной холодной воды.

Позавтракав остатками волчицы, он развалился под скалой, и, когда солнце стало клониться к горизонту, отправился по своим охотничьим владениям. Косогор, где шел Амба, был покрыт смешанным лесом. На пути попадались старые дуплистые липы, белокорые пихты. Местами деревья были обвиты лианами. Высокие перистые папоротники скрывали его с головой. Лесные поляны густо поросли колючей аралией и диким перцем, даже тигру было трудно пройти сквозь эти заросли, и он обходил их. Лес оглашался птичьими голосами. Особенно резко выделялись крики желны и дроздов. Пахло перегнивающей листвой. В воздухе носились крупные иссиня-черные бабочки-хвостоносцы. По морщинистому стволу тополя, подобно живой лиане, поднимался вверх полоз, черное тело которого украшал нарядный ярко-желтый узор. И хотя тигр питал отвращение к змеям и никогда их не трогал, полоз поспешил забраться на недостижимую высоту.

С наступлением сумерек оживились обитатели леса. С дерева на дерево перелетали летяги, вышли на охоту индийские куницы. Шелестел в сухих листьях еж. Амба прошел несколько километров, но нигде не встретил изюбра или кабана, к мясу которых питал особое пристрастие. Рассвет застал его на берегу горной реки. Из нее он утолил жажду и, растянувшись на мягком зеленом мху, проспал весь день в тени старых елей. Вечером он снова отправился на охоту.

Пробираясь дубняком, он чуть было не схватил молодого гималайского медведя. Пестун проворно заскочил на дерево и, устроившись в развилке высоких веток, стал наблюдать за тигром, разлегшимся под деревом. Сидеть среди ветвей было жестко и неудобно. Медведь отгрыз несколько веток и сложил их в развилке сучьев.

Получилось некоторое подобие настила, на котором и разместился медведь, как в гнезде. Теперь тигру не дожидаться его на земле. Прокараулив медведя до утра, Амба побрел по лесу в поисках кабанов.

Вскоре он вышел на торную изюбриную тропу, приведшую его к солонцу. Здесь на вязкой земле было много свежих следов изюбрей. Пахло оленями. Тигр внимательно озирался по сторонам. Выбрав сухой бугорок, густо поросший вейником, Амба прилег в ожидании изюбрей. В полночь треснула ветка: к солонцу шел какой-то зверь. Тонкое чутье тигра уловило запах изюбра раньше, чем зоркие глаза рассмотрели его неясный силуэт.

Изюбр подходил к ключу осторожно: останавливался через несколько шагов, поводил большими ушами, долго принюхивался к воздуху. Но, кроме запаха солоноватой земли, его черные ноздри не уловили ничего подозрительного. Наконец изюбр подошел к солонцу и начал жадно поедать землю.

Этого только и ждал Амба. В два прыжка очутился он на спине оленя, в несколько хваток раздробил ему позвонки и сломал шею. Олень упал мертвым. Амба наелся парного мяса и лег на траве недалеко от своей жертвы. Но пользоваться сытым блаженством ему довелось недолго.

Пока он нежился на прохладной земле, по следу его брел огромный бурый медведь. Широкие лапы под полутонной черной тушей утопали в моховой подушке. Десятисантиметровые когти зловеще постукивали о корни деревьев и камни, лежащие на тропе. Медведь был голоден. Он знал, что тигриные следы приведут его к сытному обеду, и не ошибся. Резкий запах свежего мяса заставил его остановиться и принюхаться — кроме изюбрытины, пахло тигром.

О своем появлении «хозяин тайги» оповестил глухим грозным ревом, от которого задрожали листья. Поднявшаяся дыбом шерсть на его загривке увеличивала и без того высокий полутораметровый рост медведя, стоящего на четырех лапах. Он требовал своей доли и в случае отказа был готов на битву. Будь тигр голоден, он, может, и принял бы дерзкий вызов, но перегруженный желудок не располагал к драке. Глухо ворча, Амба уступил медведю свою добычу и ушел в сопки.

Свои охотничьи места Амба обошел за несколько дней. Иногда его дневные переходы превышали десятки километров. В течение месяца он поймал двух изюбрей и одного крупного кабана, но полностью съесть свою добычу ему не удавалось. По его следам ходил медведь. Чувствуя инстинктивно в шатуне более сильного противника, Амба уступал ему, но злость все больше наполняла тигриное сердце.

Наступила осень. С дубов начали осыпаться коричневые желуди, на лозах винограда красовались черно-синие грозди ягод. Спокойствие леса стало нарушаться выстрелами охотников. Среди следов

обитателей Катэна появились новые — следы человека. Амбу не пугали эти следы, но им овладела какая-то смутная тревога, которая боролась с любопытством. Однажды ночью он долго шел по следу человека. Подойдя к ключу, Амба увидел крохотную избушку. Из железной трубы летели искры и пахло дымом, как в тот год, когда горел лес. И хотя тигр не боялся огня, этой крохотной избушки, ему не понравилось соседство с человеком, и он ушел прочь.

Теперь добывать пищу стало труднее. Опавший и смерзшийся лист шуршал даже под бархатными лапами Амбы. Кабанов и изюбрей тревожили охотники и их собаки. Тигр часто ходил голодным.

Как-то, идя по гребню сопки, Амба издали увидел бредущего гималайского медведя, принадлежавшего к той породе полудревесных медведей, которых тигр неоднократно добывал себе на обед. Не подозревая об опасности, гималайский медведь приближался к залегшему за валежиной тигру. Он подбирал на ходу опавшие желуди и так увлекся этим занятием, что подошел совсем вплотную к своему врагу. Глухо рывкнув, Амба в один громадный прыжок вскочил на медвежью спину и запустил в нее клыки и когти. Не ожидавший нападения медведь от страха и боли взревел, шарахнулся под откос. С крутого склона горы звери кубарем скатились в ключ. Здесь медведю удалось вырваться из тигриных объятий, и он побежал в гору, но скоро был настигнут тигром и сбит с ног. Звери опять скатились в ключ. На этот раз клыки тигра вонзились в шею медведя. Немало был потрепан и Амба. Не обращая внимания на свои раны, он принялся за жирную медвежатину. Два дня возвращался тигр к своей добыче, и, когда остались от медведя голова, лапы да крупные кости, которые даже в мощных челюстях тигра не раскалывались, Амба покинул глухой ключ. После жирной пищи ему не хотелось есть несколько дней, но зато пил он много.

Вскоре выпал первый снежок. С удовольствием покатавшись на нем, словно играющий котенок, тигр разлегся под старым тисом, где не было снега. Лес теперь далеко просматривался. Одни его обитатели откочевали в южные страны, другие — впали в спячку. Увеличилось число ворон, слетавшихся к тигру, как только он добывал крупного зверя. Еще больше стало охотников. Их выстрелы часто нарушали сон Амбы, заставляя его настораживаться.

В середине зимы выпал глубокий снег. Местами сугробы превышали рост тигра, и ему трудно было делать длинные переходы. На снегу спать он не мог и потому пользовался гайнами кабанов. Но даже в мягких кабаньих берлогах, где обычно он спал днем, когда скупое на тепло зимнее солнце освещало лес, тигр изрядно мерз и с наступлением сумерек отправлялся бродяжничать. Он любил ходить по медвежьим следам и кабаньим тропам, а если встречал след охотника, то шел и по нему. Ходить по чужим следам было легче, да и добыча попадалась чаще.

Вот и теперь Амба шел кабаньей тропой. словно проложенная по компасу, она тянулась на запад. Вскоре тропа исчезла, распавшись на несколько отдельных следов. Пройдя по одному из них, Амба обнюхал куст бересклета. Ветки его были недавно обломаны, но не валялись на снегу. Видимо, их унес кабан к гнезду, которое могло быть где-то поблизости. Тигр шел очень осторожно, поминутно принимаясь и прислушиваясь.

...Один неосторожный шаг может поднять кабанов, а догнать бегущих свиней будет трудно даже тигру. Растительность не сдерживает их стремительного бега. Кабан как клином раздвигает своим телом густые заросли. Покрытый густой жесткой щетиной, он легко скользит, не цепляясь за ветки. Преодолевать же густую сеть ветвей кустарника тигру будет труднее: его тело более уязвимо, а мягкие лапы могут быть поранены острыми, как шило, и крепкими, как кость, еловыми сучками. Вот почему Амба обычно подкрадывается к кабану как можно ближе и в несколько гигантских прыжков достигает его, но если промахнется, что бывает очень редко, то не преследует.

Мелкими семенящими шажками Амба быстро пошел по направлению к гайну, где лежала свинья, затем припал на передние лапы и толкнул свое тело вперед. В один прыжок он достиг гайна и опустился на дрогнувшую от испуга кабанью спину. Страшный крик огласил уснувший лес. В ужасе бросились в разные стороны поросята, и снова ледяное безмолвие овладело лесными дебрями.

Теперь у тигра был сытный ужин и теплая берлога. Утром чуть свет над Амбой пролетела черная ворона. Она сделала всего один круг, но от ее зорких глаз не ускользнула ни свинья, ни тигр, ни кровавое пятно на снегу. Как! Как! — прокричала она, и не прошло десяти минут, а уж над Амбой кружила стая ее подруг. Они расселись на макушках сухих пихт и начали утреннюю перекличку.

Потянувшись и стряхнув с себя прилипшие хвоинки, Амба приблизился к кедру, встал на задние лапы и запустил свои светлые когти в красноватую кору, словно желая убедиться в ее прочности. Затем он подошел к своей добыче и приступил к завтраку. Слабый ветерок донес до него запах медведя. Вскоре послышался шорох, и черная горбатая фигура шатуна мелькнула в просветах между деревьями. Озлобленный медвежьей назойливостью, Амба глухо зарычал и ошетинился. Но медведь продолжал потихоньку приближаться. Тогда тигр бросился ему навстречу с угрожающим ревом. Он не хотел на этот раз уступать свою добычу. Но шатун был очень голоден. Лохматая черная шерсть, свешиваясь с его впалых боков, на загривке стояла дыбом. Тигринный рев его не пугал, а раздражал.

Из глубины могучей груди неслось рокотание, напоминающее отдаленный грохот грозы. Потоптавшись на одном месте, шатун стал обходить тигра, постепенно сближаясь с ним. Желая отпугнуть Амбу,

медведь поднялся на задние лапы. Теперь его рост превышал два метра. Когти топорщились, как черные крючковатые пальцы рук великана. Для устрашения он загребал ими воздух, при этом когти зловеще щелкали один о другой. Но тигр не уходил. Выбрав удобный момент, он бросился на спину шатуну и вонзил свои кинжалообразные клыки в медвежий загривок. Медведь застонал и повалился на бок. Занеся широкую лапу, он стащил с себя и сжал в железных объятиях тигра, вцепившись в полосатый бок желтыми клыками.

Отбиваясь всеми лапами, тигр не разжимал челюстей. Разрывая крепкие мышцы медвежьей шеи, он добирался до позвонков... Пестрым клубком катались звери по земле, ломая молодые деревца и оглашая лес громким ревом. Под ударами длинных когтей шерсть с обеих летела клочьями. На утоптанном снегу все шире и шире расплывались кровавые пятна. Трижды медведь подминал под себя тигра, но каждый раз хищник выскальзывал из его смертоносных объятий и заскакивал ему на спину, пытаясь сломать медведю шею.

Олени и кабаны в таких случаях бросались в бегство и тащили на себе страшного всадника до тех пор, пока не падали замертво. Да не таков был медведь. Чувствуя, что его оседлал тигр, он валился на бок и стаскивал с себя Амбу своими сильными лапами. В первое время схватки все шансы на победу были на стороне тигра. Он превосходил медведя быстротой ударов, ловкостью и инициативой нападения. Шатун, казалось, только защищается. Но вскоре Амбу стали покидать силы. Не имея возможности убить шатуна молниеносно, он все чаще и чаще попадал в его объятия, от которых трещали ребра. Силы медведя были неистощимы. Его рев перешел в стон, пачкая красивую шкуру тигра пеной и кровью, он разрывал ее когтями и клыками, норовя вцепиться в горло. Вскоре Амба понял, что ему не одолеть медведя.

Он не привык ценой невероятных усилий достигать победы и решил уйти, но лапы медведя, словно железные обручи, стягивали его тело. Чтобы разорвать эту смертельную хватку, тигр вонзил в медвежью лапу клыки. Треснула медвежья кость, но в то же мгновение клыки шатуна глубоко вошли в незащищенную шею тигра. Амба стал задыхаться. Он разрывал острыми когтями тело медведя, вырывал ему один глаз и разорвал ухо, но освободиться не смог...

Медведь убил Амбу тем же способом, которым тигр убивал оленей. Быстро залечиваются раны на медведе. Шатун в течение месяца не покидал кабаньего логова. Съев остатки свиньи, он принял за тигра, мясо которого было столь же вкусным и жирным, как у кабана. Спал он в кабаньей берлоге и, когда запасы пищи кончились, ушел к синеющим на горизонте сопкам.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА

5

ПОВЕСТИ

ЗОЛОТАЯ РИГМА

10

ПОВЕСТЬ О ГИМАЛАЙСКОМ МЕДВЕДЕ

97

АМУРСКИЕ ЗВЕРОЛОВЫ

124

РАССКАЗЫ

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

220

ПОСЛЕДНИЙ БАРС

234

РЫСЬ

247

ТИГРОЛОВ

252

ДРЕВЕСНЫЙ РАЗБОЙНИК

264

АМБА

271

Для детей среднего школьного возраста

Всеволод Петрович Сысоев

ЗОЛОТАЯ РИГМА

Ответственный за выпуск Н. И. ЧЕКОВИТОВ

Лицензия ЛР 010055 от 05.07.96 г.

Сдано в производство 02.02.97. Подписано в печать 26.03.97. Формат 84х108/16. Бумага для высокохудожественных работ. Гарнитура Таймс Нью Роман. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 25,33. Заказ 5007. Тираж 10000 экз. Издательство РИОТИП Хабаровской краевой типографии 680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

2 Р. 50 К.

· СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ·

